

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

А.А. КАРА-МУРЗА

**ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКИЕ
В ГЕНУЕ**

Москва
Альтекс
2013

УДК 617(47+57)(092)
ББК 54.5г
К21

*Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Национального фонда
«Русское либеральное наследие»*

К21 **Кара-Мурза А.А.** Знаменитые русские в Генуе. –
М. : ООО «ПКЦ Альтекс», 2013. – 188 с.
ISBN 978-5-93121-000-0

В книге известного историка русской общественной мысли, доктора философских наук Алексея Кара-Мурзы собраны уникальные материалы о пребывании на Амальфитанском побережье Италии известных деятелей русской культуры XIX–XX вв. – Василия Жуковско-го, Федора Тютчева, Николая Гоголя, Николая Станке-вича, Владимира Яковлева, Александра Герцена, Апол-лона Григорьева, Ивана Тургенева, Бориса Чичерина, Дмитрия Григоровича, Антона Чехова, Александра Бен-уа, Максимилиана Волошина, Анны Ахматовой, Никола-ля Гумилева.

Обложка
Василия Кара-Мурзы

В оформлении обложки использована
фотография Piazza Corvetto в Генуе (нач. XX в.).
В центре площади – конная статуя Виктора-Эммануила II;
в глубине – памятник Джузеппе Маццини.

ISBN 978-5-93121-000-0

© Кара-Мурза А.А., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ	7
ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ	25
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ	42
НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СТАНКЕВИЧ	50
ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ЯКОВЛЕВ	59
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН	83
АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ	111
ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ	117
БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЧИЧЕРИН	124
ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРИГОРОВИЧ	137
АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ	157
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БЕНУА	164
МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН	169
АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА и НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед читателем – очередная книга о «знаменитых русских в Италии»; автор уже выпустил пять книг из этой серии – о Риме, Венеции, Флоренции, Неаполе и Амальфи. Настоящее издание посвящено истории русских путешествий в Геную; содержание монографии охватывает, в основном, период с тридцатых годов XIX в. до первой мировой войны.

В этой книге автор сознательно ограничился только городом Генуя: история пребывания наших соотечественников в соседних городках Лигурийской Ривьеры, как к северо-западу (Riviera di Ponente), так и к юго-востоку от Генуи (Riviera di Levante) требует отдельного исследования.

Разумеется, представленные в книге очерки не исчерпывают тему «Русской Генуи». Ее могли бы существенно дополнить, например, «генуэзские маргиналии» – эпизоды любопытные, иногда поучительные, но которые, увы, «не тянут» на полноценные тексты. Судите сами.

В октябре 1860 г., незадолго до объединения Италии, молодой композитор Александр Порфирьевич Бородин ехал в Геную из тогда еще австрийской Вероны. На границе, австрийские пограничники, к общему удивлению, обыскивали Бородина особенно долго и тщательно: велели раздеться донага, и тот, по свидетельству спутника, «быстро разделся, да еще ногами этакое антраша

выкинул». Только сели в вагон на Геную, окружающие итальянцы восторженно бросились к Бородину, жали руки, угощали вином. Оказалось, рядом ехал известный карбонарий, за которым охотились австрийцы, но всё их внимание обратилось тогда на Бородина (сына, как известно, имеретинского князя), и итальянец избежал ареста.

Не менее забавный случай произошел с философом Владимиром Сергеевичем Соловьевым в мае 1876 г. Сев в Генуе на поезд в Ниццу, он обратил внимание на супружескую пару, которая вошла в вагон, положила большой чемодан на верхнюю полку и куда-то удалилась. Поезд тронулся, и Соловьеву представилось, что в оставленном чемодане лежит зарезанный младенец. Взволнованный страшную догадкой, он решил заявить об этом полиции. Пришли с обыском: в чемодане оказались обычные вещи, а супруги просто-напросто завтракали в вагоне-ресторане...

Искусствовед и литератор Павел Павлович Муратов недолюбливал Геную и вообще Лигурию: это единственная область Италии, которую он не удостоил внимания в своих знаменитых «Образах Италии». Одни исследователи объясняли это тем, что «гордая и жирная» Генуя претила эстетическому вкусу Муратова. Другие – тем, что предвоенная Лигурия кишела русскими революционерами, которых Муратов откровенно не любил (по той же причине избегал он и Капри). А, возможно, дело объясняется тем, что именно в Геную сбежала в 1911 г. с литератором В.Ф. Ходасевичем первая

жена Муратова – танцовщица Екатерина Пагануцци...

Поэт и актер Владимир Семенович Высоцкий по-настоящему узнал Италию лишь незадолго до смерти: в июле 1979-го был в Риме, а в марте 1980-го – в Венеции. Но мало кто знает, что в середине 1970-х Высоцкий несколько раз бывал в Генуе: здесь начинались и заканчивались морские круизы по Средиземноморью на теплоходе «Белоруссия», в которые Высоцкого с Мариной Влади приглашал его друг, капитан теплохода Ф.М. Дашков...

Поэтесса Белла Ахатовна Ахмадуллина была, если кто не знает, правнучкой итальянца Джузеппе Стопани – музыканта-шарманщика из Генуи. У нее даже есть строки: «Милая Генуя нянчила мальчика, думала – гения, вышло – шарманщика!». Отсюда, наверное, особый интерес Ахмадуллиной к «генуэзским эпизодам» из жизни ее великих предшественниц: Марины Цветаевой в Нерви и Анны Ахматовой в Оспедалетти...

Как бы там ни было, работа над важной для отечественного самосознания темой «Русские в Италии» будет продолжена...

Алексей Кара-Мурза,
август 2013 г.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

Жуковский Василий Андреевич (29.01.1783, с. Мишенское, Тульской губ. – 7.04.1852, Баден-Баден, Германский союз) – поэт, переводчик, общественный деятель. Член Императорской Академии наук (1818). Незаконнорожденный сын помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи (в крещении – Елизаветы Дементьевны Турчаниновой). Учился в Московском благородном университетском пансионе, который писатель Б.К. Зайцев в биографическом романе «Жуковский» сравнил с «Casa Dioiiosa», созданном в XV в. при дворе герцога Мантуанского выдающимся педагогом Витторино да Фельтре. И также, как «Радостный дом» в Италии Возрождения, воспитал ряд людей выдающихся, так и Московский благородный пансион выпустил немало своих знаменитостей: Жуковского, Лермонтова, Грибоедова.

В 1821 г. В.А. Жуковский совершил свое первое путешествие по Европе, в том числе по Северной Италии; по его собственным воспоминаниям, «прошел через Сен-Готард в Италию; был в Милане; плывал по Lago Maggiore; любовался Боромейскими островами». В середине 1820-х гг. он близко подружился с русско-немецким художником Евграфом Романовичем Рейтерном, участником антинаполеоновских войн (в битве под Лейпцигом французское ядро оторвало ему правую руку), много ездившим по Италии. (В 1841 г. 58-летний

Жуковский женился на 20-летней дочке Рейтерна – Елизавете).

Весной 1833 г., после путешествия по Франции, Жуковский и Рейтерн решили ехать в Италию. Одной из главных причин поездки было желание Жуковского увидеть Пизу и Ливорно – места, связанные с кончиной его любимого друга Александры Андреевны Протасовой («Саши», в замужестве Воейковой), умершей от чахотки в Пизе зимой 1829 г. и похороненной на греческом православном кладбище в Ливорно.

Все путешествие Жуковского одолевали, по его словам, «мысли, черные как ночь». Рано утром 11 апреля 1833 г. [здесь и далее все даты даны по старому стилю – А.К.] Жуковский и Рейтерн отправились на пароходе «Фердинанд» из Марселя в Геную. Жуковский записал тогда в дневнике: «Залив Генуэзский представляет цепь зданий и вилл. Великолепие зданий и галерные невольники по два на цепи. Контраст великолепия и бедствия человеческого».

Днем, в довольно пасмурную погоду, они несколько часов гуляли по кварталам «старого города». Большое впечатление на Жуковского произвел главный собор Генуи – San-Lorenzo, построенный в XII в и освещенный в честь святого покровителя города, архидиакона римской христианской общины, казненного в годы гонений императора Валериана: «Кафедральная церковь св. Лаврентия из белого и черного мрамора, что великолепно извне. Замечателен особенно придел Иоанна Крестите-

ля, в коем хранится его прах; саркофаг, в коем он привезен из Мирры генуэзцами».

Из других достопримечательностей Генуи Жуковский тогда выделил церковь San-Stefano, где его привлекла живопись любимого им Рафаэля: «Церковь Стефана. Старинное здание, замечательное великолепную картину Рафаэля, изображающую избивание камнями святого Стефана. Верхняя часть – Рафаэля, нижняя – Юлия Романа <Julio Romano>, но достойная учителя. Фигуры Спасителя и Бога Отца, контраст мученика с бешеными мучителями. Все это Рафаэль».

Отметил Жуковский и базилику Santissima Annunziata del Vastato, в которой над входом у центрального нефа выделяется шедевр Джулио Прокаччини «Тайная вечеря»: «Церковь Благовещения – великолепнейшая в Генуе; своды покрыты позолотой; два ряда колонн красноватого мрамора разделяют церковь на три части, над ними своды, украшенные фресками. «Святая Вечеря» Прокаччини...»

Когда Жуковский и Рейтерн вернулись в порт, тот был заполнен экипажами герцогини Лейхтенбергской, плывущей из Генуи в Ливорно и далее следующей во Флоренцию. Это было начало прогремевшего тогда на всю Европу 18-месячного «итальянского гранд-тура», включая Сицилию, популярной дочери пасынка Наполеона Евгения Богарне (бывшего при царственном отчине вице-королем Италии) и принцессы Августы Баварской. Жуковский пометил в дневнике: «Полдюжины гор-

ничных девушек, несколько попугаев, ящиков, узлов, ящичков и прочее, целый хаос. Скоро явились и сами путешественницы, пароход тронулся и началась качка. Дамы скрылись, и ночь их была незавидная, так же как и наша, ибо шел сильный дождь и очень качало».

В Ливорно Жуковский сразу отправился на могилу Воейковой: «Долг свой милому праху Саши заплатил только биением сердца при приближении. Остальное смущено поспешностью, помехою; я срисовал милый гроб наш. Место тихое и ясное». Из Ливорно он ездил в Пизу: «Случай меня привел остановиться в трактире окнами против окна, в коем сидела Саша, и против той башни, которая своим звоном оживила ее последнюю ясную минуту».

На том же корабле путешественники приплыли в порт Чивитта-Веккиа (недалеко от Рима), где их встретил старинный друг Александр Иванович Тургенев, давно живущий в Италии и работающий там в исторических архивах. Отправившись далее в Неаполь, путешественники осмотрели Геркуланум и Помпеи, предприняли и восхождение на Везувий, однако до самого кратера Жуковский не добрался – послал туда своего слугу Федора, а сам дождался его в хижине отшельника, рисуя виды Неаполитанского залива. Ездили на лодке в Вико и Сорренто, а потом совершили дальний переход на ослух на берега Салернского залива.

2 мая Жуковский, Рейтерн и Тургенев выехали из Неаполя и на следующий день были в Риме, где

прожили три недели. Потом, через Чивитта-Веккиа и Ливорно, они 26 мая приплыли в Геную, где Жуковский трогательно простился с Тургеневым.

В следующий раз Жуковский побывал в Италии в 1838–1839 г., сопровождая в поездке по Европе своего воспитанника, старшего сына императора Николая I, Великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II). После путешествия по городам Германии и Австрии кавалькада экипажей перевалила Тирольские Альпы и, минуя Инсбрук, 29 сентября 1838 г. остановилась в Вероне, находившейся тогда в составе Венециано-Ломбардского королевства под властью Австрии.

Вообще, влияние венского двора на выработку маршрута русского Цесаревича было определяющим: канцлер фон Меттерних продолжал пользоваться неограниченным влиянием не только на императора Фердинанда I и его наместника в Италии эрцгерцога Райнера Иосифа, но и на Николая I и его вице-канцлера Карла Нессельроде. Вот почему главными пунктами поездки Наследника были избраны вилла на озере Комо и, также оккупированная тогда австрийцами, Венеция. Рим и Неаполь, и уж тем более мелкие государства Италии, предполагались в путешествии скорее в качестве дополнения.

Некоторая неясность оставалась в отношении возможного посещения Великим князем Сардинского королевства: конкретно, Турина и Генуи. С одной стороны, венский и туринский дворы были тесно связаны: вице-король Венецианско-

Ломбардского королевства Райнер-Иосиф был женат на Марии Елизавете Савойской-Кариньяно, родной сестре короля Сардинии Карла Альберта. Но, с другой стороны, именно на Турин многие в Италии смотрели тогда как на возможного объединителя в борьбе с австрийским владычеством, и подъем его статуса не был в интересах Вены.

Есть много доказательств тому, что Жуковский, как и многие широко мыслящие русские той эпохи, сочувствовал освободительным и объединительным стремлениям итальянцев, старался привить эти настроения своему воспитаннику – Великому князю, и использовал в 1838–1839 гг. свое влияние, чтобы склонить лиц, принимавших решения, включить Геную и Турин в программу путешествия. Тем более, что, волею обстоятельств, именно в это время во главе русской дипломатической миссии при Сардинском дворе оказался его хороший знакомый Федор Иванович Тютчев, которого он знал еще ребенком, навещая его семью.

Итак, первым местом длительного пребывания Великого князя Александра Николаевича и его свиты в Италии стал комплекс аристократических вилл около городка Комо, на юго-западной оконечности Lago Como, где Наследник провел почти три недели в октябре 1838 г. для предписанного ему врачами «виноградного лечения». Интересно, что весной и летом того же года на берегах озера Комо отдыхали и все высшие лица Австро-Венгрии: император Фердинанд I и эрцгерцог Райнер с семьями, а также канцлер, князь Клеменс

фон Меттерних, и граф Йозеф Радецкий – главнокомандующий австрийской армией в Италии. К услугам русского Цесаревича была предоставлена вся инфраструктура элитного курорта, включая «новинку» – недавно спущенный на воду императорский пароход «Ларио», курсирующий по озеру.

Жуковский, в числе немногих самых близких к Наследнику лиц, жил с ним на одной вилле. Кроме него там разместились воспитатели Цесаревича генерал-адъютант А.А. Кавелин и князь Х.А. Ливен, флигель-адъютант С.А. Юревич и личный доктор И.В. Енохин. Остальная свита проживала на виллах, расположенных поблизости.

Впрочем, свои дни на Комо Цесаревич предпочитал проводить со сверстниками из сложившегося вокруг него кружка «золотой молодежи»: Александром Адлербергом (впоследствии Министром двора), Александром Паткулем (будущим петербургским обер-полицмейстером), князем Александром Барятинским (впоследствии наместником Кавказа и генерал-фельдмаршалом), а также юным графом Алексеем Константиновичем Толстым, будущим писателем, в то время путешествовавшим по Италии с матерью. Строгий Жуковский был крайне недоволен легкомысленным поведением друзей своего августейшего воспитанника; в его «Дневнике» можно встретить такие, например, строки: «Великий Князь в руках у наших молокососов, которые врут и повесничают».

Тут самое время вспомнить, что во время путешествия с Наследником Жуковский продолжал ак-

тивно трудиться как литератор. В Италии он был занят переводом драмы «Камозэнс» австро-немецкого литератора Э. фон Мюнх-Беллинггаузена, более известного под псевдонимом «Фридрих Гальм». (В марте 1839 г. перевод был готов и в октябре того же года увидел свет в «Отечественных записках».)

Действие драмы Гальма, в центре которой трагическая фигура выдающегося португальского поэта-рыцаря Луиша Камозэнса (Luís de Camões), происходит в лиссабонском госпитале, куда старый знакомый Камозэнса, торговец-богач Квеведо приводит своего сына, начинающего поэта Васко, чтобы тот, на примере нищего и больного Камозэнса, воочию увидел, куда ведет выбор в пользу Поэзии. Сам-то он желает сыну иной судьбы...

Практически все исследователи творчества Жуковского согласны, во-первых, в том, что его перевод драмы Гальма бесконечно далек от оригинала, а, во-вторых, что текст Жуковского носит подчеркнуто автобиографический характер. По их мнению, старец Камозэнс и юный Васко Квеведо, – это «две стороны души самого Жуковского», разорванной сомнениями и обретшей цельность в споре с самой собой, а их разговоры – это диалог двух ипостасей Жуковского-поэта, его «прошлого» и его «настоящего».

Думается, автобиографическую интерпретацию текста Жуковского следовало бы развить и продолжить. Не будем забывать, что драма писалась в ходе непростой поездки Жуковского рядом с путешествующим по монаршим дворам Европы

воспитанником, цесаревичем Александром, и все мысли Жуковского были обращены на юного принца. И если он и находился тогда в некоем «мысленном диалоге», то не столько с самим собой, сколько со своим учеником, с которым обстоятельства путешествия его часто разводили. Поэтому, юный Васко Квеведо в «Камозэнсе» – это в известном смысле Великий князь Александр Николаевич, а пафос драмы – борьба за душу молодого человека и нового поколения в целом.

Вспоминается в этой связи, как Жуковский, будучи в 1826 г. во время коронации Николая I в Дрездене, настойчиво писал императрице Александре Федоровне (своей бывшей ученице), что для 8-летнего наследника престола зрелище торжеств может оказаться не вполне полезным: «Он мог бы легко усвоить себе незрелые понятия о величии». А в одном из следующих писем добавил: «Для Вашего ребенка, для его будущей судьбы требуется религия сердца. Ему необходимо иметь высокое понятие о Промысле, чтобы оно могло руководить всею его жизнью».

В этом смысле путешествие по Европе в 1838–1839 гг. с его бесконечными парадами, приемами, сановной и дипломатической лестью было для Великого князя огромным нравственным испытанием. В конце концов, Жуковский посчитал, что его воспитанник это испытание выдержал, и был бесконечно удовлетворен этим. Не случайно, в авторском экземпляре «Камозэнса», отправленного в 1839 г. в «Отечественные записки», к имени

действующего персонажа «*Васко, его сын*» рукой Жуковского было сделано примечание: «*Васко де Квеведо Кастель Бранка* – по свидетельству знатоков португальской литературы, более всех других поэтов Португалии приблизился к Камоэнсу...»

...Уже в октябре 1838 г. русской дипломатии стало известно, что Сардинский король Карл Альберт выразил готовность принять у себя наследника русского престола и был бы крайне польщен, если бы Его Императорское Высочество согласились провести зиму в Генуе, Ницце (тогда еще тоже принадлежавшей Сардинии), либо в каком-нибудь другом городе на Средиземноморском побережье, расположенном в пределах Сардинского королевства.

Временный поверенный в делах России в Турине Ф.И. Тютчев немедленно выехал тогда на Комо для консультаций. Жуковский представил его Цесаревичу, и они вместе совершили прогулку на пароходе «Ларио» по озеру. Жуковский записал впечатления о том дне: «День начался пасмурно. Несмотря на то, поехали на пароходе по озеру. К полудню явилось солнце и всех обрадовало. На пароходе с нами все русские дамы и мужчины. Сперва осматривали виллу Соммарива на горе, усыпанной чудесными растениями всякого рода. Отсюда в великолепную виллу Мельци. Потом в Беллажжио. Отсюда в Менажжио, где взяли Бернгарда Веймарского. Потом назад. Ветер сделался холоднее; небо чище и, наконец, вошел месяц». Тютчев тогда горевал о недавно умершей жене, но искренне сочувствовавшему ему и, в то же время,

хорошо информированному Жуковскому было уже доподлинно известно, что тот «опять влюблен».

Далее Жуковский сопровождал Великого князя в Милан, где он сам уже бывал семнадцать лет назад, и где нынешние хозяева Венецианско-Ломбардского королевства эрцгерцог Райнер и генерал Радецкий лично опекали русского Цесаревича. Оттуда путь русской делегации лежал в Венецию, где австрийские власти разместили Великого князя (а рядом с ним и Жуковского) в тех самых апартаментах Старых Прокураций, где после Веронского конгресса жил его венценосный дядя, император Александр I. Из Венеции Жуковский информировал находившегося в Турине Тютчева, что посещение Цесаревичем Сардинского королевства (Генуи, а затем Турина) является делом практически решенным, и визит этот состоится, скорее всего, в середине февраля следующего года, на обратном пути из Рима.

Поздно вечером 4 декабря 1838 г. Великий князь Александр Николаевич прибыл в Рим и разместился в доме русского посольства на Via Vossa di Leone, 78. Жуковский занял комнату неподалеку – в «Albergo Frantz». В Риме Цесаревич прожил месяц и был радушно принят папой Григорием XVI. Губернер Цесаревича, месть Жилль писал о днях, проведенных в Риме: «Со времени прибытия в Рим Государь Наследник посвящает по несколько часов в день посещению всего достойного обозрения в этом городе, столь замечательном исторически-воспоминаниями своего могущества и славы,

столь богатом памятниками всех веков, столь знаменитом художественными коллекциями. Ватиканские галереи и библиотека, Капитолийский музей, частные собрания картин, несравненные образцы древнего и нового зодчества, наконец, мастерские пребывающих в Риме художников всех стран – попеременно привлекают внимание Великого Князя. Его высочество с особенной заботливостью относится к русским художникам, из которых многие приобрели заслуженную славу в этой столице. С наступлением рождественских праздников начались здесь спектакли и балы. Его высочество принимает участие в увеселениях высшего общества. Воздух светел и чист, и Государь Наследник находится в вожделенном здравии».

В те дни сам Великий князь и лица из его окружения (включая, разумеется, и Жуковского) были неприятно поражены поведением австрийского посла при папском престоле графа фон Лютцова, который выражал демонстративное недовольство тем искренним восторгом, с каким итальянцы везде принимали русского Наследника, – в этом ему виделись проявления всеобщей ненависти к Австрии.

Сам же Цесаревич начал испытывать в Риме усталость и ностальгию, о чем писал из Рима любимому адъютанту В.А. Назимову (ранее отосланному из Милана с письмами к отцу-императору в Россию): «Я такой человек, что могу весь в воспоминании жить, и это служит мне утешением в моем отдалении, и хотя Италия очень хороша, но дома все-таки лучше. Завтра отправляемся в Неаполь, а

оттуда далее по назначенному маршруту, так, чтобы к 20-му июня быть дома. О, счастливый день! Когда бы он скорее пришел!».

Неаполитанский Двор встретил Великого князя военным парадом, балом и ночной процессией масок на Via Toledo. Цесаревич посетил Помпеи и Геркуланум, совершил восхождение на Везувий. На обратном пути он остановился на несколько дней в Риме, где для него, по приказанию папы, был иллюминирован купол храма св. Петра. Вместе с Цесаревичем Жуковский принял участие в знаменитом римском карнавале. Известна картина художника-любителя А.П. Мясоедова «Римский карнавал, бывший во время пребывания государя наследника со свитой» (ныне находится в Русском музее), на которой погрузневший Жуковский рядом с изящным Великим князем разбрасывают праздничные конфетти с балкона Palazzo Ruspoli на римском Corso...

1 февраля 1839 г., в «пепельную среду» (начало католического Великого поста), Наследник выехал из Рима в Геную. Ехали через Тоскану вдоль Тирренского побережья и вскоре прибыли во владения Сардинского короля, где первой остановкой стал приморский городок Кьявари. 4 февраля 1829 г. Жуковский записал в дневнике: «Приехал сонный в Киавари, где увидел Паулуччи и Тютчева».

В.А. Жуковский был хорошо знаком с губернатором Генуи Филиппо Паулуччи, посланного королем Сардинии навстречу Цесаревичу. Как и многие русские, Жуковский привык называть Паулуччи

«Филиппом Осиповичем»: ведь до 1829 г. тот находился на русской службе, имел чин генерала, был героем Кавказских войн и георгиевским кавалером, потом губернатором Ливонии, Курляндии и Эстляндии, генерал-губернатором Псковской губернии, градоначальником Риги (там его имя и сегодня окружено почетом).

В середине 1820-х гг. именно через губернатора Паулуччи Жуковский старался помочь своему другу Александру Пушкину, проживавшим под строгим надзором в своих псковских имениях. Жесткий администратор, Паулуччи имел при этом заслуженную репутацию человека европейски просвещенного и с реформаторскими взглядами. Он значительно облегчил жизнь крестьян во введенных ему прибалтийских губерниях и хотел перенести этот опыт на великорусские земли. Когда в 1826 г. по Псковщине прокатилась волна крестьянских волнений, он написал «Записку» в Комитет Министров с целым планом преобразований. А когда, в том же году, был создан специальный «Секретный комитет» для обсуждения мероприятий, призванных предотвратить народные бунты, Паулуччи буквально забросал его предложениями.

По убеждению Паулуччи, от крепостничества в России в наибольшей степени страдали крестьяне, зависимые от самых бедных помещиков, – вышедших в отставку мелких чиновников. В одной из «Записок», поданных в «Секретный комитет» в начале 1828 г., он писал: «В Псковской губернии помещичьи крестьяне, по совершенно беззащит-

ному положению своему, внушают искреннее участие. Отечественное законодательство предоставило их, с весьма малыми ограничениями, произволу помещиков, которые большей частью вышли в малый чин в государственной службе, потому что, по непросвещению своему, не могут надеяться занять когда-либо важных степеней, возвращаются в свои поместья и стараются над бедными, подвластными им поселянами, поселить страх, заменяющий им в глуши деревни уважение света». Паулуччи предлагал ограничить помещичью власть над крестьянами, запретить их продажу без земли, отменить чрезвычайные законы о бессудных ссылках крестьян в Сибирь.

Рассмотревший в начале 1829 г. предложения Паулуччи «Секретный комитет» наложил на них резолюцию, завизированную лично императором Николаем I: «Существующие в государственном устройстве недостатки не могут быть исправлены переменами внезапными, иногда подвергающими опасности общественное спокойствие». Разочарованный позицией нового царя Паулуччи (когда-то бывший любимцем и особо доверенным лицом прежнего императора Александра I) немедленно уволился с русской службы и уехал в родную Италию, где тут же получил пост командующего армией Сардинского королевства.

Утром 5 февраля «отцы Генуи» и выстроенный по приказу губернатора гарнизон торжественно встретили наследника русского престола у восточных ворот города. После военного парада Великий

князь с ближней свитой, включавшей Жуковского, отправились в подготовленные для них апартаменты в лучшей генуэзской гостинице – «Hôtel des Quatres Nations». Днем Жуковский, пять лет назад уже бывавший в Генуе, сопровождал Великого князя при осмотре достопримечательностей города, а вечером сидел с ним в королевской ложе в театре «Carlo Felice» на представлении оперы Винченцо Беллини «Пуритане».

Утром 6 февраля Жуковский, в составе свиты Великого князя, выехал из Генуи в Турин через Алессанрию. В тот день делегация посетила местечко Нови-Лигуре, где в 1799 г. русско-австрийские войска под общим командованием А.В. Суворова разгромили французскую армию фаворита Наполеона – генерала Жубера. Переночевав в Алессанрии, Цесаревич в середине следующего дня торжественно въехал в столицу Сардинского королевства и остановился со свитой в «Hôtel de l'Europe», прямо напротив Королевского дворца.

В Турине Жуковский мечтал встретиться с одним из самых легендарных людей тогдашней Италии – драматургом, мыслителем, журналистом Сильвио Пеллико, ценимого передовой русской интеллигенцией за бескомпромиссную борьбу с австрийским засильем в Италии. В 1819 г. Пеллико был арестован австрийскими властями по подозрению в связях с карбонариями, сидел в самых страшных тюрьмах Милана и Венеции, затем был приговорен австрийским судом к смертной казни, замененной многолетними каторжными работами.

В 1830 г. он был помилован и выслан за границу, то есть к родителям в Турин, где и прожил до своей смерти в 1854 г. В 1832 г. он опубликовал свои мемуары «Le mie prigioni» («Мои темницы». – *итал.*), принесшие ему всеевропейскую славу; книга была переведена на многие языки, в том числе и на русский (СПб., 1836).

При посредничестве Тютчева, встреча Жуковского с Сильвио Пеллико состоялась. Утром 8 февраля Тютчев получил от Пеллико записку: «Я чрезвычайно польщен честью, которую хочет оказать мне г-н Жуковский. В ближайшие дни я буду дома от 2 до 4 часов». Эту записку Тютчев переслал в «Hôtel de l'Europe» Жуковскому, с припиской: «Следовательно, если Вам угодно, в 3-ем часу мы можем отправиться вместе к многострадальцу». Известно, что Жуковский и Пеллико встречались в Турине дважды – 8 и 9 февраля; об этом свидетельствует одно из писем самого итальянца: «Третьего дня и вчера я провел несколько часов с графом (так в тексте. – *А.К.*) Жуковским... Его привел русский посланник Тютчев».

Вечером 8 февраля Жуковский присутствовал на торжественном обеде в Королевском дворце. Он записал в дневнике: «Обед у короля. Я сидел между младшим сыном (Фердинандом, герцогом Генуэзским – *А.К.*), довольно умным и приветливым, и Тютчевым».

На следующий день для наследника русского престола была предусмотрена насыщенная программа. В одной из дипломатических депеш

в Санкт-Петербург сообщалось: «Почти все утро 9/21-го Его Высочество употребил на посещение Генерального штаба в сопровождении герцога Савойского, а также побывал в музее египетских древностей, обладающем лучшей коллекцией в Европе; осмотрел физический, естественно-научный кабинеты и библиотеку».

Самое яркое мероприятие состоялось вечером того же дня. Речь идет об организованной в Королевском театре т.наз. «Карусели» с участием офицеров сардинской гвардии – конной военной игры, пришедшей в XVII в. на смену рыцарским турнирам и сохранявшейся в некоторых европейских странах до конца XIX в. Праздничные мероприятия затянулись тогда до глубокой ночи: «После спектакля гости прошли в музей оружия по длинной галерее, соединяющей здание театра с королевским дворцом. На пути следования Королевскую семью и ее Августейшего гостя встречал весь Двор в парадных платьях, а также представители высшего света... Около полуночи, наконец, Его Императорское Высочество попрощался с Королем и Королевской семьей и удалился». Утром 10 февраля Великий князь покинул Турин и на следующий день прибыл на границу с Ломбардией, где попрощался с уполномоченными представителями сардинского короля.

А Василий Андреевич Жуковский, в составе свиты Цесаревича, продолжил это длинное европейское путешествие: через Милан и Тревизо отправился в Вену, а затем в Германию, Нидерланды, Англию.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

Тютчев Федор Иванович (23.11.1803, Овстуг, Орловской губ. – 15.07.1873, Царское Село) – поэт, дипломат, публицист. Член-корреспондент Императорской Академии (1857). Выходец из дворянской семьи. Начальное образование получил дома под наставничеством Семена Раича: изучал, в том числе, латынь, древнеримскую историю и поэзию; в 13 лет с успехом переводил оды Горация.

В 1821 г., закончив университет, был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел и направлен в Мюнхен (Королевство Бавария) в качестве атташе русской дипломатической миссии. Женится на вдове русского дипломата Элеоноре Петерсон (урожденной графине Ботмер) – красавице на четыре года старше себя, имевшей к тому времени четырех сыновей. Элеонора родила Тютчеву трех дочерей.

Первую поездку в Италию совершил в июне–сентябре 1829 г. вместе с братом Николаем – военным, временно находившемся в отставке: посетили Рим, Неаполь, остров Искью (где были гостями на вилле княгини Зинаиды Волконской) и Милан. По дороге из Мюнхена в Рим и на обратном пути из Неаполя в Милан они дважды посещали Геную, но подробностей той поездки не сохранилось.

Один из близких знакомых Тютчева нарисовал в те месяцы его портрет: «О наружности своей он мало заботился: волосы его были большею ча-

стью всклокочены и, так сказать, брошены по ветру, но лицо было всегда гладко выбрито; в одежде своей он был очень небрежен и даже почти неряшлив; походка была действительно очень ленивая; роста был небольшого; но этот широкий и высокий лоб, эти живые карие глаза, этот тонкий выточенный нос и тонкие губы, часто складывающиеся в пренебрежительную усмешку, придавали его лицу большую выразительность и даже привлекательность. Но чарующую силу придавал ему его обширный, изощрённый и необыкновенно гибкий ум: более приятного, разнообразного и занимательного, более блестящего и остроумного собеседника трудно себе и представить. В его обществе вы чувствовали сейчас же, что имеете дело не с обыкновенным смертным, а с человеком, отмеченным особым дарованием Божиим, с гением».

В 1834 г. у Тютчева завязался роман с Эрнестиной фон Пфедфель, вдовой барона Дернберга. Элеонора Тютчева пыталась противостоять новому увлечению мужа, а когда слухи об этой связи стали распространяться по Мюнхену, предприняла попытку самоубийства. В результате, русский посланник в Баварии князь Гагарин вынужден был просить министра иностранных дел Нессельроде перевести Тютчева в другую миссию.

В ожидании нового назначения Тютчев взял длительный отпуск и увез семью в Россию. Через некоторое время он был назначен старшим секретарем российской миссии в Сардинском королев-

стве. Тютчев один направляется в Турин, оставив семью в Петербурге: в те месяцы он несколько раз встречался с Эрнестиной Дернберг в Швейцарии.

Работа в Турине поначалу не увлекла Тютчева. В ноябре 1837 г. он писал родителям: «Как место, как служба, словом, как средство к существованию – Турин несомненно один из лучших служебных постов... Но, как местопребывание, можно считать, что Турин – один из самых унылых и угрюмых городов, сотворенных Богом. Никакого общества. Дипломатический корпус малочислен, не объединен и вопреки всеем его усилиям, совершенно отчужден от местных жителей... Одним словом, в отношении общества и общительности, Турин совершенная противоположность Мюнхену... Скажите, для того ли родился я в Овстуге, чтобы жить в Турине? Жизнь, жизнь человеческая, куда какая нелепость!»

В конце ноября Тютчев приехал в Геную для прощального, как ему казалось, свидания с Эрнестиной Дернберг. 1 декабря он пишет в Генуе свой стихотворный шедевр, посвященный любимой, с которой собирается расстаться:

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости, —
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,

Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

Чуть позже (либо в самой Генуе, либо под свежим впечатлением от генуэзских прогулок с Эрнестиной) было написано другое знаменитое стихотворение – «Итальянская villa»:

И распротаясь с тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь —
Блаженной тенью, тенью элисейской
Она заснула в добрый час.

И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... Всё было так спокойно!
Так всё от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:

«Что это, друг? Иль злая жизнь не даром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?»

Расставание с Эрнестиной и возвращение в Турин погружает Тютчева в привычную рутину, о которой он снова пишет родным: «Мне здесь совсем не нравится, и только безусловная необходимость заставляет меня мириться с подобным существованием. Оно лишено всякого рода занимательности и представляется мне плохим спектаклем, тем более тошным, что он нагоняет скуку, тогда как единственным его достоинством было бы забавлять... Таково точно и существование в Турине. Оно ничтожно в отношении дела и еще ничтожнее в отношении развлечений».

В середине мая Элеонора Тютчева с дочерьми отправляется морем из Санкт-Петербурга в Германию, чтобы воссоединиться с мужем в Турине. В ночь с 18 на 19 мая пароход «Николай I» терпит катастрофу и сгорает в Мекленбургской бухте в одной миле от Травемюндского рейда. Элеоноре с детьми удалось спастись, но она пережила шок, от которого так и не смогла оправиться: 28 августа, после долгой болезни, она скончалась в Тури-

не. Проведя ночь у ее гроба, Тютчев, как говорили очевидцы, полностью поседел за несколько часов.

Семейная трагедия совпала с неожиданным служебным повышением Тютчева: в результате интриг, глава русской миссии А.М. Обрезков был отозван в Петербург, и до назначения его преемника Тютчеву было поручено исполнять обязанности временного поверенного в делах России в Сардинском королевстве. Дипломатическая активность Тютчева разворачивается в те дни в основном в Генуе и в тесной связи с генуэзскими проблемами. В октябре-ноябре 1838 г. он шлет на имя российского вице-канцлера Карла Васильевича Нессельроде сразу несколько важных депеш (как было тогда принято – на французском языке).

Тема одной из них – обмен дипломатическими представителями между Сардинией и государствами Нового Света (Соединенными Штатами Америки и Бразилией), а также предстоящее заключение торгового договора между Сардинией и США. Тютчев обращает внимание министра иностранных дел на быстрое развитие торговых связей Сардинского королевства с Америкой и подчеркивает, что основным предметом развивающейся торговли является российское зерно, вывозимое генуэзскими торговыми судами из Одессы: «Следует заметить, что в продолжение нескольких лет торговля сего государства с двумя Америками возросла весьма заметно. Ныне во многих важнейших точках Южной Америки правительство Сардинии учредило свои консульства.

В значительной мере это является следствием исконной склонности генуэзцев к морским предприятиям, побуждающей их, не задумываясь, пересекать Атлантику на утлых суденышках, которые кажутся едва пригодными даже для речного судоходства. Первое место среди предметов, ими вывозимых, занимает наше зерно из Одессы, какое они поставляют на рынки Нового Света с большой для себя выгодой». Тютчев обращает внимание руководителя русской дипломатии на тот факт, что, отдав торговлю российским зерном генуэзским купцам, Россия терпит немалые торговые и политико-дипломатические убытки.

В другой депеше Тютчев обращает внимание Нессельроде на секретное торгово-политическое соглашение между сардинским королем и правительством США: «Сардинский кабинет доселе содержит в тайне конвенцию, которую он только что заключил с американским правительством. Вот, однако, что я узнал об этом; полагаю, что могу сообщить эти сведения как достоверные. Американский агент предложил полную отмену в обеих странах дифференциальных пошлин на некоторые продукты... Таким образом, избрав путь на Сардинское государство и на Геную, американская торговля будет иметь возможность, не уплачивая транзитных пошлин, выбрасывать в центр Швейцарии и герцогство Пармское все свои товары, которые оттуда будут переправляться контрабандным путем в Германию, во Францию или в Ломбардию... Из всех этих подробностей, по-видимому, явству-

ет, что цель, которую преследовали американцы, заключалась в том, чтобы прочно утвердиться в Средиземном море».

Почти одновременно с заключением торгового договора с Соединенными Штатами, правительство Сардинии объявило тогда о временной отмене для всех без исключения стран дифференциальных пошлин на ввоз зерна. Сообщая об этом решении Нессельроде, Тютчев отмечает: «Эта мера, которую значительная часть генуэзских коммерсантов встретила с большим воодушевлением, рассматривается здесь только как начало. Надеются, что по истечении означенного срока, Правительство решится утвердить ее окончательно. Нет сомнения, что в отношении интересов нашего Черноморского торгового флота это было бы очень желательно, ибо поощрение сие могло бы побудить наши суда к более усердному посещению генуэзского порта».

Параллельно с активной дипломатической перепиской Тютчев включается в подготовку к визиту в Сардинское королевство наследника русского престола, Великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II), совершавшего в 1838–1839 гг. большое путешествие по Европе. Дипломата Тютчева вдохновлял еще и тот факт, что одним из ближайших людей к Цесаревичу в этой поездке являлся его старинный знакомый – Василий Андреевич Жуковский.

В октябре 1838 г. Тютчев отправляется на виллу Великого князя на озеро Комо, получает ауди-

енцию, и, узнав о согласии Цесаревича посетить Сардинское королевство, отправляется в Геную, где в это время находился сардинский двор, и передает важную информацию руководителю туринской дипломатии графу Соларо делла Маргерита. Одновременно он шлет в Санкт-Петербург очередную депешу Нессельроде: «Отпуская меня, его Высочество позволил надеяться, что в марте будущего года мы будем иметь счастье видеть его в Пьемонте. После его отъезда я поспешил незамедлительно вернуться в Геную, дабы присоединиться к Сардинскому Двору, приехавшему сюда двумя-тремя днями ранее».

В те же дни в Геную из Ниццы приезжает Эрнестина Денберг – это была их первая встреча после смерти Элеоноры Тютчевой. Вместе они остаются в Генуе и после отъезда королевского двора; 27 ноября Эрнестина пишет письмо брату Карлу фон Пфеффелю о своем приезде к Тютчеву и об их решении соединить свои судьбы. Приехал тогда в Геную и Николай Иванович Тютчев, который, будучи посвященным в «сердечные дела» брата, пишет пока очень аккуратное письмо родителям: «Нашел его очень грустным, но здоровьем лучше, чем ожидал». Позднее, уже из Турина, Николай Тютчев написал родителям более подробное письмо об их с Федором жизни в Генуе: «В Генуе провели время очень приятно, ибо общество и дом губернатора маркиза Паулуччи, который всех русских принимает, как соотечественников, гораздо приятнее здешнего».

В преддверии визита в Пьемонт русского Цесаревича статус Ф.И. Тютчева при сардинском дворе значительно вырос. По возвращении в Турин он получил аудиенцию у короля Карла Альберта, представил монарху своего брата, а затем – опять вместе с братом – обедал у министра иностранных дел графа Соларо. В те дни Тютчев (пока всего лишь «временный поверенный» и надворный советник по «Табели о рангах») фактически «на равных» переписывается с высшими дипломатами империи – например, с русским посланником в папском Риме, тайным советником Иваном Алексеевичем Потемкиным.

В свете позднейшей дипломатической опалы Тютчева, можно догадаться о реакции Нессельроде (поклонника Австрии и открытого почитателя князя Меттерниха) на такие, например, тютчевские депеши из Турина: «Нам покуда неизвестно точное время его (Цесаревича. – А.К.) прибытия в Пьемонт. Господин Жуковский два месяца назад писал мне из Венеции, что, по всей вероятности, это будет в середине февраля. Однако, судя по последним письмам, полученным мною из Рима, надо полагать, что событие сие произойдет позднее... Недавно Король, во время аудиенции, которой Он милостиво меня удостоил, сказал мне, что возможность принять в Турине Великого князя Наследника доставит ему живейшую радость». Нетрудно предположить себе и реакцию Нессельроде (известного ретрограда) на депешу Тютчева о готовящейся в Сардинском королевстве земельной реформе –

освобождении земельных собственников от феодальной зависимости: «Она, быть может, откроет новую эпоху в развитии этой страны...»

Тем не менее, служебные формальности в отношении Тютчева пока соблюдаются, и в январе 1839 г. Нессельроде подписывает представление в Правительствующий Сенат о его производстве – «за выслугой лет» – в «коллежские советники» (гражданский чин VI класса согласно «Табели о рангах», соответствующий воинскому званию «полковника»).

В середине января 1839 г. Тютчев получил от главного наставника Цесаревича и руководителя его свиты генерал-адъютанта А.А. Кавелина официальное письмо о маршруте и сроках великокняжеского визита в Сардинское королевство, а также предписание подготовить в Генуе и Турине все для этого необходимое: «Из прилагаемого маршрута Вы увидите, Милостивый Государь, что Великий Князь намерен прибыть в Турин 2/14 февраля и останется там до 5/17. Будьте любезны, распорядитесь, чтобы к этому времени в одном из лучших отелей были приготовлены покои, достойные пребывания Его Императорского Высочества и его свиты, список которой прилагается. Полагаю излишним просить Вас, Милостивый Государь, предпринять все необходимое, чтобы лошади, число коих обозначено в приложении С, были подготовлены, а в таможне дано было распоряжение о свободном въезде экипажей Великого Князя и его свиты».

Между тем, другой курьер, прибывший вскоре, привез несколько иные сведения, и, в связи с возникшей неопределенностью, Тютчев отправляется в Геную. О причинах этой поездки он известил Нессельроде депешей от 23 января: «Я отправился в Геную, где я скорее могу получить известия о возможных изменениях намеченного маршрута, и откуда, после получения окончательного уведомления о дне прибытия Его Высочества Великого Князя на землю Сардинии, я предполагаю отправиться на границу для встречи Его Высочества».

Поздним вечером 4 февраля 1839 г. Великий князь Александр Николаевич Романов пересек границу Сардинского королевства и остановился на ночлег в городке Кьявари, где был встречен губернатором Генуи маркизом Паулуччи и временным поверенным в делах России в Сардинии коллежским советником Федором Тютчевым. Утром 5 февраля он торжественно въехал в Геную.

В Генуе Тютчев, в качестве руководителя русской миссии в Сардинии, в полном соответствии с дипломатическим протоколом, был ближайшим спутником Великого князя на всех официальных мероприятиях. Например, на торжественном обеде, данном в честь высокого русского гостя властями Генуи, из россиян, кроме Тютчева, присутствовали лишь близкий друг Цесаревича, граф Ипполит Кутайсов и престарелый граф Игнаций Соболевский, один из авторов Конституции Польши, долгие годы находившийся в Италии на лечении (в 1846 г. он скончается в Генуе).

Вечером того же дня Тютчев был приглашен Цесаревичем в королевскую ложу во время представления оперы Беллини «Пуритане» в театре «Carlo Felice». Тютчев сообщал в Петербург Нессельроде: «Никогда, наверное, прекрасный зал театра Генуи не видал такого великолепия и такого невероятного стечения публики... Его Высочество Великий князь появился в театре лишь на короткое время и оттуда поехал во дворец губернатора – накануне он согласился открыть там бал... Я хочу остановить Ваше внимание на воодушевлении общества – в Генуе оно показательнее, чем где-либо, не только благодаря своей непосредственности, но еще и потому, что подобное проявление чувств отнюдь не в обычаях этой страны».

Тютчев информировал российского вице-канцлера также о том, что, узнав о приготовлениях к торжествам в Генуе, королевский двор в Турине распорядился сократить празднества до минимума в связи с продолжающимся католическим Великим постом. Однако губернатор Паулуччи, в знак особой приязни к русским гостям, по сути, игнорировал высочайшее распоряжение: «Тем, кто не знает близко этот Двор и не ощутил непосредственно дух ханжества (*«esprit de bigoterie» – фр.*), там царящий, трудно понять глубокое, но притом в высшей степени нелепое негодование по поводу бала, устроенного губернатором Генуи... К счастью, маркиз Паулуччи имел более такта, нежели Туринский Двор, и не пожелал стать орудием высочайшего неприличия (*«d'une haute inconvenance» – фр.*);

он положил полученный приказ в карман, и бал состоялся, будто ничего не произошло. Лишь мне одному, в момент моего отъезда из Генуи, он поведал об этой выходке своего правительства».

Особое отношение властей Генуи к русским, по мнению Тютчева, имело веские причины: «Принимая Великого Князя Наследника, высшие должностные лица Генуи не могли не помнить, что, ежели Король, их повелитель, имеет счастье принимать его Высочество здесь, у себя, то сим обстоятельством корона Сардинского королевства обязана России более, нежели любой другой державе». Действительно, память о русской армии Суворова и флоте Ушакова, много сделавших для освобождения Генуи от наполеоновских войск, была очень жива в памяти генуэзцев.

Утром 6 февраля Тютчев, в составе свиты Великого князя, выехал из Генуи в Турин, куда Цесаревич торжественно прибыл на следующий день. Там Тютчев представил Наследнику служащих российской миссии, а затем участвовал в главных в тот день церемониях: визите Великого князя к королю Карлу Альберту (из приближенных Цесаревича во встрече участвовал только генерал-адъютант Кавелин) и ответном визите короля, который навестил Великого князя в сопровождении премьер-министра, маркиза д'Альфиери.

Во время задуманного лично королем Карлом Альбертом конного представления («Карусели») в Королевском театре вечером 9 февраля, Тютчев, как глава русской миссии, получил в свое распо-

ряжение отдельную ложу рядом с центральной. Утром того дня министр иностранных дел Сардинского королевства и друг Тютчева граф Соларо прислал ему записку от имени короля: «Его Величество полагает, что российскому поверенному в делах будет приятно иметь ложу в своем полном распоряжении, дабы иметь возможность пригласить туда некоторых лиц из свиты Его Императорского Высочества».

Утром 10 февраля Великий князь уехал из Турина в Милан, где Тютчев составил подробный отчет в Министерство иностранных дел о великокняжеском визите в Сардинию. Прием, оказанный Великому князю в Генуе и Турине, действительно превзошел все ожидания. «Ни один иностранный принц не был встречен в сей стране с таким всеобщим, с таким искренним воодушевлением», – не без гордости сообщал он Нессельроде.

Вскоре в Турин прибыл русский курьер с письмом от Николая I королю Карлу Альберту, в котором русский император благодарил за сердечный прием, оказанный его сыну королем Сардинии. К письму прилагалось предписание, адресованное лично Тютчеву. «Вам надлежит, – писал Нессельроде, – передать это письмо, коего копию я прилагаю для Вашего ознакомления, в руки Его Величества. При этом Вам следует устно засвидетельствовать г-ну министру иностранных дел или самому Королю, если Его Величество удостоит Вас аудиенции, что наш Августейший Повелитель высоко ценит то расположение, которое Великий Князь Наследник

встретил со стороны Короля и королевской фамилии. Воспоминание, которое сохраняет об этом расположении Великий Князь, служит, в глазах Императора, к упрочению связей между двумя Дворами, чьи отношения основаны на истинной дружбе и общности принципов».

Предписание Нессельроде заканчивалось словами, которые прозвучали для Тютчева весьма обнадеживающе: «Государь Император с искренним удовлетворением ознакомился с теми из Ваших депеш, где дается отчет о пребывании Великого Князя в Генуе и Турине. Усердие и преданность, проявленные Вами в этих обстоятельствах, были отмечены Его Императорским Величеством и заслужили полное его одобрение». Тем неожиданнее для Тютчева оказался последовавший вскоре удар: русским Чрезвычайным посланником и Полномочным министром в Сардинском королевстве был назначен опытный карьерный дипломат, тайный советник Николай Александрович Кокошкин, переведенный в Турин из Флоренции.

Все, что удалось добиться тогда коллежскому советнику Федору Тютчеву от начальства, – это официального разрешения на брак с Эрнестиной Дернберг. Его тогдашнее настроение не было секретом в дипломатической среде: баварский посол в Турине г-н Олри писал своему начальству, что г-н Тютчев крайне разочарован назначением г-на Кокошкина, добавив при этом: «Если бы этот дипломат употребил живость своего ума для достижения успехов в карьере с таким же рвением,

какое он проявляет в своих сердечных привязанностях, он не раскаялся бы в этом. Он поразил общество стремительностью, с которой летит навстречу второму супружеству – с баронессой Дернберг. Здесь только и говорят об этом предстоящем браке и о препятствиях, которые он со страстным нетерпением преодолевает».

Прервав свою дипломатическую карьеру, Ф.И. Тютчев еще несколько лет жил с новой семьей за границей. На вопрос родителей, не собирается ли он съездить с новой женой в Италию, с которой у него так много связано, Тютчев ответил: «Полагаю, что никогда в жизни я не увижу ее более. Я слишком много там страдал».

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Гоголь Николай Васильевич (1.04.1809, с. Великие Сорочинцы Полтавской губ. – 21.02.1852, Москва) – прозаик, драматург, публицист. Происходил из старинного малороссийского дворянского рода Гоголь-Яновских. С юношеских лет, как многие молодые люди его поколения, был увлечен Италией, что находило выражение в весьма незрелых стихотворных опытах. Одно из этих стихотворений – «Италию» – еще не достигшему 20-летия Гоголю удалось даже опубликовать в начале 1829 г. в «Сыне Отечества»:

Италия — роскошная страна!
По ней душа и стонет и тоскует.
Она вся рай, вся радости полна,
И в ней любовь роскошная веснует.
Бежит, шумит задумчиво волна
И берега чудесные целует;
В ней небеса прекрасные блестят;
Лимон горит и веет аромат.
.....
Еще живут Рафаэль и Торкват!
Узрю ль тебя я, полный ожиданий?
Душа в лучах, и думы говорят,
Меня влечет и жжет твое дыханье, –
Я в небесах, весь звук и трепетанье!..

Мечта об Италии не оставляла молодого Гоголя и в последующие годы. В написанных в 1834 г. «За-

писках сумасшедшего» он вложил в уста измученного санитаром мелкого чиновника Поприщина характерные слова: «Дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтесь кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой — Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синее вдали?»

В начале 1836 г. он уже собрался было в Италию, но на Апеннинах тогда свирепствовала холера, и случай привел Гоголя в Париж: «Я попал в Париж почти нечаянно. В Италии холера, в Швейцарии холодно. На меня напала хандра, да притом и доктор требовал для моей болезни перемены места». Он приехал в Италию лишь в марте 1837 г. для продолжения работы над начатыми в швейцарском городке Веве, а потом в Париже «Мертвыми душами».

Проехав в почтовой карете из Парижа до Марселя, он морем отправился в Геную. Уже из Рима он писал матери Марии Ивановне Гоголь-Яновской: «Генуя великолепна, множество домов больше похожи на дворцы и украшены картинами лучших итальянских художников, но зато улицы есть так узеньки, что двум человекам нельзя пройти в ряд. Впрочем, они выложены мраморными плитами и очень чисты». Очевидно, что именно это, первое

впечатление Гоголя от Генуи проявилось позднее в тексте загадочного и ставшего знаменитым отрывка «Рим», который некоторые искусствоведы называют (наряду с «Портретом») «эстетическим манифестом Гоголя».

В конце 1830-х гг. Гоголь задумал «итальянский роман» «Аннунциата»; первоначальный набросок фрагмента «Рим» он привез с собой в Россию уже осенью 1839 г. В феврале 1840 г. Гоголь читал «Рим» в Москве у Аксаковых; в феврале 1842 г. тот был напечатан в журнале «Москвитянин». Сюжет «Рима» таков: молодой итальянский князь, родившийся в Риме и учившийся в Лукке, стремится в Европу: «Итальянский университет, где наука влачилась скрытая в черствых схоластических образах, не удовлетворял новой молодежи, которая уже слышала урывками живые намеки, перелетавшие через Альпы». Июльская революция во Франции 1848 г. всколыхнула надежды и на перемены в Италии: «Мечтали о возвращении погибшей итальянской славы, с негодованием глядели на ненавистный белый мундир австрийского солдата. Но итальянская природа, любительница покойных наслаждений, не вспыхнула восстанием, над которым не позадумался бы француз; все окончилось только непреодолимым желаньем побывать в заальпийской, в настоящей Европе».

Наконец, князь отправляется во Францию: «Когда переехали Симплон, приятная мысль пробежала в голове его: он на другой стороне, он в Европе! Дикое безобразия швейцарских гор, гро-

моздившихся без перспективы, без легких далей, несколько ужаснуло его взор, приученный к высокспокойной нежащей красоте итальянской природы. Но он просветлел вдруг при виде европейских городов, великолепных светлых гостиниц, удобств, расставленных всякому путешественнику, располагающемуся как дома». Наконец, он в Париже: «Вот он, Париж, это вечное, волнующееся жерло, водомет, мечущий искры новостей, просвещения, мод, изысканного вкуса и мелких, но сильных законов, от которых не властны оторваться и сами порицатели их, великая выставка всего, что производит мастерство, художество и всякий талант, скрытый в невидных углах Европы, трепет и любимая мечта двадцатилетнего человека».

Захваченный бурным водоворотом культурной и политической жизни, молодой князь решает навсегда остаться в Париже: «Нет лучшего места, как Париж... Как весело и любо жить в самом сердце Европы, где, идя, поднимаешься выше, чувствуешь, что член великого всемирного общества! Италия казалась ему теперь каким-то темным, заплеснелым углом Европы, где заглохла жизнь и всякое движенье». Принимаясь за чтение солидных парижских журналов, он вспоминал о «чахоточных журналишках Италии, о каком-нибудь *Diario di Roma, il Pirato* и тому подобных, где помещались невинные политические известия и анекдоты чуть не о Фермопилах и персидском царе Дарии».

Однако через «четыре пламенные года» итальянский князь «во многом разочаровался»: «Тот

же Париж, вечно влекущий к себе иностранцев, вечная страсть парижан, уже показался ему много, много не тем, чем был прежде. Он видел, как вся эта многосторонность и деятельность его жизни исчезала без выводов и плодоносных душевных осадков. В движении вечного его кипенья и деятельности виделась теперь ему странная недеятельность. Страшное царство слов вместо дел». Париж со всем своим блеском и шумом скоро сделался для него «тягостной пустыней»: «Только в одну еще итальянскую оперу заходил он, там только как будто отдыхала душа его, и звуки родного языка теперь выросли пред ним во всем могуществе и полноте. И стала представляться ему чаще забытая им Италия, вдали, в каком-то манящем свете; с каждым днем зазывы ее становились слышнее, и он решился наконец писать к отцу, чтобы позволил ему возвратиться в Рим». Через некоторое время он получил из Рима извещение, «что старый князь уже не существует, что он может приехать распорядиться наследством, которое требует его личного присутствия, потому что построено сильно». Молодой князь не хотел медлить минуты и немедленно взял место в курьерской карете: «Казалось, страшная тягость свалилась с души его, когда скрылся из вида Париж и дохнуло на него свежим воздухом полей».

Маршрут «князя» точно воспроизводит поездку самого Гоголя весны 1837 г.: «В двое суток он уже был в Марселе, не хотел отдохнуть часу и того же вечера пересел на пароход. Средиземное море

показалось ему родным: оно омывало берега его отчизны, и он посвежел уже только глядя на одни бесконечные его волны: трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при виде первого итальянского города...»

Вот здесь в повести «Рим» и появляется знаменитый «генуэзский фрагмент», который стал буквально хрестоматийным для авторов занимающихся темой «русских в Италии»: «Это была великолепная Генуя. В двойной красоте вознеслись над ним ее пестрые колокольни, полосатые церкви из белого и черного мрамора и весь многобашенный амфитеатр ее, вдруг обнесший его со всех сторон, когда пароход пришел к пристани. Никогда не видал он Генуи. Эта играющая пестрота домов, церквей и дворцов на тонком небесном воздухе, блиставшем непостижимою голубизною, была единственная. Сошедши на берег, он очутился вдруг в этих темных, чудных, узеньких, мощенных плитами улицах, с одной узенькой вверху полоской голубого неба. Его поразила эта теснота между домами, высокими, огромными, отсутствие экипажного стука, треугольные маленькие площадки и между ними, как тесные коридоры, изгибающиеся линии улиц, наполненных лавочками генуэзских серебрянников и золотых мастеров. Живописные кружевные покрывала женщин, чуть волнуемые теплым широкко; их твердые походки, звонкий говор в улицах; отворенные двери церквей, кафельный запах, несшийся оттуда, – всё это дунуло на него чем-то далеким, минувшим. Он вспомнил, что уже много

лет не был в церкви, потерявшей свое чистое высокое значение в тех умных землях Европы, где он был. Тихо вошел он и стал в молчании на колени у великолепных мраморных колонн, и долго молился, сам не зная за что, молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желание молиться, что празднично было у него на душе, и молитва эта, верно, была лучшая. Словом, как прекрасную станцию унес он за собою Геную: в ней принял он первый поцелуй Италии».

Н.В. Гоголь затем несколько раз бывал в Генуе, когда он отправлялся из Италии во Францию или Германию и возвращался обратно. Так было летом 1838 г., когда он из Неаполя отправился в Париж через Марсель, и на обратном пути, когда он в октябре того же года возвращался в Рим из Марселя через Чивитта-Веккиа (по этому же маршруту он плыл и в ноябре 1846 г.), или, минуя Рим, плыл через Геную сразу в Неаполь (октябрь 1847 г.). Случалось и так, что Генуя оказывалась на его пути, когда он ехал из Рима дилижансом через Флоренцию, Геную и далее в Ниццу по знаменитому «Cornice» («карнизу») над морем (май 1846 г. и май 1847 г.). А бывало, что путь его проходил через Геную, когда он почтовым дилижансом отправлялся из Рима «на воды» в Германию (август 1841 г.).

Интересно, что во всех этих путешествиях Генуя непременно становилась пунктом, откуда Гоголь отправлял большую корреспонденцию в Россию. Поскольку писать твердым почерком в карете или на корабле затруднительно, то можно пред-

положить, что все эти письма сочинялись Гоголем в Генуе – за те несколько часов, что корабль или дилижанс стояли в городе. Самые длинные письма он писал женщинам – «любимой маминьке» Марии Ивановне или верным друзьям – графине Анне Михайловне Вьельгорской и Александре Осиповне Смирновой. Крайне педантичного в делах своей переписки Гоголя легко представить в каком-нибудь кафе в районе Piazza Carlo Felice (ныне Piazza de Ferrari), обстоятельно и многословно пишущего, а потом собственноручно отправляющего корреспонденцию через находящееся в двух шагах главное почтовое отделение Генуи.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СТАНКЕВИЧ

Станкевич Николай Владимирович (27.09.1813, Острогжск Воронежской губ. – 25.06.1840, Нови-Лигуре, Сардинское королевство) – поэт, философ, общественный деятель. Родился в дворянской семье. В 1830–1834 гг. учился на словесном отделении Московского университета, создал в Москве ставший знаменитым литературно-философский кружок.

Продолжил занятия философией и историей в Берлинском университете. Во второй половине 1839 г. для лечения от туберкулеза объездил курорты Чехии, Южной Германии, Швейцарии, затем отправился в Италию. Его спутником по путешествию стал Александр Павлович Ефремов, товарищ по Московскому философско-литературному кружку, потом по Берлинскому университету, впоследствии доктор философии и профессор географии.

С большими трудностями преодолели разделяющий Швейцарию и Италию Симплонский перевал, поскольку ранние осенние дожди уже затопили долины. Часть горной дороги пришлось идти пешком. «Делать нечего, – писал Станкевич родным, – мы вооружились зонтиками, взвалили чемоданы на швейцарцев, пришедших к нам на встречу и пошли... Этот переход оказался достоин Суворовского! Наконец я в Италии – и еще сам с трудом этому верю!».

Далее в почтовой карете направились вдоль берега Лаго-Маджоре в Милан. Биограф Станкевича, литератор П.В. Анненков, писал о начале того путешествия: «Первый взгляд на Италию не произвел на Станкевича того радостного чувства, которое произведено было более знакомым ему миром, Германией. Родовые черты Италии гораздо строже, а приготовления к принятию и разумению их у нас гораздо менее. Италия требует некоторой уступчивости, некоторой доверчивости к себе, особенно устранения укоренившихся привычек в жизни и даже в суждении; затем уже открывает она себя в величии своей простоты или отсталости, если хотите. Станкевич долго всматривался в ее повседневную жизнь, в эту смесь классических и средневековых обычаев, заключенных в строго-изящную раму, образуемую неизменной природой».

Труден оказался и путь от Милана до Генуи. Станкевич писал родителям: «Мое путешествие от Милана сюда было не без препятствий. Река По разлилась и снесла все мосты. Это принудило нас простоять двое суток в Павии, городке очень скучном, несмотря на его исторические воспоминания. За это вознаградили нас двое суток, проведенных в Генуе. Впечатление, сделанное на меня этим городом, было мне совершенно ново».

В письме уже из Флоренции Станкевич подробнее описал Геную: «Положение Генуи особенно хорошо. Она лежит на полугоре над морем и опоясывает полукругом гавань; деревни и загородные

домики виднеются вдаль... В первый раз еще видел я такое множество великолепных дворцов, которые знал до сих пор по описаниям и картинкам. Без отдыха бродили мы из одного в другой и любовались, не столько их богатством, сколько редким вкусом, который умел воспользоваться этим богатством. Особенно занимали меня некоторые собрания картин, где я видел работы лучших мастеров. Церкви особенно отличаются роскошью, мрамор, кажется, не дороже, чем у нас лес, и множество дорогих камней украшают алтари».

П.В. Анненков отмечал «особый стиль» Станкевича при осмотре новых мест в Европе: многие из них, «прославленные дорожниками», «считал он просто наказанием путешественников». «Не видать – стыдно, а смотреть – не стоит, говорил он... Он не заглядывает в книжку, отдаваясь вполне одним своим впечатлениям... Общий характер свободы, простора, данного собственной восприимчивостью, не стесняемой чужими представлениями».

В Генуе, из всего им и Ефремовым увиденного, Станкевич выделил старинную виллу Digazzo-Palaviccini, находящуюся в стороне от туристских маршрутов: «Мы пошли полюбоваться на один уединенный дворец (Пальвичина) в конце города. Он мне напомнил убежища римских вельмож, сколько я их знаю по слухам. Гроты и фонтаны на каждом шагу, уставленные прекрасными статуями; роскошный вид из окон, апельсиновые и лимонные деревья, кипарисные аллеи, и все это – не мило

их владетелю! Говорят, он не показывается сюда и проводит время то в Милане, то в другом каком-то городе!»

Из Генуи путешественники отправились морем в Ливорно. Станкевич написал тогда своему другу, историку Т.Н. Грановскому: «Как хорошо море, когда на него смотришь из Генуи, но какая мерзость, когда плывешь по нему! С первой минуты отплытия (из Генуи. – А.К.) до высадки на берег (в Ливорно. – А.К.), тошнота не покидала меня ни на минуту. Вот мучительная болезнь – мерзость мерзостью». Об этом же – фрагмент из письма родным: «С минуты отплытия до самой высадки на берег меня мучила несносная тошнота, так что два дня потом не мог я равнодушно слышать слов: море и пароход. Это было, вероятно, мое последнее путешествие морем (так, увы, и случилось – А.К.). Мельком взглянули мы на Ливорно, который кипел продавцами, покупателями, факторами и мошенниками (это порто-франко) и поспешили во Флоренцию».

Первоначально, больной чахоткой Станкевич намеревался провести зиму в находящейся ближе к морю Пизе, однако предпочел Флоренцию. Скрывая обострение своей болезни от родителей, он был откровенен только с друзьями: «В Пизе, говорят, теплее, но я боюсь больше ее низкого положения, а главное того, что она, по общему приговору, довольно скучна и набита заезжими больными. Я не хочу ставить себя в этот разряд».

В столице Великого герцогства Тосканского Станкевич поселился отдельно на площади Сан-

та Мария Новелла, в ближайшем к знаменитой церкви доме (сейчас это один из корпусов отеля «Minerva»). Родителям он написал о своей новой квартире: «Я нашел себе жилище на Piazza Santa Maria Novella, на юг, как хотел. У меня довольно большая комната и маленький кабинет для спанья. Это стоит 40 франков (рублей) в месяц. Здесь любают очень зеркала и потому у меня их три в одной комнате и очень больших, но зато столько же и стульев». В те же дни он писал Грановскому: «Первые дни я много бегал по галереям, за городом, ездил верхом и ничего почти не делал; наконец, спохватился, стал кое-как работать... Прочел несколько скучных драм и романов для усовершенствования себя в итальянском языке; оканчиваю теперь “Флорентийскую Историю” Макиавелли... Здешние галереи в самом деле богаты и даже мне варвару доставляют много удовольствия... Доктор велит ехать в половине февраля в Рим; дескать, здесь начнутся ветры».

В Рим Станкевич приехал из Флоренции 8 марта 1840 г. и снял квартиру в третьем этаже по адресу: Corso, 71. В письме к своим друзьям Фроловым он так описывал новое жилище, которым был «очень доволен»: «Железная печка очень хорошо греет комнату, чистую, веселую и удобную. Маленький Schlaf-cabinet (спальня. – нем.), по счастью, как раз против печки, следовательно, с этой стороны я обеспечен: солнце, когда оно на небе, смотрит и сюда – не знаю, надолго ли, потому что с моего перехода только сегодня утром нет дождя.

Но, по положению и заверению хозяйки, можно надеяться всего хорошего и в этом отношении».

В Риме Станкевич взял под свою опеку приехавшего позже юного Ивана Тургенева. Биограф последнего, писатель Б.К. Зайцев, писал: «Ему (Тургеневу. – А.К.) нашелся превосходный сотоварищ, друг и вождь – Станкевич. К Риму идет тонкий изящный профиль Станкевича, с длинными, на бок заложенными кудрями, с огромным поперечным галстуком, благообразным рединготом... Тургенев со Станкевичем много выходили, много высмотрели... «Царский сын, не знавший о своём происхождении» (так назвал позднее Станкевича Тургенев – А.К.) доблестно водил его по Колизеям, Ватиканам, катакомбам. Воспитание Тургенева продолжалось. Италия помогла царскому сыну отшлифовать другого юного принца, престолонаследника русской литературы. Именно в Италии... овладевал Тургеневым дух Станкевича – дух поэзии и правды».

Тургенев оставил нам портрет Станкевича того времени: «Станкевич был более, нежели среднего роста, очень хорошо сложен – по его сложности нельзя было предполагать в нем склонности к чахотке. У него были прекрасные черные волосы, покатый лоб, небольшие карие глаза; взор его был очень ласков и весел, нос тонкий, с горбиной, красивый, с подвижными ноздрями, губы тоже довольно тонкие, с резко означенными углами».

В апреле 1840 г. в Рим приехала семья крупного русского ученого и военного теоретика, профессо-

ра истории Императорской военной академии Николая Васильевича Медема. 44-летний генерал и его красавица-жена Мария Михайловна (дочь профессора М.А. Балугьянского, преподававшего в свое время юриспруденцию русскому императору Николю I) впервые были в Италии: хорошо узнавший к тому времени Рим Николай Станкевич оказался для них прекрасным «*cissegone*». По мнению биографов Станкевича, именно в «итальянском путешествии» 1839–1840 гг. во всей полноте начал раскрываться его талант интеллектуала. Увы, к лету 1840 г. чахотка Станкевича стала прогрессировать.

По причине обострившейся болезни Станкевич не смог составить кампанию Ефремову и Тургеневу в их поездке в Неаполь. Он находился тогда в местечке Альбано под Римом, откуда писал Фроловым во Флоренцию: «Путешествие мне еще нелегко от болей, которые все странствуют по правому боку с места на место и не дают спать порядочно... Воздух был бы здесь недурен, если б мог я далеко ходить, но так я могу только наслаждаться великолепным видом из моих окон. Моя комната – для поэта: грязный, кирпичный пол, полинялые стены, небольшая, но с окном посередине, откуда видны лесистые холмы, равнина и вдалеке море. Прислужник, лет 55 если не больше, толст и с красным носом, говорит совершенно в роде гоголевского судьи, как старинные часы, которые сначала хрипят, потом бьют».

Одной из последних радостей для Станкевича стал приезд в Рим Варвары Александровны Дья-

ковой (урожденной Бакуниной) – младшей сестры его рано умершей невесты Любви Бакуниной. Варвара Дьякова тогда фактически разошлась с мужем и путешествовала по Европе с четырехлетним сыном Александром.

19 мая 1840 г. Станкевич написал большое и искреннее письмо Михаилу Бакунину, брату Любви и Варвары – своей умершей невесты и своей последней обретенной любви: «Любезный Мишель!... Прежде всего, скажу тебе, что Варвара Александровна здесь, в Риме. Я собирался ехать в Неаполь, заболел – и она, узнавши об этом, приехала нарочно, чтобы меня видеть... Теперь ты можешь судить, что такое для меня святое, братское участие сестры твоей – я не умею тебе сказать ни слова о том, что произвел приезд ее, но она, это видит, я в этом уверен. Я только спрашиваю себя день и ночь: за что? за что это счастье? Оно не заслужено совсем. Она окружает меня самую сильную, самую святою братскою любовью; она распространила вокруг меня сферу блаженства, я дышу свободнее, у меня поднялось и здоровье и сердце, я становлюсь и крепче и святее... Я еще слаб, хотя поправляюсь с каждым днем с приезда сестры твоей... Сегодня, на общей консультации, положено, чтоб я ехал на Lago di Como и там пил эмсскую воду. Варвара Александровна также намерена туда ехать, а зиму мы думаем провести вместе в Ницце. Эта будущность дает мне теперь силы и заставляет сердце трепетать от радости».

В начале июня 1840 г. Дьякова и вернувшийся из Неаполя Ефремов (Тургенев прямо из Неаполя отправился через Геную в Германию) повезли чуть окрепшего Станкевича из Рима во Флоренцию, куда гувернантка привезла из Неаполя сына Варвары. Прожив там несколько дней, они выехали почтовыми каретами в Геную, откуда направились в Милан, чтобы двигаться далее к озеру Комо.

Однако на первой же остановке, в городке Нови-Лигуре (в сорока милях к северу от Генуи), Николай Александр Станкевич скончался в ночь с 24 на 25 июня 1840 г. Его тело было перевезено в Геную и там временно похоронено в одной из церквей. Через некоторое время гроб погрузили на корабль, следующий из Генуи в Одессу, а затем переправили в родовое имение Станкевичей Удеревка Воронежской губернии (сейчас это территория Белгородской области).

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ЯКОВЛЕВ

Яковлев Владимир Дмитриевич (1817, Санкт-Петербург – 3.11.1884, Санкт-Петербург) – поэт, переводчик, путешественник, мемуарист. Недолго обучался в Императорской академии художеств, потом в Петербургском педагогическом институте, но курса не окончил. Преподавал в приходских училищах, работал журнальным корректором, печатал стихи и рассказы в духе романтизма. Кумиром его юности, как он признавался впоследствии, был Сальватор Роза – итальянский художник, поэт и актер, философ и бунтарь по натуре. Яковлев – сам бедный поэт, болезненный и почти неизвестный, часто повторял про себя популярное в 1830-е гг. стихотворение одного из столпов русского романтизма, учителя Жуковского, Семена Раича «Жалобы Сальватора Розы»:

Что за жизнь? Ни на миг я не знаю покою
И не ведаю, где приклонить мне главу.
Знать, забыла судьба, что я в мире живу
И что плотью, как все, облечён я земною.

Я родился на свет, чтоб терзаться, страдать,
И трудиться весь век, и награды не ждать
За труды и за скорбь от людей и от неба,
И по дням проводить без насущного хлеба...

Но в конце 1846 г. случилось чудо: о Яковлеве узнал сам наследник русского престола, великий князь Александр Николаевич: у его супруги, вели-

кой княгини Марии Александровны, жена Яковлева до замужества служила любимой камер-девушкой. Сама А.И. Яковлева, дочь Иоганна Утермарка, изобретателя новейшей «голландской печи», обогревавшей пол-России, выпускница Елизаветинского института благородных девиц – тоже человек интересный. Посвятившая жизнь семье, она после смерти мужа написала мемуары «Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны», опубликованные в 1888 г. в нескольких номерах «Исторического вестника». Как бы там ни было, Наследник-цесаревич Александр Николаевич, сам воспитанник Жуковского и любитель романтической поэзии, пожаловал тогда молодому мужу придворной любимицы большую сумму – пять тысяч рублей серебром для лечения за границей. Яковлев использовал эти деньги для поездки в Италию летом 1847 г., о которой оставил подробные мемуары.

Он посетил тогда Венецию, Флоренцию, Рим, объездил берега Неаполитанского и Салернского заливов. Направляясь далее из Неаполя в Геную, сделал остановку в Ливорно – главном морском порту Великого Герцогства Тосканского. Хотя пароход был совсем небольшим, с берега к нему ринулось два десятка лодок с гребцами-носильщиками, имеющими официальную лицензию: «Из гавани налетела на нас целая гребная флотилия; пароход был осажден с подветренной стороны, и толпа воинственных лодочников энергически пошла на abordаж. С криком и гамом они принялись хватать

и открытою силой оспаривать друг у друга чемоданы и мешки пассажиров... Сам капитан не в силах был уверить. Что это не корсары, а привилегированные *fascini*, к услугам путешественника... Один толстяк, поторопившийся спуститься с трапа, подвергся самому хищному усердию гребцов: его перетаскивали с лодки на лодку, как тюк хлопчатой бумаги, и все это под беспощадным ливнем. Другой погнался за своими вещами, унесенными в розницу, видел, как его чемодан, мешок и футляр с шляпой отправились на берег в трех лодках, и принужден был заплатить за эти бесчеловечные услуги по таксе. Заключив оборонительный союз с путешествующим русским архитектором, я успел защитить свои пожитки от неистовства этих патентованных пиратов; мы спустились в лодку, которая страшно прыгала по волнам, покуда не добрались до гавани».

В северной части Тирренского побережья Италии именно Ливорно был главным соперником Генуи: «Ливорно город новый, без воспоминаний и более общеевропейский, чем итальянский..., готовый назваться итальянским Гамбургом. Ливорно не заботится об искусстве, о поэзии. Ливорно не мечтает, а действует. Это город евреев, векселей, банкиров и банкротов».

В Ливорно Яковлев проставил отметку в паспорте для дальнейшей поездки в города Сардинского королевства: «Когда я сказал в гостинице, что отправляюсь в Геную, мне напомнили, что за это удовольствие я обязан предварительно запла-

тить четыре франка сардинскому генеральному консулу в Ливорно. Увы! Если б я забыл снабдить свой паспорт печатью, меня не пустили бы за границу сардинских владений». Яковлев далее подробно описывает поездку в Геную на почтовой карете вместе с попутчиком-бельгийцем.

Итальянские мемуары В.Д. Яковлева – это практически единственное в русской литературе подробное описание поездки в Геную с юга, по берегу Ривьеры ди Леванте: «Во всей Италии, может статься, не существует другой дороги, такой живописной, удобной и разнообразной пейзажами, какова дорога от Специи до Генуи. Весь этот гористый берег, Riviera di Levante, покрыт могучею и роскошною растительностью... Генуэзцы убедились, что весь этот берег представляет все красоты и выгоды стран более южных, и строят здесь себе заманчивые виллы... Окрестности Сестри славятся прекраснейшими плодами, и предложенные нам сочные персики и миндаль, только что снятые с дерева, оправдали эту славу. Отсюда до города Кьявари ехали мы берегом залива, при бесконечном шуме волн, разбивающихся о скалы... Панорама этого залива, почти неизвестного пейзажистам, великолепна. С одной стороны, вы видите живописно набросанные разноцветные скалы, на которых зеленеют каштановые и масличные деревья, рисуются в прозрачной дали пинии и кипарисы; с другой стороны, от волн до облаков встала громада горы Portofino, отделяющий этот залив от Генуэзского. Такая блистательная панорама была бы

достойна большого и пышного города; но ею любуются одни скромные селения, и в особенности местечко Рапалло, белеющее с своею башнею на бедре утесистой горы и окруженное садами».

Переночевав в Рапалло, Яковлев с попутчиком на следующий день достигли Генуи: «При розовом блеске зари перед нами засинело море. С прибрежных скал мы увидели весь очерк Генуэзского залива, обставленного лиловыми горами, которых скаты усеяны белыми сверкающими точками. Быстро росли эти точки, по мере нашего приближения к ним превращаясь в грациозные загородные жилища, размещенные по уступам гор, точно для украшения пейзажа. Местами в этих виллах растительность, по-видимому, оставлена своему произволу: гранатовые и лимонные деревья, южная акация, молодая пальма, испанские жасмины, мирты и лавры переплетаются между собой ветвями, смешивая свои различные формы, свои цветы, плоды и всевозможные оттенки зелени. Посреди этих оазисов появляется летний палаццо с мраморными лестницами и террасой, уставленной мифологическими статуями. Между тем великолепный амфитеатр Генуи постепенно выдвигается из голубоватого тумана: зеленые террасы возносятся над террасами, дворцы над дворцами, сады над садами, замки над замками – и весь этот цветистый, фантастический город от голубых волн подымается высоко по уступам скал, укрытый от севера цепью нагих горных громад, которые в эту минуту сияли роскошнейшими отблесками утра».

Путешественники приехали в Геную в воскресенье: «Город едва пробуждался, но колокола церковей уже были приведены в полное движение, возвещавшее наступление воскресного дня. Копыта наших лошадей застучали и заскользили по гладким плитам мостовой, и карета остановилась на площади, обставленной гигантскими зданиями, которых фасады расписаны цветистыми фресками. Мы не успели осмотреться, как услужливые носильщики перегрузили себе на спину всю нашу кладь и гимнастическою рысью бросились в ближайший переулок, или, точнее, в ущелье между двумя рядами семиэтажных домов, где мы должны были догонять страшно расторопных парней пешком, так как здесь нет иного доступа к прекраснейшим гостиницам».

Яковлев остановился в одном из дорогих отелей недалеко от порта: «Генуэзские гостиницы помещаются большею частью в старинных палацках. Покои здесь просторны и прохладны... Мебель здесь самая легкая, соломенная; но высокая железная кровать решительно занесена сюда из какого-нибудь средневекового замка: на этих квадратных тюфяках вы можете почивать вдоль и поперек, если только вас не будет беспокоить шелест сухих маисовых листьев и стеблей, которыми эти тюфяки набиты. Но всего чаще тревожили здесь меня ночные певцы: эти люди, мучимые бессонницей, мерным шагом прогуливаются по пустынным улицам и громко распевают отрывки из всяких опер, какие им удастся припомнить».

Гостиница находилась в самом центре «старого города»: «Из светлых зал отеля, откуда из окон открывается вид на море, по широкой лестнице, украшенной мраморными балюстрадами и бюстами, я спустился в переулок, извивающийся между высочайшими домами, и с первых шагов, не без удовольствия, заблудился в этом лабиринте проходов, коридоров, пересекающихся между собою под всевозможными углами».

Эта «готовность заблудиться» – характерная черта Яковлева-путешественника, что делает его путевые заметки особенно интересными: «Я редко спрашиваю дорогу: хотя часто заблуждаюсь, зато вижу много оригинального. Доверившись проводнику, рискуете видеть только то, что *он* считает достопримечательным. А опытом дознано, что такому существу достопримечательнее серебряного пиастра кажется только одно: золотой империал. Я стараюсь, по возможности, уклоняться от больших дорог: только таким способом и можно поближе познакомиться с этой прекрасною землею и с ее народом, который так часто бывал оклеветан путешественниками, имевшими дело единственно с трактирной челядью и чичеронами (проводниками. – А.К.). Аристократическое путешествие из миланских гостиных во флорентийские, римские и неаполитанские гостиные – также не дает вам почти никакого понятия о национальном характере, об особенностях и предрассудках каждого племени: в европейских гостиных господствует род внешне-го космополитизма, который называется хорошим

тоном; с законами его сообразуются все столицы цивилизации. Национальные предания сохраняются неприкосновенно только в той части населения, которая называется «народом». Хотите узнать степень его довольства или бедствования, хотите видеть все то, о чем путешественники обыкновенно умалчивают, – вмешайтесь в толпу, поживите жизнью народной массы».

Именно блестящие зарисовки итальянской повседневности – лучшее в мемуарах Яковлева. Генуя у него предстает глубоко самобытным городом: «Генуя город оригинальный, город контрастов. Роскошные здания здесь часто облеплены мелкими лавчонками». Местами генуэзские улочки «так тесны», что «ни одна женщина не пройдет мимо, не затронув вас невольно своим платьем; столкновение двух распущенных зонтиков производит здесь крайнее замешательство, а при встрече с каким-нибудь дрянным мулом, несущими на спине две корзины, нагруженные плодами и овощами, прохожий вынужден не только сторониться, но и искать убежища в чужой двери. Местами эти так называемые улицы расширяются шагов на семь; но тут являются ряды магазинов, лавок, кофеен, и около них десятков покупателей или зевак составляют непроходимую толпу. Это настоящие улицы юга: ни один луч солнца сюда не западает, и деятельность этого муравейника не прекращается даже в часы томительного зноя. Вот улица подымается в гору широкими ступенями, по которым твердо шагает мул, навьюченный мехами с вином,

или лошак, спокойно несущий нетерпеливого путешественника. И лишь только вы начинаете скучать этой теснотой, этим мутным воздухом – перед вами открывается блистательная перспектива палаццов, где нет ничего кроме роскоши, света, благоуханий».

Разумеется, Яковлев имеет здесь в виду прежде всего две наиболее аристократические улицы Генуи – Via Balbi и Strada Nuova: «Пристрастие к блеску и роскоши, особенно свойственное народам Юга, обнаружилось в Генуе в невероятных размерах. Удовлетворение этой страсти стоило генуэзцам несравненно дороже, чем, например, римлянам, которые для постройки своих дворцов и храмов разрушали целые капища богов и дворцы цезарей. Генуя, точно также как и Венеция, каждый кусок мрамора должна была купить или, по крайности, завоевать на Востоке. По счастью, оба эти города в свое время не имели недостатка ни в золоте, ни в целых флотилиях галер для осуществления своих баснословных прихотей... Солнце золотит здесь карнизы фасадов, лоснящихся разноцветным мрамором, а на скользком каменном паркете лежит прозрачная, совершенно голубая тень... Сквозь открытые порталы вы видите пышные лестницы, уставленные статуями, двор, обнесенный мраморными перистильями, и посреди его фонтан, сверкающий над порфировой чашей... Дворцы улиц Balbi и Strada Nuova – не массивные и мрачные замки Флоренции, не волшебного причудливые, но обветшалые палаццо Венеции, не величествен-

ные, но строгие здания Рима: генуэзские дворцы соединяют в своей архитектуре массивность и роскошь, величие и грациозность. Все, чем у нас отчасти украшаются дворцы во внутренности, расточено здесь на наружность здания: вообразите фасады, покрытые фресками, колонны, балюстрады, лестницы, балконы из разноцветного мрамора; аркады поддерживающие террасы с цветниками, статуями и фонтанами».

Приятно удивило русского путешественника то, что роскошные дворцы Генуи, как правило, открыты для свободного посещения: «Войдите в любой из этих палаццов: они открыты с утра до ночи для званых и незваных... По великолепным залам блуждайте сколько вам угодно, отдыхайте по целым часам в тяжелых креслах, которые вам не сдвинуть с места – никто вас не потревожит. Для нынешних владельцев эти анфилады слишком обширны; они обыкновенно гнездятся где-нибудь в уголке, оставляя просторные галереи призракам своих предков... И хорошо, если вас внезапно не призывает к жалкой действительности какой-нибудь стряпчий, заседающий под этими расписанными и раззолоченными сводами, или англичанин с шляпою на голове, с путеводной книгой в руке, торопливо пробегающий по знаменитым анфиладам единственно для того, чтоб иметь право сказать, что он их видел».

Пользуясь редкой возможностью, Яковлев внимательно изучил многие аристократические здания Генуи: «Эти чертоги, очевидно, воздвигались

для блистательных пиршеств. Все здесь дает высокое понятие о богатстве города, которого граждане жили так пышно. Эти купцы-герои поручали живописи изображать свою жизнь, свои подвиги, свою физиономию; и теперь в пустынных задах вы легко переноситесь в эпоху могущества Генуи, в общество этих патрициев, одетых в глазет и бархат, гордых своим богатством, в общество этих прекрасных женщин, на портреты которых вы не можете глядеть без сладостного трепета в сердце, без ревности к их обладателям, которые давно почили. В невольном забвении вы ждете, что эти красавицы сбросят свою кружевную фату и подойдут к вам со своею вечной, кокетливой улыбкой».

В 1847 г., когда Яковлев осматривал генуэзские дворцы, многие из них находились в запущенном состоянии – «часто владельцы лишены всяких средств предохранять их от разрушения». «Дворец Дориа (Palazzo del Principe – А.К.), со своими аркадами, с своими садами, которые террасами спускаются к морю, поныне поражает вас своей грандиозностью, хотя весьма поход на развалину. В саду над бассейном водомета, возвышается статуя Нептуна, в физиономии которого вы узнаете черты старого морского героя Андрея Дориа; но эта статуя давно почернела и страшно изувечена; водомет давно перестал струиться, а на запущенных дорожках играют зеленые ящерицы, изредка тревожимые путешественниками»; «Громадный дворец фамилии Саули (Palazzo Sauli – А.К.) я нашел в том состоянии ветхости и запустения, кото-

рое печальнее и мрачнее всякой развалины. Шагая по мраморному помосту двора, я не нарушал мертвой тишины – до такой степени он покрылся мхом и травой. Длинные, полуссохшие ветки плюща местами висят со стен, цепляясь за карнизы и волюты. Кое-где сквозь тусклые окна виднеются почерневшие статуи – призраки давно минувшей эпохи. Одна часть перистиля закладена кирпичом, и прекрасные белокаменные колонны выглядывают из-за грязной оболочки, точно красавицы, насильственно одетые в лохмотья».

В мемуарах Яковлева можно встретить и описания шедевров генуэзской архитектуры, увы, не дошедших до нас. Таков, например, рассказ о знаменитом «Salone del Sole», «Солнечном» или «Золотом зале» в Palazzo Campanella, приобретенном в конце XVIII в. маркизом Сэрра: «Палаццо Сэрра знаменит своею внешностью, которая здесь, очевидно, предпочиталась даже изяществу. Золотая зала изумляет вас, как великолепная оперная декорация, осуществленная на деле. Эти шестнадцать колонн коринфского стиля, совершенно вызолоченные, и между ними зеркала от резных панелей до изящного карниза, мозаичный пол и расписанный плафон, двери, покрытые лазуревым камнем, и над ними беломраморные барельефы и, наконец, два камина, роскошнейшего рисунка, уставленные вазами старинного севрского фарфора – все это поражает своим блеском, особенно при оптическом эффекте, который производят зеркала, раздвигая золотой чертог и умножая его

колонны до бесконечности». К несчастью, «Salone del Sole» был полностью разрушен бомбардировками в 1942 г.

Мемуары о пребывании в Генуе писались Яковлевым специально для популярного санкт-петербургского журнала «Библиотека для чтения», среди читателей которого было много представительниц прекрасного пола – поэтому «женская тема» обильно присутствует в яковлевском тексте. «Генуэзские женщины – страстные любительницы металлических украшений. Конечно, все эти колоссальные серьги, медальоны, крупные цепочки и коралловые ожерелья вкусу, избалованному Парижем, могли бы показаться немножко варварскими; однако ж нельзя не обратить внимания на золотые и серебряные филиграновые работы, выставленные здесь в замечательном изобилии... Горожанки, которых я встречаю на улице, в саду или в театре, даже в будни соперничают между собою затейливостью рисунка и размерами своих серег, подвесок и цепочки, которая обвивает белую шею и поддерживает на груди тяжелый крест или медальон с изображением патрона и каким-нибудь девизом. Разговор у этих женщин сопровождается множеством жестов; торгуя что-нибудь в магазине, они лишней раз указывают на вещь с кокетливым умыслом обнаружить целую коллекцию разнообразнейших колец, какими здесь обременяются самые нежные руки... Колоссальны также эти бронзовые или серебряные булавки, поддерживающие и густую косу, которую генуэзки тоже умеют

заплетать с античным вкусом, и кисейное покрывало, *mezzaro*, которое здесь носят даже старухи. У поселянок и у беднейших обитательниц предместьев *mezzaro* делается из ситца, ярко испещренного изображениями фантастических цветов, плодов, бабочек, птиц и даже четвероногих».

По признанию Яковлева, он, устроившись в тени какого-нибудь палаццо, любил наблюдать за празднично одетой генуэзской толпой, гуляющей по *Via Balbi* до парка *Acquasola* и обратно: «Не знаю ничего оригинальнее праздничного гулянья на улице Бальби. Эта улица дворцов неширока и похожа на великолепную галерею с мраморными стенами и с теплым голубым небом вместо плафона. Здесь осуществлена вся архитектурная роскошь, какую мы привыкли встречать только на картинах венецианских живописцев. Надо видеть эту фантастическую декорацию при блеске южного дня, когда на каменном паркете, в голубой тени палаццов прогуливаются группы грациозных женщин в своих прозрачно белых покрывалах, ниспадающих с головы на плечи; когда все эти кокетливые генуэзки, обмахиваясь веером, проходят мимо вас с этим легким, гармоническим колебанием торса, которое свойственно всем южным женщинам... Со всех сторон сверкают большие черные глаза, улыбаются влажные губы; вы слышите генуэзское наречие, в котором так много и французских и восточных звуков. В лицах генуэзок вы находите оригинальный тип красоты, даже при отсутствии правильности очертаний. Все эти женщины обольститель-

ны жизнью, молодостью, страстью. Прозрачные складки *mezzaro* не скрывают их пышно развитых, но все-таки грациозных форм; волнующееся платье обнаруживает стройную, упругую ножку, которую, пожалуй, найдут не довольно миниатюрною; но профаны, не знакомые с пропорциями человеческого тела, обвиняли на этом пункте всех итальянок, и даже Венеру Медицейскую... Сидя на мраморной скамье у портона какого-то палаццо, я невольно следил глазами за всеми этими красавицами, которые поглядывали на иностранца с нежным состраданием к его одиночеству. В каждой группе гулявших было по два или три кавалера; но черный фрак и прозаическая шляпа плохо гармонировали с поэтическим *mezzaro*, потому что женской шляпки здесь не было ни одной. В Генуе парижской шляпкой соблазнились одни аристократки; а тут прогуливались только представительницы среднего сословия, *mezzo ceto*, которое отчасти сохранило в своих нарядах национальный характер. Что касается до здешних мужчин, то все они, от аристократа до ремесленника, расстались со своими национальными костюмами вскоре после того времени, как последний генуэзский дож был сменен французским префектом».

Поразила Яковлева и любовь генуэзцев к цветам: «Генуя любит цветы до страсти. Почти все балконы здесь превращены в висячие цветники; воздух на аристократических улицах надушен ароматом испанских жасминов и неаполитанских фиалок. Нигде, кроме Генуи, не видал я та-

кого изобильного рынка цветов и плодов. Цветы – это единственная роскошь бедного, у генуэзских женщин считаются одной из первых потребностей жизни. Покупщики всякого пола, возраста и звания толпятся здесь на выставке цветов, как у нас не толпятся даже на рынках необходимейших жизненных припасов. И с каким кокетством выставляется этот радужный, благоуханный товар; как приветливо улыбаются продавщицы, составляя бесподобнейшие букеты. Генуэзские хозяйшкИ, закупив трюфлей, спаржи и артишоков, не забывают прикрыть свою соломенную корзинку пучком цветов, которым после украшается обеденный стол. Генуэзские львы, гордящиеся черной, шелковистой, вполне современной бородой, усердно посещают этот рынок, и часто бракуя чудеснейшие розаны и гиацинты, к крайнему изумлению продавщиц, собственноручно выбирают скромные полевые цветки, которые могут иметь свое значение в таинственном селяме. Даже патеры в своей черной одежде и трехконечной шляпе нередко являются среди этой улыбающейся сцены и собирают цветочную дань, конечно, для приношения Мадонне».

Генуя в те времена была «открытым городом», *porto-franco*. Но «вольность этой гавани», заметил Яковлев, «весьма ограничена»: «Судам открыт свободный вход в гавань, товары складываются в прекрасные пакгаузы бесплатно, и только. Здания *porto-franco* отделены от города глухой стеной базара, которого аркады с длинным рядом магазинов обращены на людную улицу. Товары, выхо-

дящие за эту черту, обложены пошлиною. Единственные ворота, которыми *porto-franco* сообщается с городом, бдительно охраняются часовыми. Они оглядывают каждого проходящего. Женщинам и капуцинам, принимая в соображение ширину их платья, таможня решительно запретила прогулки под этими воротами. Каждое утро, когда я возвращаюсь с морской прогулки или с купанья, меня останавливают в этих воротах как контрабандиста».

Интересны заметки Яковлева о религиозности генуэзцев и о генуэзских храмах: «Церкви посещаются здесь мимоходом. Простолудин заходит сюда помолиться в рабочей одежде, с разными инструментами своего ремесла в руках. Женщина, возвращаясь с рынка, ставит у колонны свою корзинку с съестными запасами и преклоняет колени. Даже актриса, которую несут в закрытом паланкине на утреннюю репетицию, оставляет своих носильщиков на паперти и спешит преклонить колени перед Мадонной или принести букет свежих цветов к изображению своего патрона. В генуэзских церквях, как и в большей части итальянских церквей, нет постоянных седалищ для посетителей, зато имеется целая гора самых простых соломенных стульев, которые обыкновенно сложены в кучу где-нибудь в уголке и отдаются на подержание за мелкую монету; а так как опорожненный стул немедленно убирается, из опасения, чтоб им не завладел какой-нибудь прихожанин бесплатно, то это производит постоянно беготню и шум, не

прекращающийся даже в продолжение речи проповедника. Набожные женщины берут себе стулья, у которых сиденье устроено гораздо ниже обыкновенного, так что на него становятся коленями. Но многие модельщицы не в состоянии плавать за такой соломенный *prie-Dieu* (молись Богу. – *франц.*) и преклоняют колени на прохладный мрамор».

Как и в других приморских городах Италии (Венеции, Неаполе, Амальфи), ни один день не обходился у Яковлева без морской прогулки: «Часа за три до заката мускулистый баркаррол ожидает меня у пристани в своей пестро размалеванной лодке. Это деятельный и смысленный малый, знает много песен и рассказывает мне хронику многих палаццов, не хуже венецианского гондольщика. Медленно выбираем мы из оснащенного леса гавани, где на небольшом пространстве столпились морские суда всех наций, всех величин и форм, фрегаты и бриги, транспорты и фелуки, корветы и тартаны; наконец, все они остаются далеко за нами. Вид Генуи с моря блистателен. В стройной картине являются перед вами и полукружие порта с маяком, воздвигнутым на скале, и террасы, уступами встающие из волн, гигантские здания, возносящиеся одни над другими. Колоннады и серые скалы, загроможденные фортами, разноцветные фасады. Куполы, башни и сады, висящие над морем, и, наконец, белеющие группы вилл и селений, разбросанные по окрестным горам, посреди разнообразнейших оттенков южной растительности.

Вся эта картина, освещенная золотым блеском вечера, в высшей степени эффектна. В прозрачном воздухе мельчайшие ее подробности рисуются с поразительной яркостью и отчетливостью. Едва солнце опустилось за морской горизонт, вся эта картина была быстро потоплена голубым сумраком. Вечерний звон, долетавший до нас с берега, казался грустным и необыкновенно музыкальным. Луна светлела. В эти минуты мне жаль было расставаться с морем, а гребцу и подавно, ибо труд его ценился по часам. Лодка наша часто оплывала так далеко от берега, что Генуя представлялась мне одним белеющим островом какого-то громадного морского чудовища, выброшенного волнами на берег».

Яковлеву была, разумеется, хорошо известна язвительная поговорка о Генуе и ее жителях, принадлежавшая их соседям-тосканцам: «*Mare senza pesche; uomini senza rispetto*» («море без рыбы, люди без чести»). Яковлев считал обе части этой формулы – «решительной клеветой». К генуэзцам он испытывал глубокую симпатию; неправдой считал Яковлев и упрек Генуэзскому заливу в отсутствии рыбы: «Рыбой угощают меня здесь, назло поговорке, ежедневно и всевозможных видов, от нежнейшей живой сардинки до вкуснейшего «морского волка». Генуя богата даже и моллюсками, которых итальянцы называют *frutti di mare*. Устрицы здесь служат непременно прелюдией всякой трапезы: в этом отношении генуэзцы поступают как древние римляне».

Более того, дотошный Яковлев сам участвовал в ночных рыбалках, о чем оставил интересные заметки: «В безлунные ночи Генуя со стороны моря кажется огромным амфитеатром, которого уступы сверху донизу усыпаны огнями. На водах залива каждое судно засвечает фонарь; высоко над ними блещут лучезарные лампы маяка, и все эти бесчисленные огни с чудным эффектом отражаются в море. По морю, на далекое расстояние от берега, рассеяны яркие красноватые огни, золотистыми трепещущими колоннами отражающиеся в темной глубине. Это огни ночных рыболовов. На лодках, к которым мы подплывали, двигались черные фигуры, облитые багровым заревом. Огонь, для приманки рыбы, разведен в железном коробе, прикрепленном к корме на железном пруте. В то мгновение, когда рыба, привлеченная блеском, всплывает на поверхность воды, эти люди с удивительной быстротой и меткостью, вонзают в нее свои железные вилы. На шесть ударов, я заметил не более двух промахов».

А вот заметки Яковлева о ночной ловле анчоусов, которых Генуя в большом количестве отправляла в Европу: «Ловля анчоусов происходит здесь также ночью. В мае, июне и июле эта мелкая, но знаменитая в гастрономии рыбка совершает свои периодические странствия из океана в Средиземное море, и, несмотря на это, что ловится во множестве у испанских берегов, густыми партиями появляется в водах Генуэзского залива. Анчоусы тоже, на свою беду, любят свет. Рыболову стоит

только зажечь огонек на своей лодке и расставить мерёжи: рыба наполняет сети мгновенно».

Поздними вечерами Яковлев любил гулять в простонародных кварталах: «Сцены народной, уличной жизни интересуют меня едва ли не столько же, как и само искусство... В беднейших и, разумеется, многолюднейших кварталах посреди узких улиц дымятся маленькие железные печи, на которых публично изготавливается обед для желающих. Работник, которому дорого время, находит на этом подвижном очаге всегда готовую трапезу. Национальные блюда генуэзцев, *polenta* и *ravioli*, доступны здесь каждому, у кого завелось в кармане несколько мелких медных монет. И надо заметить, что все эти кушанья, вся *frittura* поджариваются на хорошем оливковом масле, а у расторопных уличных поваров колпаки и передники безукоризненно белы... В ближних лавках даже и днем не угасает медная лампа о трех рожках совершенно античной формы. Здесь на прилавках и полках разложены, не без некоторой симметрии, огромные массы сыра, арбузы, колбасы, табак, ветчина, мыло и свечи. И над всеми этими разнообразными продуктами вы видите на задней стене простое изображение Мадонны, перед которым теплится лампада и поставлен стакан с свежими розанами. Около этих очагов и лавчонок толпятся и полуодетые простолюдины, и тяжело одетые солдаты, женщины в своих пестрых покрывалах, полунагие ребятишки, католические монахи всех цветов и матросы со всех концов света. Все эти

люди теснятся, жужжат, поясняют свою речь тысячами жестов; женщины кричат во все горло, когда спорят, хохочут во все горло, когда соглашаются; но я не видел здесь ни одной сцены буйства. На прилавках виноторговцев деятельно опоражнивались фьяски; однако ж, когда один опрометчивый капрал обнаружил некоторую нетвердость в ногах, он был позорно освистан».

Перед возвращением в гостиницу Яковлев обычно заходил в популярную кофейню «Caffe del Cairo»: «Это единственная в Генуе кофейня, посещаемая светскими дамами; ее зеркальные стены, освещенные *a giorno* (ярко. – итал.), – явное подражание Парижу. Многочисленное собрание мужчин и нарядных красавиц с неизбежными опахалами в руках, составляют здесь что-то вроде раута хорошего тона, но с примесью итальянской непринужденности. Прислуга не успевает разносить ананасовое мороженое, которое подается здесь, как в порядочных домах, на серебряных подносах, в изящных фарфоровых раковинах. В маленьких кофейнях близ гавани встречаете вы совсем иные лица. Там часто за одним столом сидят доминиканец в своей черной одежде и широкополой шляпе и турецкий купец в шальварах и алом фесе с синею кистью. Тот и другой читают итальянскую газету и пьют черный кофе, а случается, что и заводят между собою разговор».

Пробыв в Генуе более недели, Яковлев отправился почтовым дилижансом в Милан, принадлежавшем тогда Венециано-Ломбардскому королев-

ству под властью Австрии: «Пьемонтские почтовые кареты устроены на шесть особ, но чрезвычайно широки и поместительны: каждая подушка заменяет походную постель, разумеется, когда путешественник может располагать местами трех особ, как это выпало на мою долю. В карете сидел только чернобородый импрессарио одного из миланских театров и новозавербованная им балетная сильфида. Мы незаметно спустились в обширную долину Пьемонта. Чернота ночи позволяла видеть в совершенстве только искры светящихся мошек: карета наша рассекала целые рои этих летучих искр».

Уже давно стемнело, когда Яковлев прибыл в находящийся к северу от Генуи небольшой городок Нови-Лигуре, где в 1799 г. русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова нанесли поражение французской армии: «Карета наша застучала по мостовой какого-то города, спавшего в глубочайшей темноте, посреди которой кое-где на темном перекрестке теплился тусклый фонарь перед изображением или просто перед монограммой Мадонны. Странно прозвучало посреди этого сна и спокойствия имя «Нови», произнесенное кондуктором. За ужином, который мне пришлось разделить с двумя французскими туристами, конечно, много было толков о Суворове: мы были на месте кровопролитной битвы и победы наших войск, перешедших за Альпы». Утром Яковлев впервые увидел Альпы: «Вот мы на границе Ломбардии. Сардинский кондуктор высадил нас из своей каре-

ты; на грязном дворике мы ожидали австрийского экипажа, а между тем таможенные приводят в беспорядок все, заключающееся в наших чемоданах, и формально просят у нас за работу».

Записки об итальянском путешествии 1847 г. сделали В.Д. Яковлева известным в литературных кругах: путевые очерки публиковались в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Русском слове», «Светоче», «Сыне отечества». Н.А. Некрасов уговорил автора напечатать ряд очерков в «Современнике». В 1855 г. книга В.Д. Яковлева «Италия. Письма из Венеции, Рима и Неаполя» вышла отдельным изданием – как раз в год вступления на престол Александра II, благородству и щедрости которого была в большой степени обязана.

В 1860 г. Владимир Дмитриевич Яковлев серьезно заболел, вскоре ослеп и слег в постель, с которой не вставал двадцать четыре года, до самой своей смерти в 1884 г., живя на пенсию от Общества пособия бедным писателям.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН

Герцен Александр Иванович (6.04.1812, Москва – 21.01.1870, Париж) – писатель, философ, публицист, общественный деятель. Внебрачный сын богатого помещика Ивана Александровича Яковлева и немки Луизы Гааг, которую отец Герцена, возвращаясь после многолетнего путешествия по Европе, взял с собою в Москву. В 1833 г. А.И. Герцен окончил Московский университет с серебряной медалью. В следующем году был арестован за участие в студенческих кружках; девять месяцев провел в тюрьме; последующую ссылку отбывал в Перми, Вятке, Владимире, Новгороде. В 1842–1847 гг. жил в Москве; с 1847 г. – в эмиграции.

С ранних лет Герцен испытывал особый интерес к Италии: в заключении в Крутицких казармах изучил итальянский язык и по пути в ссылку уже читал в оригинале «Божественную комедию» Данте, полагая, что терцины великого итальянца «равно хорошо идут и к преддверию ада, и к сибирскому тракту». В ссылке режиссировал «живые картины», в основе которых – сюжеты из Данте; роль Данте, разумеется, исполнял сам. Свою невесту (с 1838 г. жену) Наталью Александровну Захарьину любил называть «Моя Беатриче», мечтая уехать с ней когда-нибудь в Италию.

Об обстоятельствах первого путешествия Герцена в Италию в 1847–1848 гг. известно достаточно много, благодаря его знаменитым «Письмам из

Франции и Италии»: «К осени (1847 г. – А.К.) сделалось невыносимо тяжело в Париже; я не мог сладить с безобразным нравственным падением, которое меня окружало; я чувствовал, что в мою душу забирается то самоотвержение, тот холод и то «все равно», которое вносится утраченными надеждами, разрывом с действительностью, презрением к настоящему; я черствел и только иногда по негодованию чувствовал молодость сил и прежнее одушевление».

Франция и особенно Париж казались тогда Герцену воплощением культурной и политической деградации: «Смерть в литературе, смерть в театре, смерть в политике... Там где-то внизу, вдали раздавались иногда сильные стенания; казалось, они выходили из могучей и здоровой груди; но снаружи Париж представлял остывший кратер, превратившийся в грязь и слякоть. Франция выздоревает..., но мне вовсе не хотелось быть сиделкой у ее изголовья, пока она ломается в припадке безумия, сдерживаемая грязными и циническими руками цирюльников и больничных сиделок».

И Герцен в октябре 1847 г. отправляется из Парижа со всей семьей – с женой Натальей Александровной, восьмилетним Сашей, четырехлетним Колей и трехлетней Натальей (Татой): «В Италию, в Италию! Мне хотелось отдохнуть, хотелось моря, теплого воздуха, пышной зелени и людей – не так истасканных, не так выживших из сердца».

Ехали почтовыми дилижансами через всю Францию. С Авиньона почувствовался юг: «Для че-

ловека, вечно жившего на севере, первая встреча с южной природой исполнена торжественной радости – юнеешь, хочется петь, плясать, плакать: все так ярко, светло, весело, роскошно». Переехали Приморские Альпы; на спуске, на одном из изгибов дороги «блеснуло и зажглось Средиземное море»: «Сколько пустоты, скуки, скорби и, главное, пошлости выкупает такое утро! Въезд в Италию делается для человека каким-то благодатным событием, светлой чертой в воспоминании».

Город Ницца принадлежал тогда Сардинскому королевству, но для Герцена он оставался провинциальным французским городком: «В Ницце я встретился только с югом – с Италией встретились мы в Генуе».

В Геную Герцены прибыли пароходом: «Мы приплыли в Геную прелестнейшим ноябрьским днем, на рассвете. Что это за удивительная красота – гора, покрытая мраморными дворцами, которые глядятся в море и над которыми зеленеются сады! С какой охотой я бы вам рассказал что-нибудь об этих домах, вышиною с наши колокольни, об этих узких переулках, покрытых народом, который тут работает, шумит, ест, поет, беспрестанно кричит и размахивает руками; да все это столько раз сказано, что стыдно повторять. Лигуры мне очень понравились, в них есть что-то свободное, республиканское, и я вообще думаю, что характеристика генуэзцев, сделанная правоверным немцем Лео в его итальянской истории, ошибочна (речь идет о пятитомнике Г. фон Лео «История итальянских го-

сударств. – А.К.). А, впрочем, с точки зрения католицизма и самодержавия Генуя может и не понравиться: Маццини – генуэзец».

Герцены приехали в Геную в тот момент, когда ее граждане были воодушевлены реформами (пусть очень скромными) сардинского короля Карла Альберта. Ведь, как точно отметил Герцен, генуэзцы – бывшие граждане свободной республики, лишь недавно оказавшиеся во власти Пьемонта, настороженно относились к туринскому правительству: «Генуя, с самого присоединения к Сардинии, жила в мрачном отчуждении от Пьемонта, она смирялась, но с нахлобученным челом, ее аристократы держали себя вдали от Турина, пьемонтские чиновники были иностранцы для лигуров. Реформа несколько примирила двух соседей, которых сочетал браком Венский конгресс».

Перемены в сардинской политике изменили настроения генуэзцев: «Мы застали Геную торжествующею, нарядною. Карл-Альберт был тут, город пировал реформу и примирение... Перемены и права, данные Карлом-Альбертом, чрезвычайно скромны, они стараются исправить вещи, вопиющая несправедливость которых бросалась в глаза, меняют устаревшие учреждения, обессиленные самим временем...; Карл-Альберт с ловкостью исполнил то, чего отложить не мог. Увлекающийся характер итальянцев не знал предела радости; в самом деле, как реформа ни была бедна, она свидетельствовала о сильном толчке, о том, что государство двинулось, сошло с мели, это было офи-

циальное сознание пробуждения, *del risorgimento!* (возрождения. – итал.)»

Искреннее ликование генуэзцев, ощущавших изменения как подлинное «воскресение», напомнило Герцену пасхальные праздники в далекой России: «Кому из вас не случалось проезжать по селу в светлый праздник, – все нарядно, радостно; мужичок выпил стаканчик и рассеял думу об оброке, баба надела новый сарафан и забыла о барщине, парни гуляют, как будто нет рекрутства, девки не думают о насильственном браке, дети играют в чистых рубашонках... Представьте же себе не село, а целую страну в торжественном наряде, – страну, празднующую светлое воскресение свое, и представьте себе, что эту страну называют Италией!»

Общее чувство «обновления» захватило и самого Герцена: «И только что я поставил ногу на итальянскую землю, меня обняла другая среда, живая, энергическая, вливающая силу и здоровье. Я нравственно выздоровел, переступив границу Франции, я обязан Италии обновлением веры в свои силы и в силы других, многие упования снова воскресли в душе, я увидел одушевленные лица, слезы, я услышал горячие слова. Бесконечная благодарность судьбе за то, что я попал в Италию в такую торжественную минуту ее жизни, исполненную тем изящным величием, которое присуще всему итальянскому, – дворцу и хижине, нарядной женщине и нищему в лохмотьях».

Из Генуи Герцен морем отправился в Ливорно (откуда ездил в Пизу), потом – через порт

Чивитта-Веккья – в Рим, затем в Неаполь. Везде он видел воодушевляющие примеры национального возрождения, что окончательно убедило его в ложности линейной схемы исторического прогресса: нет народов, которым навечно зарезервировано место в «первом классе» истории; каждый народ сам выбирает свою судьбу и собственной волей достигает исторических вершин. Поэтому, по мнению Герцена, ошибаются те «историки», которые «прикидывают все на французский и английский аршин или на абсолютный вершок немецкой философии». Воочию увиденный Герценом в Италии национальный подъем посрамил старые исторические абстракции: «Мне кажется, что вообще итальянцы сильно оклеветаны... Говорят, что итальянцы ленивы, обманывают, что они рабы, политические невежды и пр... Кто не забыл историю последних трех веков, тот знает, как долго Франция, Австрия и папство работали, чтоб убить политическую жизнь Италии... И тут нельзя сказать, чтоб народ в Италии в самом деле так далеко отстал от других. Франция была очень равнодушна к политике, что же – она свободна? Или вы, может, верите, что Англия свободна?... В итальянцах особенно развито уважение к себе, к личности; они не *представляют*, как французы, демократию, она у них в нравах; и под равенством они не разумеют равномерное рабство. Мелкие плутни итальянцев, о которых столько накричали туристы, ... – скорее смешны, нежели отвратительны».

На обратном пути из Неаполя Герцен узнает в Риме о революции во Франции, изгнании короля Луи-Филиппа и провозглашении республики. И хотя ему очень хотелось доехать тогда до Флоренции, он переменял планы и через Геную и Марсель – практически без остановок – отправился в Париж. Позднее Герцен неоднократно бывал в Генуе: так получилось, что этот город часто оказывался на пересечении причудливых герценовских маршрутов в его «европейских скитаниях» – как по политическим, так и по семейным причинам.

В 1851–1852 г. Герцен несколько раз оказывался в Генуе из-за семейной драмы, связанной с отношениями его семьи с семьей немецкого поэта Георга Гервега, которым была одно время сильно увлечена Наталья Александровна Герцен. В конце концов, она предпочла остаться с мужем; примирение произошло в 1851 г. Турине (его Герцен назвал в «Былом и думах» «нашим вторым венчанием»), и Александр Иванович увез жену в Ниццу. Ехали в дилижансе мимо Генуи, потом вдоль Генуэской Ривьеры: «Всё встречало нас весело, как старые друзья после размолвки, а тут виноградники, роши роз, померанцевых деревьев и море...» Герцен потом всю жизнь берег воспоминание об этом путешествии, как об одном из самых счастливых событий.

К тому времени Герцен получил гражданство кантона Фрибур в Швейцарии и тем самым обезопасил свое пребывание в Сардинском королевстве. Ведь в России было принято окончательное

решение о лишении Герцена всех прав состояния и «вечном изгнании» (утвержденное лично императором Николаем I), и русская дипломатия требовала от туринского правительства его немедленной высылки.

Между тем Гервеги, перебравшиеся из Ниццы в Геную, а потом в Цюрих, не оставили в покое семью Герценов: Эмма интриговала против Александра Ивановича, а Георг преследовал «Натали» письмами, шантажировал публичным оглашением их старых отношений, угрожал демонстративным самоубийством. В результате сильнейших душевных потрясений (в ноябре 1851 г. в кораблекрушении у берегов Ниццы погиб глухонемой сын Коля) Наталья Александровна не пережила очередные роды и 2 мая 1852 г. скончалась в Ницце. Герцен считал это «расчетливым убийством»: «Убийство Наташи сделано просто-напросто по расчету холодной злобы и чтоб чем-нибудь отомстить мне... Какая страшная судьба постигла такое высоко и широко развитое существо, за одуренье, за чад, за круженье сердца... Ряд подвигов раскаяния, новая высота, сила – ничего не помогло. Презренный, грязный палач добил. Добил грязью. Палач и виноватый вместе». «То, что схоронено, не исправишь, но справедливость, т.е. тот же фатализм с своей беспощадной последовательностью, требует примера, – писал Герцен другу семьи Марии Каспаровне Рейхель 29 мая 1852 г. из Генуи. – Он будет. Он должен быть, – ибо только на этом основании я могу жить». В те трагические дни Герцен реша-

ет, что будет правильным отомстить за «Натали» не посредством банальной дуэли, а преданием этого дела международному «суду чести», составленном из авторитетных деятелей европейской демократии. Тогда же Герцен приступил и к написанию своих знаменитых мемуаров, объединенных позднее под названием «Былое и думы».

В конце мая 1852 г. он отправляется в Геную, где намеревается встретиться с видными итальянскими революционерами (сторонниками находящегося тогда в Англии Джузеппе Маццини) с целью привлечь их к разбирательству «дела Гервега». Накануне отъезда из Ниццы он с 13-летним сыном Александром посетил могилу жены на горе Шато. В почтовой карете вместе с ними отправились друг Герцена, французский ученый-химик и революционер М.-Э. Тесье дю Моте (помогающий в обучении Александра Герцена-младшего, выдающегося тягу к естествознанию и действительно ставшего впоследствии крупным физиологом) и верный слуга Франсуа.

29 мая Герцен приезжает в Геную и поселяется в «Hotel Feder» на Via al Ponte Reale. (Эта гостиница располагалась во дворце XVII в., известном в Генуе как Palazzo di Emanuele Filiberto di Negro. Отель, ныне не существующий, известен своими постояльцами – немецким историком Теодором Моммзеном, американским писателем Германом Мелвиллом и др. К числу знаменитых гостей несомненно должен быть причислен и А.И. Герцен, впоследствии живший в «Hotel Feder», который он

иногда в шутку называл «Федоровой гостиницей», в 1867 и 1869 гг.)

Разместившись в номере, Герцен пишет письмо М.К. Рейхель: «Ну вот мы и переехали и сидим в Генуе. Вы делаетесь в моей жизни представителем мягкой и теплой стороны ее, стороны женственной, той женственной стороны, которая выражается дружбой, чувством братства. Вообще я женщин глубоко ненавижу, они звери, да и притом злые: довели эгоизм до бешенства и всё скрывают под личиной любви. Зато, если выищется исключение – ну, так женщина головой выше мужчины, который даже не зверь, а животное. Это вам и философия с дороги». Сообщает Герцен и последнюю информацию о находящемся в Швейцарии Гервеге: «Цюрихский мерзавец побеждает, подробности о его жизни до того возмутительны, что он, кажется, превзошел самого себя. Он живет на содержанье у отставной обогатившейся лоретки 45 лет (некоей г-жи Кох. – А.К.), подличает перед нею, облупливает ее, и все это с октября месяца... Его по всей Швейцарии презирают как негодяя».

Узнав о приезде Герцена, его сразу же посещают живущие в Генуе «друзья Осипа Ивановича» (так русские революционеры-эмигранты шутливо называли Дж. Маццини) – Джакомо Медичи, Карло Пизакане, Энрико Козенц, Лиуджи Меццокаппо, Антонио Мордини. Всё это были люди выдающиеся, известные не только всей Италии, но и всей революционной Европе, и Герцен был растроган тем, с каким участием и заботой его генуэзские друзья

отнеслись к нему и к его проблемам.

Особенно большим расположением Герцен проникся к Джакомо Медичи, одному из руководителей обороны революционного Рима в 1849 г., ближайшему соратнику Дж. Гарибальди. «Несколько недель, проведенных с ним (Дж. Медичи. – А.К.) в Генуе, – вспоминал позднее Герцен, – сделали мне большое добро; это было в самое черное для меня время, в 1852 году, месяца полтора после похорон. Я был сбит с толку: вежи, знаки фарватера были потеряны... Медичи жалел меня; он этого не говорил, но вечером поздно, часов в двенадцать, он стучал иной раз ко мне в дверь и приходил поболтать, садясь на мою постель (мы раз, беседуя с ним таким образом, поймали на одеяле скорпиона). Он стучал иной раз и в седьмом часу утра, говоря: «На дворе прелесть, пойдемте в Альбаро» (восточный район Генуи, известный своими садами и виллами – А.К.)».

В «Былом и думах» Герцен нарисовал яркий портрет своего итальянского друга: «Медичи – ломбард(ец). В начальной юности, томимый безнадёжным положением Италии, он уехал в Испанию, потом в Монтевидео, в Мексику... и, наконец, возвратился на родину... Италия оживала, Медичи бросился в движение. Начальствуя римскими легионерами во время осады, он наделал чудеса храбрости; но французские орды все-таки вошли в Рим по трупам многих благородных жертв... Трибун-воин Медичи должен рисоваться в воображении кондотьером, загоревшим от пороха и от

тропического солнца, с резкими чертами, с отрывистой, громкой речью, с энергической мимикой. Бледный, белокурый, с нежными чертами, с глазами, исполненными кротости, с изящными манерами – Медичи скорее походил на человека, проводившего всю жизнь в дамском обществе, чем на герилиаса и агитатора; поэт, мечтатель, тогда страстно влюбленный, – в нем все было изящно и нравилось... Он не надеялся на скорую перемену обстоятельств, впереди виднелись годы изгнания, все становилось хуже, тусклее, но в нем было что-то молодое, веселое, иногда наивное; я это замечал почти у всех натур этого закала».

В очередном письме к М.К. Рейхель Герцен подробно и с известной иронией описал свой распорядок дня в Генуе: «Жизнь наша идет так. Я встаю рано, часов в 6, в 12 завтрак – Тесье, Саша и я; от 12 до 5 комната полна Италией, в 5 уходят, Тесье работает, я не могу ничего делать и таскаюсь по улице, в половине девятого – я отправляюсь с Тесье обедать в *Stabilimento*, пью много вина и в 12 спать. Вот вам полный отчет».

Одним из излюбленных мест Герцена в Генуе стал ресторан *Stabilimento della Concordia*, находящийся на *Strada Nuova* (ныне *Via Garibaldi*), рядом с знаменитым *Palazzo Rosso*. Здесь Герцен встречался с друзьями, читал корреспонденцию и отвечал на письма, делал наброски будущих мемуарных очерков. Саша Герцен усердно занимался в Генуе под наставничеством Тесье.

Герцен рассчитывал в тот раз пробыть в Генуе

не менее месяца, но его корреспонденты уговорили его отправиться дальше – на берега *Lago Maggiore*, а потом в Швейцарию, где его ожидали новые встречи. В «Былом и Думах» Герцен описал свой последний вечер в Генуе: «В день моего отъезда пришли ко мне обедать несколько близких людей – Пизакане, Мордини, Козенц... – Отчего, – сказал я, шутя, – наш друг Медичи, со своими белокурыми волосами и северным аристократическим лицом, напоминает мне скорее каких-то вандейковских рыцарей, чем итальянца? – Это натурально, – прибавил, продолжая шутить, Пизакане. – Джакомо – ломбард, он потомок какого-нибудь немецкого рыцаря. – *Fratelli* (братья. – *итал.*), – сказал Медичи, – немецкой крови в этих жилах нет ни одной капли! Если у меня северные черты, то, верно, какая-нибудь из моих прабабушек забылась с каким-нибудь поляком!»

8 июня 1852 г. Герцен с сыном уехали из Генуи. Своим пребыванием в городе Герцен был доволен. В те дни он писал Рейхель: «Я нравственно не погиб; совсем напротив: выше я никогда не стоял, я гордо несу венок с терниями на голове, я его несу как корону... За одно ручаюсь: дело идет торжественно и грозно, мерзавец обличен и нравственно уничтожен совершенно».

Генуэзские друзья поддержали Герцена. Через некоторое время он получил от них письмо: «Мы, нижеподписавшиеся, будучи приглашены г. Герценом (дружбою которого мы гордимся, вследствие его выдающихся достоинств) высказать свое мне-

ние относительно столкновения его с г. Гервегом, сим заявляем, что, отвергнув при данных обстоятельствах дуэль с г. Гервегом, Герцен поступил согласно нашим убеждениям. Энрико Козенц, Карл Пизакане, Дж. Медичи, Луиджи Меццокаппо, Агостино Бертани, Камилло Больдони. Генуя, 23 июля 1852».

Будучи в августе 1852 г. в Лондоне, Герцен встретился с Дж. Маццини и передал ему соображения генуэзских революционеров, во многом отличавшиеся от радикальной позиции лидера итальянских карбонариев. Герцен писал потом в «Былом и думах»: «В Лондоне я спешил увидеть Маццини не только потому, что он принял самое теплое и деятельное участие в несчастьях, которые пали на мою семью, но еще и потому, что я имел к нему особое поручение от его друзей. Медичи, Пизакане, Меццокаппо, Козенц, Бертани и другие были недовольны направлением, которое давалось из Лондона; они говорили, что Маццини плохо знает новое положение, жаловались на революционных царедворцев, которые, чтоб подслужиться, поддерживали в нем мысль, что все готово для восстания и ждет только сигнала... Маццини меня принял как старого приятеля... Он меня сначала слушал очень внимательно, хотя и не скрывал, что ему не совсем нравится оппозиция; но когда из общих мест я дошел до частных и личных вопросов, тогда он вдруг прервал мою речь: – Это совершенно не так, тут нет ни слова дельного! – Однако, – заметил я, – нет полутора месяцев, как я оставил Геную,

и в Италии был два года без выезда, и могу сам подтвердить многое из того, что говорил от имени друзей. – Оттого-то вы это и говорите, что вы были в Генуе. Что такое Генуя?... Генуя очень важный центр, но это одна точка, а я знаю всю Италию; я знаю потребность каждого местечка от Аbruцц до Форальберга. Друзья наши в Генуе разобщены со всем полуостровом, они не могут судить об его потребностях, об общественном настроении... Такой нетерпимости я прежде в нем не замечал».

Неудачное посредничество Герцена в контактах генуэзской и лондонской частями итальянской оппозиции привело к охлаждению в отношениях с Маццини. Герцен был вынужден тогда констатировать: «С Осипом Ивановичем нелады». Неудачей окончились и попытки Герцена организовать международный «суд чести» над Гервегом. В одном из писем к М.К. Рейхель есть такие строки: «Нет, от фатума не отвертишься. Но голову свою я не склоню и не продам ее дешево. Рвусь я назад в Италию, у меня нет другой родины, я сжился и с природой и с людьми... Лишь бы вынырнуть из этой клоаки».

Убежденный республиканец, Герцен весьма скептически относился к укреплению антиавстрийского союза двух монархов – сардинского короля Виктора-Эммануила II и императора Франции Наполеона III. Он продолжал сочувствовать итальянским карбонариям, радовался успехам Джузеппе Гарибальди. Но, разумеется, главным оплотом реакции в Европе он продолжал считать

Австрию, все еще контролировавшую значительную часть Италии. Поэтому с началом в 1859 г. войны франко-сардинской коалиции с Австрией он искренне радовался майским победам союзников при Монтебелло и Палестро, героизму отрядов гарибальдийцев при Варезе (итальянскими батальонами тогда командовали старые друзья Герцена – Энрико Козенц и Джакомо Медичи). Воодушевили Герцен и июньские сокрушительные победы французов над австрийцами при Мадженте и Сольферино. Ему показалось, что Наполеон III способен приблизить освобождение Италии... Увы, дальнейшие события подтвердили самые худшие его опасения: по сепаратному франко-австрийскому перемирию в Виллафранке (которое Герцен расценил как предательство со стороны «коварного корсиканца» Луи-Наполеона), Австрия сохраняла за собой Венецианскую область; процесс присоединения к Сардинии Тосканы, Пармы и Модены сознательно тормозился.

Новое посещение Герценом Генуи было очень коротким. В сентябре 1863 г. он отправился для встречи с дочерьми Татой и Ольгой в Неаполь. 9 сентября они с Александром приехали в Ниццу (тогда уже французскую) и посетили могилу Натальи Александровны. Побывали и в обоих домах, где семья жила в 1850–1852 гг.: встретили своего бывшего повара, садовника, горничную. Герцен отметил в одном из писем, что «видел на их лицах простодушную, искреннюю радость, долю участия, сострадания».

10 сентября Герцен с сыном выехал с почтовым дилижансом в Геную по «Корниче». Воспоминания о счастливой поездке с Натальей Александровной в 1851 г. из Турина в Ниццу вновь овладели им. Из Генуи он написал второй жене – Наталье Алексеевне Тучковой-Огаревой: «Путь по Корниче – если б не простуда – для меня был роднее посещения домов. Здесь станция в станцию ехал я с *Natalie* из Турина в Ниццу». 13 сентября вечером Герцены выехали из Генуи в Ливорно почтовым дилижансом, откуда на следующий день отправились паромом в Неаполь. На обратном пути из Неаполя в Турин Герцены вновь кратко посетили Геную.

Вечером 1 (13) января 1867 г., в «русский Новый год», Герцен выехал из Ниццы в Геную, чтобы далее ехать во Флоренцию, где жили его дети. Из-за погоды («морем ехать нельзя – буря») он отправился почтовым дилижансом и, весь измотанный, прибыл в Геную 2 января «к ночи» (путь занял 26 часов). На этот раз он поселился в «Grand Hotel de la Ville» – дорогой гостинице, расположенной в Palazzo Fieschi на Via Carlo Alberto (сегодня Via Antonio Gramsci). Тогда он написал Н.П. Огареву: «Ну, милостивый государь, наконец-то я дотащился до Генуи, – это не лучше поездки из Пензы в Москву. Дождь лил три дня – и лил во весь путь. Мы ехали 26 часов в дилижансе. Речонки поднялись в реки. Закрывшись – на банкетке была духота без пределов, открывшись – вода обливала всего... Я сюда приехал с очень хорошими американцами, которые за мной ухаживали по дороге и

были *aux petits soins* (очень предупредительны. – франц.)».

Герцен писал потом в «Былом и думах»: «Я приехал в Геную с американцами, только что переплывшими океан. Генуя их поразила. Все читанное ими в книгах о старом свете они увидели воочию и не могли насмотреться на средневековые улицы – гористые, узкие, черные, на необычайной вышины дома, на полуразрушенные переходы, укрепления и проч. Мы взошли в сени какого-то дворца. Крик восторга вырвался у одного из американцев. «Как эти люди жили, – повторял он, – как они жили! Что за размеры, что за изящество! Нет, ничего подобного вы не найдете у нас». И он готов был покраснеть за свою Америку. Мы заглянули внутрь огромной залы. Былые хозяева их в портретах, картины, картины, стены, сдавшие цвет, старая мебель, старые гербы, нежилой воздух, пустота и старик кустод (сторож. – итал.) в черной вязаной скуфье, в черном потертом сертуке, с связкой ключей... все так и говорило, что это уж не дом, а редкость, саркофаг, пышный след прошедшей жизни. – Да, – сказал я, выходя, американцам, – вы совершенно правы, люди эти хорошо жили».

Американцев, с которыми сдружился Герцен, было трое – «два молодых человека и один капитан парохода, во всех гораздо больше наивности и простоты, чем у европейцев». Общение с ними дало новый толчок рассуждениям Герцена о «старых» и «молодых» народах: к последним, по мере затухания революционного энтузиазма в Западной

Европе, он все реже относил французов и итальянцев и все чаще – американцев и русских.

Из-за продолжавшейся в январе 1867 г. непогоды («гром, молния, шторм, даже град») Герцен отказывается как от морского пути на Флоренцию через Ливорно, так и от «новой пытки дилижансом» и берет железнодорожный билет на Болонью через Алессанрию и Модену («крюк огромный»). На обратном пути из Флоренции в Ниццу он поехал поездом в Геную через Болонью («14 часов чугунки. Но делать нечего – дождь льёт как из ведра, и в вагоне покойнее сидеть, чем в каюте») и 27 февраля 1867 г. сделал краткую остановку в Генуе.

9 декабря того же, 1867-го года Герцен приезжает из Милана в Турин, оттуда выезжает в Геную и приезжает «в ночь» в «Hotel Feder». В письмах, написанных Герценом в последующие дни, всплывают воспоминания о днях, проведенных в той же гостинице в 1852 г., когда, после похорон «Наталли», Герцен приехал в Геную с юным Сашей и Тесье дю Моте: «Тот же коридор и старинные переходы, массивные лестницы – чуть даже не та комната...»

В письме Огареву Герцен вспоминает, как 15 лет назад в этом самом номере его посетил Джакомо Медичи, «пришедший, когда я уже лег, поймал скорпиона, и мы его утопили в масле, оставшееся от салата». Герцен, конечно, знал, что теперь, в 1867 г., бывший карбонарий Медичи стал генералом итальянской правительственной армии, сблизился с монархистами и, в качестве «проконсула Сицилии», подавлял крестьянские выступления.

(В 1870 г. именно Медичи отдаст приказ об аресте Дж. Маццини и вскоре получит титул маркиза).

Вспомнил тогда Герцен и другого генуэзского друга – Карло Пизакане, который в 1857 г., по заданию Маццини, пытался поднять народное восстание в Неаполитанском королевстве и героически погиб в бою с бурбонскими войсками... «И страшно при этих обстоятельствах, и благородно печально», – написал тогда Герцен Огареву.

В письме старшим детям от 13-14 декабря 1867 г. он раздумывает о возможности переезда семьи из Ниццы в Геную. Специально для воспитательницы дочерей Мальвиды Мейзенбург Герцен делает большую приписку на французском языке: «Генуя – бесспорно – один из красивейших городов Италии; совсем рядом, в Нерви, есть великолепные дома и кварталы на холме, обращенном к морю. Сам город, очень шумный, ничем кроме красоты не отличается... Вывод. Можно превосходно провести здесь время с мая до сентября... Если бы встретилась необходимость покинуть Ниццу, я не задумываясь, рекомендовал бы Геную. Там, рядом с садом, есть дома даже просто прекрасные (Пьяцца Корветто и др.)».

В этом же письме из Генуи можно прочесть и некоторые общие рассуждения Герцена об Италии, которые свидетельствуют о больших изменениях в его настроении: «Странное дело, но все, что в Италии очень красиво, в то же время и бессмысленно... Венеция, Миланский Собор, генуэзские улицы... повсюду чувствуется рука гениального ре-

бенка... и нигде – рука инженера... Сам собой напрашивается каламбур – так же, как хочется сказать, что генуэзские улицы теснят, давят, мы уже отвыкли жить, как клопы, ползая по щелям».

Эти невеселые мысли Герцен развил в большом тексте, написанном 14 и 15 декабря 1867 г. за столиком в генуэзском ресторане «Concordia» (текст этот вошел главкой «За Альпами» в «Былое и думы»): «Архитектуральный, монументальный характер итальянских городов, рядом с их запущенностью, под конец надоедает. Современный человек в них не дома, а в неудобной ложе театра, на сцене которого поставлены величественные декорации. Жизнь в них не уравновесилась, не проста и не удобна. Тон поднят, во всем декламация, и декламация итальянская (кто слышал чтение Данта, тот знает ее). (А ведь было время, когда Герцен сам обожал декламировать Данте! – А.К.) Во всем та натянутость, которая бывала в ходу у московских философов и немецких ученых художников... Взвинченность эта... вечно готова на отпор и проповедь с сентенциями».

Герцен здесь явно передает свое собственное, новое, уже совсем не восторженное, а скорее раздражительное отношение к Италии: «Хроническая восторженность утомляет, сердит. Человеку не всегда хочется удивляться, возвышаться душой, быть тронутым и носиться мыслью далеко в былом, а Италия не спускает с известного диапазона и беспрестанно напоминает, что ее улица не просто улица, а что она памятник, что по ее площадям не

только надобно ходить, но должно их изучать. Вместе с тем все особенно изящное и великое в Италии (а может, и везде) граничит с безумием и нелепостью – по крайней мере, напоминает малолетство».

И далее Герцен разворачивает целую типологию «итальянских нелепостей», представлявшихся ему ранее шедеврами. Вот пассаж о флорентийской площади Синьории с ее Лоджией Ланци и собранными там скульптурными шедеврами: «Piazza Signoria, это детская флорентийского народа – дедушка Бонарроти и дядюшка Челлини надарили ему мраморных и бронзовых игрушек, а он их расставил зря на площади, где столько раз лилась кровь и решалась его судьба – без малейшего отношения к Давиду или Персею». А это – о Венеции: «Город в воде, так что по улицам могут гулять ерши и окуни». О Милане: «А тут Беловежская пуца из мрамора. Какая голова смела создать чертеж этого каменного леса, называемого Миланским собором, эту гору сталактитов? Какая голова имела дерзость привести в исполнение сон безумного зодчего... и кто дал деньги, огромные, невероятные деньги! Люди только жертвуют на ненужное. Им всего дороже их фантастические цели. Дороже насущного хлеба, дороже своей корысти. В эгоизм надобно воспитаться так же, как в гуманность. А фантазия уносит без волнения, увлекает без рассуждений. Века веры были веками чудес».

А вот – о Генуе: «Город из каменных щелей, – так что надобно быть мокрицей иди ящерицей, чтоб ползать и бегать по узенькому дну, между утесами,

составленными из дворцов». Что касается жителей Генуи, которые так радовали его своей энергетикой в 1847 г., то, по едкому замечанию Герцена «образца 1867-го», «их я не знаю»: «К ним присмотреться очень трудно, они все мелькают перед глазами, бегут, суетятся, снуют, торопятся. В переулках к морю народ кипит, но те, которые стоят, – не генуэзцы, это матросы всех морей и океанов, шкиперы, капитаны. – Звонок там, звонок тут... – и часть муравейника засуетилась – одни нагружают, другие разгружают».

На этом общем фоне «итальянских нелепостей» «нормальным исключением» у Герцена оказывается ранее почти игнорируемый им именно из-за своей чиновничье-мещанской обыденности Турин: «Город поновее, поменее исторический и декоративный – Турин. – Так и обдает своей прозой. Да, а жить в нем. легче – именно потому, что он просто город, город, не в собственное свое воспоминание, а для обыденной жизни, для настоящего, в нем улицы не представляют археологического музея, не напоминают на каждом шагу *memento mori* (помни о смерти. – лат.) А взгляните на его работничье население, на их резкий, как альпийский воздух, вид – и вы увидите, что это кряж людей бодрее флорентийцев, венециан, а может, и постолчее генуэзцев».

Болезненное настроение, которое очевидно владело Герценом при написании этого текста («простуда, мигрень, туман»), подтверждается и скупой строчкой письма, написанного в тот

же день сыну Александру: «Вчера я искал шарф в *Stabilimento Concordia*, и гарсоны искали – до тех пор, пока я догадался, что шарф на мне, и от стыда тихонько ушел». Вечером 14 декабря 1867 г. Герцен отплыл из Генуи пароходом и в 6 утра был в Ницце.

Судя по пометкам Герцена, именно в Генуе в конце 1867 г. им были написаны и важные тексты о грядущей судьбе Италии, ставшие материалом для ряда статей и также вошедшие затем в «Былое и думы». «Что ждет Италию впереди, какую будущность имеет она, обновленная, объединенная, независимая? – задается вопросом Герцен. – Ту ли, которую проповедовал Маццини, ту ли, к которой ведет Гарибальди.... ну, хоть ту ли, которую осуществлял Кавур?» Видя печальные на его взгляд примеры Франции и Италии, выхолостивших республиканско-демократические идеалы, Герцен сомневается «в будущности латинских народов», «в их будущей плодотворности»: «им нравится процесс переворотов, но тягостен добытый прогресс. Они любят рваться к нему, – не достигая». «Итальянская революция была до сих пор боем за независимость. Конечно, если земной шар не даст трещины или комета не пройдет слишком близко и не накалит нашей атмосферы, Италия и в будущем будет Италией, страной синего неба и синего моря, изящных очертаний, прекрасной, симпатической породы людей, людей музыкальных, художников от природы». Но то, что Италия из страны клерикально-деспотической сделается страной буржуазно-парламентской, «из дешевой – доро-

гой, из неудобной – удобной и проч. и проч.» – этого, по мнению Герцена, «мало», и с этим «далеко не уйдешь».

Энергетику итальянского народа поддерживала борьба за национальную независимость, за объединение страны. Герцен задается вопросом: «Будет ли что Италии сказать и сделать на другой день после занятия Рима?... Независимость сама по себе ничего не дает, кроме прав совершеннолетия, кроме места между пэрами, кроме признания гражданской способности совершать акты – и только». По его мнению, героические времена Маццини и Гарибальди уходят в прошлое, хотя будущность этих двух имен обеспечена: «Их два имени станут высоко и светло во всей Италии от Фьюме до Мессины и будут подниматься выше и выше во всей печальной Европе по мере исторического понижения и измельчания ее людей». Но идеалы демократии и республиканизма (как ранее и во Франции), выветриваются из народного сознания: «Я не виню ни большинство, плохо приготовленное, усталое, трусоватое, еще больше не виню массы, так долго оставленные на воспитании клерикалов, я не виню даже правительство; да и как же его винить за ограниченность, за неуменье, за недостаток порыва, поэзии, такта».

Но при таком развитии событий будущая судьба нации незавидна: «Если Италия вживется в этот порядок, сложится в нем, она его не вынесет безнаказанно. Такого призрачного мира лжи и пустых слов, фраз без содержания трудно переработать

народу менее бывалому, чем французы. У Франции все не в самом деле, но все есть, хоть для вида и показа; она, как старики, впавшие в детство, увлекается игрушками; подчас и догадывается, что ее лошади деревянные, но хочет обманываться. Италия не совладевает с этими тенями китайского фонаря, с лунной независимостью, освещаемой в три четверти тюльерийским солнцем, с церковью, презираемой и ненавидимой, за которой ухаживают, как за безумной бабушкой в ожидании ее скорой смерти. Картофельное тесто парламентаризма и риторика камер (палат парламента – А.К.) не даст итальянцу здоровья. Его забьет, сведет с ума эта мнимая пища и не в самом деле борьба. А другого ничего не готовится. Что же делать? Где выход? Не знаю...». Вспомним: в 1847 г. именно обновляющаяся Генуя послужила для Герцена предзнаменованием общеитальянского возрождения. И именно в Генуе в 1867 г. Герцен окончательно утратил веру в прогресс «латинских народов».

В октябре 1869 г. Герцен опять мчится из Парижа в Италию, встревоженный известием из Флоренции о «душевной болезни» своей любимой дочери Таты и делает короткую остановку в Генуе 20 октября. Выяснилось, что девушка стала жертвой одного из своих поклонников – некоего Пенизи, который шантажировал ее оглаской их отношений и грозил самоубийством. «Это – мой Гервег», – повторяла Тата, вспоминая трагическую историю своей матери. К счастью, Герцену удалось быстро добраться до Флоренции (с ним вместе приехали

Тучкова-Огарева с дочерью Лизой), организовать серьезное лечение дочери, а потом – вывезти ее из города.

В те дни Герцен окончательно решил собрать дочерей от двух браков – Тату, Ольгу и Лизу – в Париже, оставив в Италии лишь работающего во Флоренции и уже обзаведшегося своей семьей Александра. К политическому разочарованию от Италии добавилось лично-семейное: «южное небо», как оказалось, приносит в основном беды близким ему людям. 6 ноября 1869 г. Герцен с Татой, Тучковой-Огаревой и Лизой покинули Флоренцию и отправились на почтовом дилижансе в Кьявари (через Пизу и Специю), а потом поездом в Геную. Дочь Ольга с воспитательницей М. Мейзенбург присоединились к ним в Генуе позднее.

В гостинице «Feder» он прожил на этот раз больше недели – с 11 по 19 ноября. В письме Огареву от 13 ноября Герцен писал: «Проклятая езда с ветурином (возницей дилижанса. – А.К.) до того утомила Тату, что возвратились некоторые признаки. Ей было немного тошно – она тотчас сказала, что отравлена Пенизи». Впрочем, Герцен заметил, что дочери «вовсе не нужно покоя и одиночества, а скорее внешнее развлечение и занятия»: «Так обед за table d'hot'ом, (общим столом. – франц.) – причем надобно одеваться, – идет до того отлично, что она тебе посылает портреты всех сидящих против нас – и необыкновенно сходные». Герцена скорее беспокоила обратная дорога: «Худшее – это дорога отсюда. В сущности, в Италии зимой

проезд такой же, как в Воронеж или Вятку. Третий день дождь и вьюга – море беспокойно, и ехать в дилижансе ужасно (22 часа). Вот я и сижу в Hotel Feder и думаю, что делать».

На следующий день Герцен опять пишет Огареву «Дорога в Ниццу размыта дождями, остается паром, и качать все же будет сильно... Между югом Швейцарии и Италии и к Франции – столько же сообщений зимой, как между Саранском и Тюменью». И в том же письме – совсем драматический фрагмент, свидетельствующий о душевном состоянии Герцена: «Мне страшно, caro mio (мой дорогой – *итал.*), но я так вижу пределы всех (и тебя... и себя; уверяю тебя, что я себя знаю до самопрезрения, я знаю, что теперь, наконец, я – прошедшее); итак, я вижу, что все идет, как шестерня лошадей, привязанных к дышлу, но без вожжей, что иногда закрываю глаза. Я пью – и жалею, что не могу пить как ты, просто потому, что голова болит; у тебя Katzenjammer (похмелье. – *нем.*) в припадке, а у меня мигрени, я ее и боюсь, а ты припадку не боишься – вот и разница».

19 ноября 1869 г. Герцены добрались-таки до Ниццы: сначала ехали семь часов по железной дороге, потом еще шестнадцать – дилижансом. Кажется, что близкая уже «скучная столица Франции», которую Герцен когда-то без сожаления покидал во имя «возрождающейся Италии», должна принести отдохновение ему и его дочерям. Но, увы...

Спустя всего два месяца, 21 января 1870 г., Александр Иванович Герцен скончался в Париже.

АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ

Григорьев Аполлон Александрович (28.07.1822, Москва – 7.10.1864, Санкт-Петербург) – литературный и художественный критик, поэт, переводчик. Окончил юридический факультет Московского университета. Сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Москвитянин», «Драматический сборник», «Русский вестник», «Якорь».

Биограф и исследователь творчества Григорьева Б.Ф. Егоров написал о нем: «Трудно найти в истории русской культуры и общественной мысли фигуру более сложную, чем Аполлон Григорьев. Мистик, атеист, масон, петрашевец, славянофил; артист, поэт, редактор, критик, драматург, фельетонист; чистый, честный юноша, запойный пьяница, душевный, но безалаберный человек, добрый товарищ и непримиримый полемист, страстный фанатик убеждения – таков облик Григорьева, мозаично рассыпавшийся на несоизмеримые элементы в глазах многих современников и потомков».

В июле 1857 г. коллежский ассессор А.А. Григорьев взял отпуск в гимназии, где тогда преподавал, и, по рекомендации историка М.П. Погодина, уехал в Италию в качестве воспитателя пятнадцатилетнего князя И.Ю. Трубецкого. Добрался морем из Кронштадта до Штеттина; далее почтовыми дилижансами ехал через Берлин, Дрезден, Прагу, Вену. Побывал в Венеции, где чуть по неосторожности не

утонул в канале (решил ночью прогуляться, открыл наружную дверь отеля, где остановился, и... шагнул прямо в воду). Позднее в письме своему близкому другу Е.С. Протопоповой Григорьев так описал свое путешествие через пол-Европы: «Сначала, как всегда бывает со мною, новость различных впечатлений и быстрота, с которой они сменялись, подействовали на меня лихорадочно-лирически. Я истерически хохотал над пошлостью и мизерией Берлина и немцев вообще, над их аффектированной наивностью и наивной аффектацией, честной глупостью и глупой честностью; плакал на Пражском мосту в виду Пражского Кремля; плевал на Вену и австрийцев, понося их разными позорными ругательствами и на всяком шагу из какого-то глупого удалства подвергая себя опасностям быть слышимым их шпионами, одурел (буквально одурел) в Венеции, два дня в которой до сих пор кажутся мне какими-то волшебным, фантастическим сном».

В конце июля 1857 г. Григорьев впервые побывал в Генуе (чтобы плыть далее в Ливорно), но город в тот раз ему не запомнился. «В первый раз я видел Геную как свинья», – писал он спустя два года в своем письме-исповеди (как он утверждал, «без малейшей утайки») учителю и другу М.П. Погдину.

В августе-сентябре 1857 г. Григорьев жил на вилле Трубецких в Сан-Панкратио в семи километрах севернее Лукки, где вел занятия с молодым князем Трубецким. В те дни Григорьев писал Пого-

дину: «Провидение имело через вас благую цель – услатить меня на несколько времени куда-нибудь подальше. Если бы мне предложили Вы тогда ехать в Гренландию, я бы точно так же охотно согласился, как согласился ехать в Италию... Душа моя была совсем разбитая, и не было в ней ни одного места, которое бы не наболело».

В октябре 1857 г., когда спала жара, Трубецкие переехали с виллы в собственный дворец во Флоренции на Via Gibellina (бывший Palazzo Spinelli). Григорьев писал Протопоповой: «Живу я в великолепном палаццо, где плюнуть некуда – все мрамор, да мрамор... Выйдешь на улицу – ударишься в мрачный Барджелло, где на каждом камне помоста кричит кровь человеческая... Пройдешь несколько шагов, и уже на площади del Palazzo Vecchio (ныне Площадь Синьории. – А.К.), а там Микеланджело Давид и Персей Бенвенуто Челлини..., и тогда вспомнишь, что на этой площади бушевала некогда народная воля и проповедовал монах Савонарола, и тут же его потом сожгли... Как бы я желал, горячо желал – вас всех, моих дорогих мне друзей, перенести хоть на день в этот мир, меня окружающий... А то ведь я или задыхаюсь от одинокого лиризма, или терзаюсь безумнейшею тоскою».

Занятия с молодым князем под строгим наблюдением вдовы-княгини (итальянки по происхождению) давались Григорьеву нелегко: периоды учительского энтузиазма сменялись глубоким разочарованием: «Мальчик пятнадцати лет в совершенстве знает по-английски и не знает Шекспира; по-

луитальянец не читал Данта, когда мы, дети толпы, в эти годы прочли все, что можно было прочесть... Прибавьте к этому ещё порядок дня, губящий бесплодно столько времени. О, порядок! Недаром во мне, как во всяком русском человеке, таится к тебе закоснелая, непримиримая ненависть... Как истинно русский человек, т.е. как смесь фанатика с ерником, я не стал в борьбу с тем, с чем нельзя бороться; подчинился всему нелепому в доме, всему злу порядка, но понял, что с умом я могу делать, что хочу». В начале 1858 г. усугубились конфликты с княгиней Трубецкой, и Григорьев решил снять частную квартиру во Флоренции по адресу: Borgo Santi Apostoli, 1169.

В частых письмах Погодину, который был близок Григорьеву по славянофильскому умонастроению, содержались не только бытовые зарисовки, но и размышления Григорьева о судьбах европейской культуры, глубинных различиях между католицизмом и русским православием: «Мы (т.е. славянофилы) хотим всё доказывать великие нелепости, как-то, что византийские типы не в пример прекраснее, художественнее итальянских Мадонн, и удивляемся, что никто этих нелепостей не слушает. А вот такой факт гораздо назидательнее. В деревне Ponte Mariano, близ которой вилла нашей принципессы (княгини. – А.К.), стоит на перекрёстке прекрасный образ Мадонны; а в каком-нибудь Спасском, подле Москвы, в бедной деревянной церкви суздальские иконы. Но в Понте Мариано живут язычники, буквально язычники, которые

едва ли имеют понятие о том, что Богородица не Бог; а в селе Спасском молятся уродливым иконам истинные христиане, которые знают сердцем, что не иконам, а Незримому они молятся. Сила нашего именно в том, что оно не перешло в образы, заслоняющие собою идею, а осталось в линиях, только напоминающих. А еще сила в том, что все наше есть еще живое, растительное, когда здесь великолепное здание, поросшее мохом».

В марте 1858 г. во Флоренцию, по дороге из Рима в Вену, заехал Иван Сергеевич Тургенев, и Григорьев вел с другом непрерывные, дни и ночи напролет, беседы о России и русской культуре, которые оставили заметный след в судьбе обоих литераторов. В мае Григорьев с семьей Трубецких сели на пароход в Ливорно и отправились морем во Францию.

Второе посещение Григорьевым Генуи было совсем иным, нежели десять месяцев назад: «Море было удивительное во все время нашего плаванья от Ливорно до Генуи и от Генуи до Марселя... Я к морю вообще пристрастился, начиная еще с пребывания в Ливорно. В Генуе дохнуло уже воздухом свободы. Портреты Маццини и Гарибальди в трактире немало изумили меня и порадовали... Второй раз увидел я красавицу Genova – но с той разницей, что в первый раз я видел ее как свинья, – а в этот с упоением артиста, бегая по ней целый день, высунув язык, отыскивал сокровищ по ее галереям». В своих походах по Генуе Григорьев «держался всегда одной методы» – «никогда не

братъ с собой указателей, стало быть, отдаваться собственному чутью». «Ну да не об этом покамест речь, – пишет он в откровенном письме Погодину. – Я вам не путешествие свое рассказываю, а историю своего нравственного процесса».

Из Марселя Трубецкие и сопровождавший их Григорьев уехали в Париж. Проведя там летние месяцы, княгиня Трубецкая вернулась во Флоренцию, чтобы молодой князь мог вступить в права наследства. Григорьев долго раздумывал о новой поездке в Италию, но в итоге решил возвратиться в Россию. Проехав почтовым дилижансом через Францию и Германию, он 7 октября 1858 г. почтовым пароходом «Прусский орел» приплыл из Штеттина в Кронштадт.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

Тургенев Иван Сергеевич (9.11.1818, Орел – 3.09.1883, Буживаль, Франция) – писатель. Родился в семье отставного полковника-кирасира Сергея Николаевича Тургенева и наследницы богатого поместья Варвары Петровны Лутовиновой. Учился в частных пансионах, затем в Московском и Санкт-Петербургском университетах. В 1838 г. отправился для продолжения образования в Германию, где в Берлинском университете изучал философию, филологию и историю.

Впервые приехал в Италию ранней весной 1840 г. В Риме близко сошелся со знакомым ему по Берлину молодым философом и литератором Н.В. Станкевичем. В середине апреля вместе с географом А.П. Ефремовым отправился из Рима в Неаполь. Пробыв там около двух недель, он через Ливорно и Геную отправился в Швейцарию и далее в Германию. Лишь позднее он узнал, что выехавший спустя несколько недель после него на север Италии Станкевич скоропостижно скончался недалеко от Генуи – в городке Нови-Лигуре.

В следующий раз И.С. Тургенев приехал в Италию осенью 1857 г., будучи уже известным писателем. Об обстоятельствах поездки он писал своему близкому другу – графине Е.Е. Ламберт: «Вместо Петербурга я попал в Рим – и раньше мая месяца в Россию не приеду. Отчасти это сделалось случайно: один мой хороший приятель (литера-

тор В.П. Боткин – А.К.) отправлялся в Рим и пригласил меня с собою; но была также и причина, почему я так скоро согласился. В последнее время я вследствие различных обстоятельств ничего не делал и не мог делать; я почувствовал желание приняться за работу – а в Петербурге это было бы невозможно; меня бы там окружили приятели, которых бы я увидал и истинной радостью, но которые помешали бы мне (да я сам бы себе помешал) уединиться; а без уединения нет работы... Если я и в Риме ничего не сделаю – останется только рукой махнуть. В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которые прошедшее умирает и зарождается нечто новое. Горе тому, кто не умеет их чувствовать и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызвать к жизни то, что еще не созрело. Часто я погрешал то нетерпением, то упрямством; хотелось бы мне теперь быть поумнее. Мне скоро сорок лет; не только первая и вторая, третья молодость прошла, и пора мне сделаться если не дельным человеком, то, по крайней мере, человеком, знающим, куда он идет и чего хочет достигнуть. Я ничем не могу быть, как только литератором, – но я до сих пор был больше дилетантом. Этого вперед не будет».

17 октября 1857 г. Тургенев и Боткин выехали из Парижа и – через Лион и Марсель – прибыли в Ниццу, принадлежавшую тогда еще Сардинскому королевству. 21 октября Тургенев писал Полине Виардо: «Вчера вечером мой спутник и я ступили на итальянскую землю. Встретила она нас урюмо,

ибо здесь уже два дня стоит отвратительная погода, идет дождь, ветрено, холодно... Местность между Драгиньяном и Ниццей восхитительна – пересекая Приморские Альпы, на каждом шагу встречаешь чудесные виды. К тому же всегда так приятно, я бы даже сказал – так трогательно чувствовать, что приближаешься к Италии... И лишь одного, увы, нам не доставало! – молодости».

Из-за дождя город как следует рассмотреть не удалось: «Ницца, насколько о ней можно судить сквозь пелену дождя, красивый город; однако дома здесь слишком высокие... Контраст между гигантскими пропорциями этих домов и пустыньностью улиц придает им вид, одновременно тоскующий и жадный; кажется, что они, раскрыв пасти, поджидают путешественников. Но растительность великолепная. Пальмы, апельсиновые деревья, магнолии, к тому же все эти экзотические и необыкновенные деревья выглядят здесь совершенно естественно... Не говоря уже о громадных оливах, приморских соснах и т. д. и т. д. Завтра мы уезжаем в Геную, здесь еще очень мало народу, и к тому же мне не терпится оказаться в Риме у себя за рабочим столом».

Сардинская общественность была в те дни взволнована приездом в Ниццу Джузеппе Гарибальди, который, будучи уроженцем Ниццы, был избран депутатом парламента от этого города. Тургенев писал: «Если бы я был итальянцем, мой голос, несомненно, принадлежал бы ему. Я всегда испытывал к нему большую симпатию».

Проехав далее на дилижансе по приморской горной дороге «Корниче» Ривьеру ди Поненте, путешественники сделали остановку в Генуе, где, вместо одних суток, пришлось провести целых пять: чемоданы Тургенева и Боткина по ошибке отправили сначала в другую гостиницу. А потом на сутки задержали пароход до Чивитта-Веккиа.

Из Генуи Тургенев писал Полине Виардо в день отправления – 27 октября 1857 г.: «С *Corniche* нам повезло, погода была превосходная. Дорога – настоящее чудо, особенно первая половина: вы словно висите между небом и землей, а вокруг – всяческое благоухание, великолепие – какое-то волшебство; вы ощущаете, как красота огромными светлыми потоками через глаза вливается вам в душу, вы купаетесь, плаваете в красоте. Притом вообразите, что за два дня нашего путешествия мы увидели больше красивых женских лиц, чем за целые годы где бы то ни было. Какая щедрая кровь и какое разнообразие типов! Простая служанка, босиком провожавшая старика в окрестностях Савоны, поразила нас: это было самое восхитительное создание, какое нам когда-либо приходилось видеть». А вот жители самой Генуи Тургеневу не понравились: «Генуя – очень красивый город, но женщины в нем (вопреки тому, что говорят об этом путеводители) выглядят отталкивающе (*repoussantes*). У всех генуэзцев большая голова, кривые ноги, тяжелые черты лица».

В Генуе Тургенев с Боткиным трижды были в театре. В «Carlo Felice» они посмотрели сначала

оперу Гаэтано Доницетти «Линда из Шамуни», а на следующий день комическую оперу того же автора «Любовный напиток». В письме к Виардо Тургенев отмечает, что «роли примадонн исполняла некая г-жа Поджи – голос у нее грошовый, но поет она приятно и не лишена обаяния; остальные – *cani* (актеришки. – итал.)». В том же письме Тургенев отметил, что генуэзская публика в Carlo Felice «была холодна»: «Но не такова была она, к несчастью, на третий вечер в театре “Аполло”! Давали оперу буфф некоего *маэстро* Джиоза («Дон Чекко»). Не могу передать вам, до какой степени все это было *wretched* (жалко. – англ.). Непрерывные фортиссимо, завывания в унисон, а со стороны публики – неистовые овации! Какая отвратительная глупость! Роль Дона Чекко (тип вечно голодного и холодного бедняги) исполнял молодой парень по имени Чампи, не без таланта, но занятие это ему не по силам. Такой откровенный упадок тяжело видеть – и это родина Россини!»

30 октября Тургенев и Боткин приехали в Рим, где остановились на всю зиму в «Albergo Inghilterra». В этом существующем и сегодня отеле (где в разное время жили Байрон, Шелли, Китс, Лист, Хемингуэй, Мендельсон, Андерсен, а также многие коронованные особы) Тургенев зимой 1857–1858 гг. завершил повесть «Ася» и начал работу над «Первой любовью» и «Дворянским гнездом».

О новом приезде Тургенева в Италию написал в своем биографическом романе «Жизнь Тургене-

ва» писатель Б.К. Зайцев: «Тургенев в Италии уже бывал – давно, семнадцать лет назад, студентом. Тогда жилось легко, светло. Все – впереди. Теперь он – человек с рано поседевшими кудрями, нездоровый, упорно думающий о смерти, одинокий, с разгромленным сердцем. Но Италия осталась прежней и не обманула».

В этот раз Тургенев был в Риме частым гостем либерального салона великой княгини Елены Павловны (вдовы дяди недавно вступившего на престол Александра II, великого князя Михаила Павловича), постоянными посетителями которого были будущие активные деятели александровских реформ – князь В.А. Черкасский, князь Д.А. Оболенский, граф Н.Я. Ростовцев. Часто собрания проходили и на Via Gregoriana, в квартире князя Владимира Александровича Черкасского и его жены, княгини Екатерина Алексеевны. Благодаря новым друзьям, Тургенев включился в обсуждение непривычных для себя политических вопросов, связанных с перспективами нового царствования: «Я здесь, в Риме, все это время много и часто думаю о России – что в ней делается теперь? Двинется ли этот Левиафан (подобно английскому) и войдет ли в волны, или застрянет на полпути. До сих пор слухи приходят все только благоприятные; но затруднений бездна, а охоты, в сущности, мало. Ленив и неповоротлив русский человек, и не привык ни самостоятельно мыслить, ни последовательно действовать. Но нужда – великое слово! – поднимет и этого медведя из берлоги».

В середине февраля 1858 г. Тургенев и Боткин выехали из Рима в Неаполь, где прожили три недели в «Hotel du Rome» на набережной Санта-Лючия. Вместе с Черкасскими ездили в Помпеи, плавали на остров Капри. 8 марта Тургенев вернулся в Рим, через несколько дней выехал оттуда во Флоренцию, а затем через Геную, Милан и Венецию уехал в Вену. Посетив затем Прагу, Дрезден, Лондон и Париж он в начале июня 1858 г. был в Санкт-Петербурге.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЧИЧЕРИН

Чичерин Борис Николаевич (26.05.1828, Тамбов – 3.02.1904, Москва) – правовед, философ, историк, мемуарист. Член Императорской академии наук (1893). Выходец из богатого тамбовского рода, ведущего происхождение от итальянца Афанасия Чичерини, приехавшего в 1472 г. в Москву в свите Софии Палеолог, дочери византийского императора, выходящей замуж за русского царя Ивана III.

Окончил юридический факультет Московского университета. Под влиянием Т.Н. Грановского сформировался как русский «западник», критично относящийся к идеям «русской исключительности»: «Я пламенно любил отечество и был искренним сыном православной церкви... Но меня хотели уверить, что весь верхний слой русского общества, подчинившийся влиянию петровских преобразований, презирает все русское и слепо поклоняется всему иностранному, что, может быть, и встречалось в некоторых петербургских гостиных, но чего я, живя внутри России, от роду не видал... Вне московских салонов русская жизнь и европейское образование преспокойно уживались рядом; и между ними не оказывалось никакого противоречия; напротив, успехи одного были чистым выигрышем для другого».

В 1857 г., с ослаблением в России цензуры после смерти императора Николая I, защитил, на-

конец, магистерскую диссертацию, посвященную областным учреждениям России XVII в. Тогда же, с благословения и на деньги отца, решил предпринять большое заграничное путешествие для изучения политики и культуры европейских стран.

В «Предисловии» к своим воспоминаниям о заграничной поездке 1858–1861 гг. Чичерин написал: «В настоящее время путешествие за границу дело самое обыкновенное. При легкости и удобстве сообщений, едва ли найдется образованный человек, который бы не объехал почти всю Европу. Не то было в прежние времена, когда железные дороги еще не существовали, а русское правительство, особенно с 1848 года, делало всякие затруднения подданному, дерзающему преступить священные пределы отечества... Но с новым царствованием и с заключением мира (после Крымской войны. – А.К.) все препятствия разом исчезли. Двери открылись настезь, и вся Россия ринулась за границу. Я последовал общему течению. Это был целый новый мир, который открывался передо мною, мир, полный прелести и поэзии, представлявший осуществление всех моих идеалов. Чудеса природы и искусства, образованный быт стран, далеко опередивших нас на пути просвещения, наука и свобода, люди и вещи – все это я жаждал видеть своими глазами: я хотел насытиться новыми, свежими впечатлениями, представляющими человеческую жизнь в ее высшем цвете».

В мае 1858 г., через Варшаву, Вену и Венецию (которая очаровала его) Чичерин отправился в

столицу Сардинского королевства Турин, где его брат Василий Николаевич занимал пост секретаря русского посольства, служа под началом известного дипломата графа Э.-Г. Штакельберга. Во время Крымской войны тот служил в Севастополе, а по ее окончании был направлен чрезвычайным посланником в Турин – столицу одного из недавно воевавших с Россией государств, с которым новый русский император Александр II активно развивал отношения. Чичерин написал о графе Штакельберге в своих мемуарах: «Это был человек не отменного ума, но рыцарски благородного характера, старый военный, чрезвычайно живой, приветливый, общительный, с поэтическими наклонностями... Несмотря на свое остзейское происхождение и иностранное воспитание, он был патриот, любил говорить по-русски и в особенности щеголял званием разных народных пословиц и поговорок, которые он, однако, обыкновенно перевирал... В Турине он пользовался общим уважением. Жена его, француженка, очень неглупая, сдержанная, привлекательной красоты, царила в салоне, в котором часто собирались дипломаты».

Именно с русской дипломатической средой и познакомился в первые недели своего пребывания в Турине 30-летний Борис Чичерин, выбиравший тогда свой собственный путь в жизни. Судя по мемуарам, дипломатическая стезя его не заинтересовала – «самое скучное собрание людей, какое я встречал в своей жизни». «Дипломат – человек, отрешившийся от живых интересов родного края

и не примкнувший к другим, остающийся все-таки чуждым стране, в которой он случайно находится по своим служебным обязанностям. Всякая почвенная связь у него порвана: жизненное содержание исчезло, а взамен этого приобретен светский лоск и умение говорить прилично о всяких пустяках. Невольно дипломат заражается салонными взглядами, самыми поверхностными и неверными из всех. К этому присоединяется то, что по самому своему положению он принужден избегать серьезных разговоров. Он не может высказывать откровенно свою мысль, а должен постоянно держать себя настороже, чтобы не проронить лишнего слова. В особенности, когда собраны вместе представители разных держав, имеющих совершенно различные дипломатические интересы, всякий живой вопрос по необходимости устраняется, и все ограничивается обменом поверхностных замечаний о светских пустяках... Случайно сходящиеся люди, облеченные броней дипломатической чопорности и светского приличия, соприкасаются чисто внешними своими сторонами, не имея между собой ничего общего. На постороннего человека, особенно привыкшего к живому и искреннему обмену мыслей, подобные собрания нагоняют невыносимую скуку».

В Сардинском королевстве Чичерина поразило тогда другое – активная политическая жизнь, которой не было в тогдашней России: ««В Турине было, однако, в то время нечто гораздо более занимательное, нежели дипломатические собрания.

Он был центром самой живой политической жизни. Это была та пора, когда в Италии пробудилось национальное чувство, и все взоры обратились на Пьемонт, который решительно встал во главе движения». Чичерина воодушевила фраза, сказанная в те месяцы королем Виктором-Эммануилом II при открытии сардинского парламента, которая «как электрическая искра, пробежала по итальянским сердцам»: «Мы не бесчувственны к крику боли, который из стольких частей Италии поднимается к нам».

Именно Пьемонт и туринский двор стали в те месяцы инициаторами борьбы за объединение Италии: «Все, что было мыслящего и благородного в Италии собралось в Пьемонте, который один представлял убежище от невыносимого деспотизма, царившего всюду. Здесь были и парламентские учреждения, какими в то время не обладал ни один другой народ на европейском материке». Особенно вдохновляло Чичерина то, что во главе сардинской политики находился граф Камилло Кавур – «государственный человек первой величины, который с необыкновенною ловкостью и прозорливостью умел двигаться между опасностями и давать своему маленькому государству выдающееся значение среди европейских держав. На почве самой широкой политической свободы Кавур воздвигал будущее величие своего отечества, и все, что было истинно либерального в Европе, с глубоким сочувствием смотрело на его начинания».

Надо добавить, что политика Пьемонта и фигура графа Кавура были в те годы предметом особого внимания со стороны русского общества, ожидавшего у себя в России аналогичных изменений от недавно вступившего на престол императора Александра II. Русские радикалы (от Чернышевского в России до Герцена в эмиграции) продолжали сочувствовать итальянским карбонариям типа Джузеппе Маццини; очень многие симпатизировали Джузеппе Гарибальди. Идеалом же для либералов умеренного плана (а именно к этому направлению тяготел Борис Чичерин) была конституционная монархия, где рядом с просвещенным монархом находился бы мудрый и энергичный реформатор. Политическая «связка» сардинского короля Виктора Эммануила II и графа Кавура и в последующие годы виделась Чичерину идеальной конфигурацией для широких гражданских реформ.

Чичерин отвергал позицию редакции «Современника», которая специально командировала в Турин Н.А. Добролюбова, писавшего оттуда обличительные статьи против Кавура: «Не могу без удивления подумать о тех молодых людях, которые, как Добролюбов, приехавши в Турин и видя воочию это беспримерное движение, не только не испытывали на себе неудержимого к нему сочувствия, но с остервенением ополчились на Кавура и на его деятельность. На это нужно было все невежество, тупоумие и пошлость русского радикала новейшего фасона. И этого господина возводят

в великие люди, делают из него учителя русского общества!».

В оценке возможностей просвещенной конституционной монархии (как в Сардинии, так и в России) Чичерин разошелся в то время и с А.И. Герценом, к которому ездил в Лондон в сентябре 1858 г. В одном из писем тех дней Герцен отмечал: «С Чичериным у нас ежедневная травля, – но, кажется, каждый останется при своем». А в более поздних мемуарах Герцен напишет о Чичерине: «Свет его глаз был холоден, в тембре голоса был вызов и страшная, отталкивающая самоуверенность. С первых слов я понял, что это не противник, а враг, но подавил физиологический сторожевой окрик – и мы разговорились».

В те месяцы в Турине Чичерин едва ли не ежедневно ходил на открытые заседания сардинского парламента, хотя его итальянский язык (которому он обучался в детстве) еще оставлял желать лучшего: «Самый вид парламента и происходившие в нем политические прения произвели на меня глубокое и возвышающее душу впечатление. Я видел перед собою людей, от которых зависели не только судьбы отечества, но некоторым образом и самые судьбы мира... Я слушал их, то страстные, то сдержанные речи. Вся парламентская процедура, это свободное обсуждение высших интересов государства не в тайне бюрократических совещаний, а перед лицом всего народа, живо меня занимала, и я много раз возвращался в это святилище, думая: придется ли когда-нибудь

видеть нечто подобное в моем собственном отечестве? Увы, мне уже и тогда это казалось несбыточной мечтою. То, что я оставил позади, слишком далеко отстояло от того, что представлялось моим взорам». С особым интересом Чичерин высматривал в зале заседаний графа Кавура – «с невзрачною наружностью, маленького, толстенького, в очках, но с необыкновенно умным и пронизательным взглядом».

С огромным интересом читал Чичерин туринские газеты: «В первый раз мне доводилось находиться в самом средоточии живой политической жизни. Это был уже не отголосок, приносящийся из каких-то отдаленных стран, а постоянный, ежедневный, волнующий интерес окружающей среды. И этот интерес осуществлял в себе высшие начала общественной жизни и открывал самые широкие и заманчивые горизонты в будущем... Если Венеция представляла все величие прошлого, то Турин проявлял всю бодрость и силу настоящего. Здесь, как бы в маленьком фокусе сосредотачивалась европейская жизнь во всем ее блеске, в идеальном благородстве ее стремлений и надежд. Окунуться в эту атмосферу, насквозь проникнуться оживляющим ее могучим дыханием свободы, – это было событием в жизни, оставляющим в душе неизгладимы следы».

В конце 1858 – начале 1859 г. Б.Н. Чичерин совершил несколько поездок по городам Северной Италии, в том числе и свою первую поездку в Геную. Если Турин своей правильной планировкой

представлялся ему городом «скучным, однообразным и пошлым», то Генуя приятно поразила: «Генуя снова представила мне старый оригинальный итальянский город, с великолепными дворцами, полными картинных галерей, где особенно выдавались писанные Ван-Дейком фамильные портреты старинных генуэзских вельмож» (речь идет, скорее всего, о коллекции, собранной генуэзским семейством Бриньоле-Сале в Palazzo Rosso – А.К.)

Один вид в Генуе особенно потряс Чичерина – панорама, увиденная с колокольни старинной церкви Santa Maria di Carignano: «Я взобрался на крышу Кариньянской церкви, и оттуда открылся передо мною очаровательный вид: сзади весь амфитеатр покрытых зеленью гор, на котором расположена гордая Генуя, спереди заставленная сотнями кораблей гавань, а за нею расстилающееся вдаль ярко-голубое Средиземное море, которое тут в первый раз представилось моим взорам. Долго я любовался этим видом». В свои последующие визиты в Геную Чичерин всегда первым делом стремился в это полюбившееся ему место.

В начале 1859 г. в Генуе состоялась и свадьба брата Чичерина – Василия Николаевича и баронессы Жоржины Егоровны Мейендорф, дочери героя Бородина, генерал-адъютанта Е.Ф. Мейендорфа. Свадебная церемония прошла на русском военном корабле, стоящем в генуэзской гавани. (В дальнейшем судьба Василия Чичерина сложилась так: из Турина он был переведен с повышением в Париж, но вскоре душевнобольной родственник

жены – барон Рудольф Мейендорф оскорбил его действием, после чего, по законам чести, должна была последовать дуэль. По религиозным мотивам Василий Николаевич, однако, от дуэли отказался, вынужден был покинуть службу и уехать в Тамбов. Во время турецкой войны, чтобы доказать, что он не трус, он записался добровольцем в Красный крест и был на самых опасных участках. Вернулся с войны с больными легкими и умер в 1882 г. За десять лет до этого у него родился сын Георгий – будущий нарком иностранных дел, который после смерти отца воспитывался в семье дяди, Бориса Николаевича Чичерина.)

Весной 1859 г. Б.Н. Чичерин с большим воодушевлением воспринял поддержку Францией сардинского короля Виктора-Эммануила II в начавшейся войне с Австрией: «Австрия первая объявила войну и двинула свои войска в надежде нанести решительный удар, прежде, нежели приспеют французы. Весь вопрос состоял в том, насколько последние будут в состоянии предупредить врагов. Понятно, с каким восторгом встретили пьемонтцы первое появление желанных союзников на итальянской почве. Весь Турин двинулся им навстречу на станцию железной дороги. Я тоже был тут, вместе со всем русским посольством. И как только стали вылезать из вагонов красные панталоны, ликование было всеобщее и неумолкающее. Затем прибывал батальон за батальоном, и все они, бодрые, уверенные в победе, украшенные венками, быстрыми и мерными шагами двигались

среди несметной толпы громко приветствующего их народа. С утра до вечера в Турине раздавались непрекращающиеся крики... Я видел воочию то, что казалось легендой давно прошедших времен».

12 мая 1859 г. Чичерин наблюдал триумфальную встречу французского императора Наполеона III, который лично прибыл Геную на военном корабле: «Вместе с нашим посольством я поехал смотреть на приезд Людовика-Наполеона в Геную. Это было также зрелище, которого нельзя забыть. Пышная Генуя с ее великолепными дворцами, приняла праздничный вид. Улицы и дома были убраны коврами и флагами; вся гавань, с несметными наполняющими ее кораблями, была усеяна цветами. День был чудесный; солнце в полном блеске озаряло эту радостную картину. Когда приблизилось судно, несущее императора, восторг был необъятный: оглушительные крики сопровождали его на всем пути. Это была, можно сказать, лучшая минута в жизни этого исторического лица, перешедшего через такие изумительные перемены высоты и падения. Вечером зрелище было, может быть, еще красивее. Весь город и гавань были иллюминированы. При блеске огней, изящные дворцы с висящими из окон роскошными коврами, с всюду веющими флагами, с перетянутыми через улицы гирляндами, под которыми двигались массы народа, восторженными криками приветствовавшего всякого появляющегося среди них французского солдата, все это представляло такое удивительное сочетание внешнего великолепия и национального оду-

шевления, какое редко можно встретить в жизни. Я весь был наэлектризован. Электричество носилось в воздухе и поднимало дух всякого, кто вступал в эту атмосферу. Давно ожидаемая минута настала, минута возрождения и надежд. В близком будущем виднелось освобождение от иноземного ига, веками тяготевшего над страной, украшенной всеми дарами природы, но издавна угнетенной людьми, составлявшей приманку для могучих соседей. Для Италии вставала заря новой жизни; свободная и единая, она приобретала возможность выказать все силы, лежащие в глубине народного духа. Здесь зажигалась искра, которая могла иметь значение для всего человечества, которая лицу мира могла дать новый вид».

Майско-июньские победы французов и сардинцев над австрийскими войсками в Ломбардии буквально окрылили Чичерина: ему уже виделась свободная и единая Италия, дружественная также идущей по пути реформ России. Последующие события, однако, сильно охладили его прогрессистский пыл: опасаясь излишнего усиления Сардинского королевства и дальнейшего объединения Италии, Наполеон III пошел на сепаратный мир с Австрией. В итоге, Сардинское королевство присоединило к себе лишь Ломбардию, уступив при этом Ниццу и Савойю Франции.

Но окончательных результатов войны и подписания Туринского договора Чичерин в Италии уже не дождался. Он был разочарован не столько результатами практической политики, сколько бы-

стрым крахом своих собственных необоснованных иллюзий. Молодой магистр истории, он тогда, похоже, ясно осознал, что политика – тоже серьезная наука. В конце мая 1859 г. он уехал в Германию, в Гейдельбергский университет, слушать лекции Роберта Моля – по мнению Чичерина, «знаменитейшего в то время ученого по части политических наук».

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРИГОРОВИЧ

Григорович Дмитрий Васильевич (19.03.1822, с. Никольское Симбирской губ. – 22.12.1899, Санкт-Петербург) – писатель, путешественник, мемуарист. Родился в семье отставного гусара; воспитывался матерью – француженкой Сидонией де Вармон, дочерью погибшего на гильотине во время якобинского террора роялиста. Учился во французском пансионе «Монигетти», в Санкт-Петербургском инженерном училище, позднее в Академии художеств. Занимался литературным трудом, публиковался в «Северной пчеле», «Литературной газете», «Отечественных записках», «Современнике».

В 1858 г. управляющий делами Морского министерства А.В. Головнин, один из лидеров либеральных реформаторов, группировавшихся вокруг младшего брата императора Александра II, Великого князя Константина Николаевича, предложил уже известному 36-летнему литератору Д.В. Григоровичу совершить длительное плавание на военном корабле «Ретвизан», с тем, чтобы писать путевые заметки в «Морской сборник», бывший в те годы идейным рупором «константиновцев». Григорович, с юности мечтавший о путешествиях и, в первую очередь, в Италию, с охотой согласился: «Неожиданность предложения смутила меня, но ненадолго. Возможность объехать свет, увидеть незнакомые страны, куда давно влекло вообра-

жение, испытать ряд новых впечатлений – все это было слишком соблазнительно, чтобы не воспользоваться таким случаем».

84-пушечный парусно-винтовой линейный корабль «Ретвизан» был построен в Санкт-Петербургском адмиралтействе и спущен на воду в 1855 г. 5 августа 1858 г., с экипажем более чем в 800 человек, он вышел из Кронштадта под командованием капитана I-го ранга, барона Василия Федоровича фон Таубе в дальнее плавание по маршруту: Ревель – Брест – Кадис – Виллафранка – Генуя – Палермо – Ла-Валетта – Мессина – Пирей – Бейрут – о-в Родос – Смирна – Мессина – Кадис – Шербур – Портсмут – Киль и почти через год, 21 августа 1859 г. вернулся в Кронштадт. Путевые очерки Григоровича – от Кронштадта до Генуи – были собраны потом в отдельную книгу «Корабль «Ретвизан». (Год в Европе и на европейских морях)». К сожалению, записки о дальнейшем путешествии – на Сицилию, в Грецию и Малую Азию – так и не были опубликованы.

Итак, обойдя Европу, «Ретвизан» в конце октября 1858 г. вышел через Гибралтарский пролив в Средиземное море и через несколько дней бросил якорь в Виллафранке (недалеко от Ниццы), где Россия в 1856 г. получила от короля Сардинии небольшую военно-морскую базу (в 1860 г., после передачи района Ниццы Франции, император Наполеон III подтвердил права России на Виллафранку).

Оттуда путь «Ретвизана» лежал в Геную, где уже находились два других русских корабля – фрегат

«Громобой» и пароход-фрегат «Рюрик», входящие в эскадру контр-адмирала К.И. Истомина. На «Громобое» тогда ожидали прибытия (для дальнейшего похода по Средиземному морю) генерал-адмирала российского флота, Великого князя Константина Николаевича, который прибыл в Геную по железной дороге 23 ноября.

«Ретвизан» примерно неделю стоял в Генуэзской бухте: гражданские пассажиры прожили эти дни в самом городе. Заметки Д.В. Григоровича о Генуе начинаются непосредственно с момента его прибытия на пирс: «Так как корабль не вошел в самую гавань, но бросил якорь в полумиле от города, пришлось сделать порядочный конец в шлюпке, что не совсем было приятно; сверху сыпало дождем, сбоку обдавало пеной, а снизу так подбрасывало, что надо было крепко держаться за скамьи, чтобы не грохнуться на дно шлюпки. Наконец, вошли мы в так называемую Купеческую гавань. Она уставлена была таким множеством судов, что между ними приходилось пробираться, как в лабиринте улиц. На пристани и под темными массивными арками старых зданий, окружавших набережную, толкалось и шумело множество народа; тут нагружали и выгружали суда, перекачивали бочки, тянули блоки, стучали топорами, таскали тяжести, тюки и товары всякого рода».

Для Григоровича и нескольких других пассажиров были выделены номера в припортовой гостинице: «Недалеко от набережной, по узенькой улице, имевшей вид какого-то мрачного ущелья,

находилась гостиница, которую нам рекомендовали в Ницце: нас ввели в громадную прихожую со сводами и мраморными колоннами; широкая лестница из белого мрамора, перехваченная арками и колоннами, вела в верхние этажи. Прихожая эта служила когда-то главным входом в *palazzo* адмиралтейства, который время и еще более обстоятельства владельцев превратили в скромный *albergo*. Такого рода превращения на каждом шагу встречаются в Италии. Признаюсь, не могу видеть в этом повода возносить скорбные жалобы и сетования против распоряжений судьбы; обедневшая аристократия Италии не в состоянии поддерживать бесчисленную массу своих дворцов; не лучше ли, следовательно, этим дворцам переходить в руки людей промышленных, которые, из тщеславия или выгоды, станут их поддерживать и таким образом спасут от конечного разрушения. Что за важность, если мраморные полы и лестницы, попираемые когда-то Дорями, попираются теперь подошвами какого-нибудь торгаша: если б отмечать и оставлять неприкосновенными все места, где жили когда-то не только магнаты, но даже великие люди, пришлось бы остальному человечеству за неимением места переселяться на другую планету».

Номер Григоровича оказался почти под крышей: «Одна из отличительных черт Генуи – это невероятная высота ее домов. Каждый дом хочет иметь вид на море; стесненные пространством, дома лезут один выше другого и как бы приподы-

маются на цыпочки, чтобы заглянуть через крышу своего соседа. Благодаря такому соревнованию, я потерял счет ступеням прежде, чем достиг своего номера; перейдешь два-три поворота лестницы. «Здесь?» – «Нет, выше! Еще три-четыре поворота». – «Здесь?» – спрашиваешь, едва переводя дух. – «Еще выше». Лезешь, лезешь – конца нет. Между тем стены соседнего дома, до которого я мог коснуться рукою из окна моей комнаты, были еще выше; у подошвы их, словно на дне колодца, открывалась площадка, буквально запруженная народом; пространство, отделявшее ее от меня, так было велико, что говор и шум долетали до меня, как жужжание пчел».

Григорович подробным образом описал улицу, на которой жил: «Представьте себе длинный, узкий коридор, освещенный только сверху узкою полосой неба; в обе стороны внизу идут непрерывные ряды магазинов и лавок, которые не закрыты со стороны улицы, как у нас в Европе, но выставляют свой товар наружу, подобно тому, как это делается на Востоке. Товар исключительно состоит здесь из кораллов, филиграновых вещей, раковин, церковной утвари, оружия, кубков всякого рода, ожерелий и бесчисленного множества дорогих металлических изделий. Все это навалено горами и, плашмя освещенное сверху, резко выделяется на сумрачном, смолистом фоне стен и еще ярче выступает из темного дна магазинов, в которых на рембрандтовский манер рисуются старые и молодые фигуры торговцев. Живописные груп-

пы покупателей, которые теснятся с обеих сторон, пестрая толпа, разукрашенные цветными кистями ослы, которые жмутся посередине, группы курильщиков под сумрачными входами в кофейные дома, и, наконец, самый характер товара, облитого светом или растушеванного густою тенью, – все это на каждом шагу представляет великолепные картинные мотивы, которые сами собою просятся на полотно».

Подробно обрисовал Григорович и общую картину города: «Город расположен по скату горы; внизу у моря теснится так называемый нижний город... Все это представляет совершеннейший лабиринт узеньких извилистых улиц, затемненных высочайшими домами, которые как бы валятся на голову, оставляя в вышине тонкую, неровную полосу синего неба; все свидетельствует, что во время постройки их не предвиделось даже в будущем возможности существования экипажей; на ста шагах нередко приходится несколько раз подниматься или спускаться по ступенькам, чтобы продолжать путь. Поминутно вправо и влево открываются мрачные переулочки, темные своды или углубления, где посреди мрака мелькает крошечное изображение святого или образ мадонны с мигающей перед ним лампадкой. О тротуарах, конечно, нет и помину. Иное здание выступает таким резким углом, что обогнуть его можно только разве пешеходу; из-за угла неожиданно выходишь на тесную площадку, замкнутую мраморным порталом церкви, почерневшим от времени, или заставленную

рядами переносных лотков и лавчонок с овощами, пирогами, хлебом и проч.; тут же на воздухе поджаривают рыбу, варят *rizotto* и пекут кукурузные лепешки. Толпы матросов всех наций, поселяне, торговли в своих национальных костюмах, местные обыватели – все это шумит, покупает, продает, снует и движется между группами ослов, которые несут на рынок припасы в плетеных корзинках. Крепкий запах оливкового пережженного масла, который бросается в нос при первом шаге, ясно говорит, что вы нигде больше, как в итальянском городе».

В первый же день, в одном из кафе, Григорович узнал, что этим вечером в Генуе будет последнее представление трагедии «Федра» Жана Расина с великой Аделаидой Ристори в главной роли. Возжелав во что бы то ни стало достать билет, Григорович с удивлением узнал, что аншлагов на Ристори в Генуе нет. Хозяин кафе, свободно говоривший по-французски, объяснил: «Ристори у нас не очень любят; ей даже мало стали хлопать в последнее время!» Причина же, по его словам, в том, что прошли времена, когда генуэзцы, вслед за Джузеппе Гарибальди (ярким поклонником актрисы), считали ее «идеалом итальянки», которая «к славе Артистки присоединила славу Патриотки». – «Сейчас она играет преимущественно в чужих краях», – с укоризной сказал итальянец, и присутствующие дружно поддержали его. Григорович пытался было возражать: «Что ж из этого? Тем лучше для вас: она этим способом увеличивает артистическую

славу своего отечества...» – «А этого нам не нужно, – ответил хозяин кафе, – мы за этим не гонимся!» И привел в пример другого выдающего актера, Густаво Модена: «Играет он тоже прекрасно, а между тем не гонится за чужеземной славой. Людовик Наполеон предлагал ему большие деньги, чтобы играть в Париже, – он не согласился; он хочет играть только для своих соотечественников; за это мы его и любим!» Однако Григорович, не убежденный этими аргументами (увидеть на сцене легендарную Ристори было его мечтой; в Россию она приедет только в 1861 г.) поспешил в театральную кассу, чтобы приобрести билет.

Григорович отметил в Генуе «резкий переход», от нижней, простонародной, к верхней, аристократической части города. Действительно, в то время единственная улица, ведущая из припортовой части в богатые кварталы, замыкалась отвесной стеной: «Справа только под острым углом оставлен проход, в котором устроена каменная лестница... Тут постоянно происходит давка; не помню, чтобы когда-нибудь приходилось проходить по этому месту без того, чтобы не встретить, кроме толпы, людей с тюком за спиной, бочкой или корзиной на голове; одни быстро сбегают по ступенькам, другие так же быстро поднимаются; сколько заметно, генуэзец не такой суета и крикун, как неаполитанец и сицилиец, которые дерут горло и беснуются без всякой видимой причины, но он вообще деятелен, промышленен и всегда в постоянном движении».

Аристократические кварталы Генуи с их вереницей дворцов произвели на Григоровича очень сильное впечатление: «С первого взгляда бросается в глаза простор и свет, прежде всего, открывается широкая площадь; за исключением немногих частных построек, она вокруг обставлена великолепными мраморными дворцами; лучшие из них, впрочем, стоят с накрытыми жалюзи и наглухо заколоченными воротами. За ними гора подымается так круто, что дворцы, построенные выше на откосах или искусственных террасах, рисуются целиком от самого своего основания до верхушки. Шуму и движения здесь также очень много; к нему присоединяется еще треск экипажей, щелканье бичей и крик кучеров, одетых, как в Париже, в кленчатую шляпу и красный жилет».

Как опытный журналист-очеркист, пишущий для популярных журналов, Григорович не преминул подробно описать «тип генуэзских женщин»: «В этой толпе особенное внимание обращают на себя женщины: тип, сколько я заметил, здесь очень смешанный, но в общей массе они очень красивы; особенно хороши блондинки с черными блестящими глазами и длинными темными ресницами. Большая часть, вместо нелепых шляпок, покрывают голову белым кисейным *pezotto*, род вуали, который прикрепляется к гребню и, ниспадая по обеим сторонам лица, окутывает плечи; лица, и без того красивые, получают от этого особенную какую-то привлекательную нежность... Почти все женщины среднего сословия сохранили еще,

за редкими исключениями, свой национальный костюм; стоит минуту простоять перед фонарем, чтобы увидеть несколько хорошеньких личик, обернутых в эти покрывала, испещренные бабочками, цветами, плодами и фантастическими орнаментами».

Разумеется, Григорович описал наиболее известные улицы Генуи, и, в первую очередь, «улицу дворцов» Strada Nuova (ныне Via Garibaldi): «Эта улица с первых шагов прямо переносит вас в шестнадцатый век: в обе стороны тянется непрерывный ряд дворцов; к сожалению, улица так узка, что глаз не в состоянии обнять любое здание выше второго этажа. Лишенные света и пространства, затемненные еще сверх того временем, дворцы эти сохраняют тот мрачный, суровый характер, которым отличались их прежние владельцы; окна нижнего этажа защищены железными решетками; ржавчина, размываемая столько лет дождями, избороздила рыжими полосами мраморные стены: окна верхних этажей часто заколочены наглухо; иногда вместо замкнутых, тяжелых дверей, обитых железом, неожиданно открывается парадный вход со сводами; штучный цветной мраморный пол его на одном горизонте с улицей, чтобы беспрепятственно могли въезжать экипажи; с потолка висит на цепи зажженный фонарь самого причудливого рисунка; вправо и влево поднимаются зигзагами широкие лестницы и галереи, перехваченные арками, колоннами и консолями, украшенными мраморными шарами, львами, гербами и статуя-

ми, большею частью без носа, без пальцев, с черными пятнами копоти в изгибах драпировок; точно декорации в театре... Дворцы эти принадлежали когда-то (некоторые и теперь еще принадлежат) лицам, прадеды которых играли блестящую роль в истории средневековой Италии. Многие из потомков дождей, сенаторов и вельмож, несмотря на то, что разорены дотла, и теперь еще живут во дворцах своих; но теперь уже, собственно, в этом заключается только вопрос экономический – вопрос, чтобы избавить себя от необходимости платить за квартиру; они обыкновенно занимают несколько комнат вверху или на заднем дворе и отдают парадные залы и входы, расписанные фресками, под гостиницу или в наем частным лицам. Ведут они большей частью жизнь замкнутую, как бы стыдясь выставить на свет резкий контраст громкого исторического имени с протертым пальто, прикрывающим их плечи. Жизнь ограничивается чашкой кофе утром, блюдом брокколи в полдень и вечером – креслами в театре, потому что без музыки здесь не живут, точно так же, как без хлеба. Некоторые, но таких немного, владеют еще огромным состоянием своих предков; но время и на них произвело свое действие: они большею частью занимаются разного рода предприятиями и спекуляциями, стараясь увеличить свои капиталы».

Один из товарищей Григоровича по путешествию (чья фамилия в очерке скрыта под буквой С.) несколько раз до этого бывал в Генуе и показал ему самое знаменитое генуэзское кафе –

Stabilimento Concordia. Описание этого заведения Григоровичем невелико по объему, но заслуживает внимания, т.к. именно в «Конкордии» любили проводить время многие наши соотечественники: «“Cafe Concordia” – лучший ресторан города. Он занимает великолепный дворец; вход из белого мрамора превращен в цветочную лавку; мраморная лестница приводит на широкую террасу, уставленную апельсиновыми деревьями; посередине фонтан, вокруг идут залы; можно обедать на самой террасе, можно обедать и в залах, имея перед глазами целую апельсиновую рощу. В “Конкордии” С. познакомил меня с Д., польским эмигрантом, который уже пятнадцать лет находился в сардинской службе; Д. в свою очередь свел меня с несколькими молодыми людьми, принадлежащими высшему генуэзскому обществу; благодаря такому обстоятельству, я получил возможность осмотреть все частные дома и дворцы, где только находилось что-нибудь замечательное по части искусств».

Собственно, вся неделя, проведенная Григоровичем в Генуе, была в основном и посвящена осмотру частных дворцов и особняков: «Великолепная наружность этих *palazzo* не обманывала ожиданий: внутри они были еще великолепнее. Эти фасады из цветного мрамора, почерневшие от времени и страшно теперь запущенные, служат как бы предисловием тому, что встретишь в самом здании, когда отворится дубовая дверь, обитая железом. Громадные прихожие сверху донизу расписаны фресками; потолки и стены других зал и комнат тоже

покрыты живописью; но все это исчезает местами под копоть, местами изъедено сыростью или исполосовано паутинами. Спускаясь или поднимаясь по мраморным лестницам, украшенным колоннами, статуями, нишами, вычурными пилястрами, вы чувствуете, как под ногами хрустит пыль, которую не сметали более столетия; кучи сору чернеют во всех углах. Если в *palazzo* находится картинная галерея, *gallerio dei quadri*, вас проведет туда старый оборванный слуга – единственный смотритель дома, заменивший прежние толпы раззолоченных лакеев, теснившихся на этих самых лестницах. Многие дворцы сохранили еще мебель времен патрициев республики; стертая позолота на резных орнаментах, украшающих разного рода мебель, обнажает бурый грунт или дерево; цветной штоф с широкими разводами висит клочьями перед окнами или исчезает под густым слоем пыли».

Из картинных собраний Григоровича особенно впечатлила коллекция собранная генуэзским семейством Бриньоле-Сале в Palazzo Rosso (в 1874 г. Мария Бриньоле-Сале, герцогиня Галльера завещала дворец и его коллекции «народу Генуи» – А.К.) При описании коллекции Красного дворца Григорович обнаруживает себя как тонкий знаток искусства, например, творчества фламандского живописца А. Ван-Дейка (автор называет его, как часто тогда говорили, «Вандиком»). По его мнению, именно «генуэзский период» в жизни фламандца был наиболее плодотворным и все, что написано Ван-Дейком в Генуе «служит самым пол-

ным выражением зрелости и силы его таланта»: «До отъезда своего в Италию Вандик, хотя и проявляет уже самобытность, но все еще очевидно находится под влиянием Рубенса. В последнюю поездку в Англию, где писал он так много и где кончил свое поприще, в манере его проявляется легкость, быстрота исполнения, вынужденная отчасти бесчисленными заказами, отчасти выгодой, и сильно вредящая сочному, искусному письму, составляющему не последнее достоинство в его произведениях; картины его этой эпохи, при всей своей поэтической щеголеватости, отличаются бледностью, белесоватым, линиялым каким-то тоном. В Италию отправился он в полном цвете лет. Созрев уже настолько, чтобы выразить свою индивидуальность, он, тем не менее, прибавляет здесь к своим достоинствам чистоту рисунка, необыкновенное благородство стиля и блестящий колорит венецианцев; он изучал их с особенною любовью. Все же качества соединяются в картинах, писанных им в Генуе; странствуя по Италии, он два раза был в Генуе, жил здесь довольно долго и здесь только работал усидчиво и много. Он неожиданно вошел тогда в моду, как и теперь это случается иногда с тем или с другим художником; вельможи и богатые люди наперерыв заказывали ему портреты и картины».

И лучшие генуэзские картины художника, по мнению Григоровича, собраны именно в генуэзском дворце семейства Бриньоле-Сале: «Отец теперешнего герцога, горячий любитель искусств, не

довольствуясь Вандиками, которые доставались ему по наследству от предков, современников живописца, – скупил еще те картины Вандика, которые продавались разорившимися старинными фамилиями. В одном этом Palazzo Rosso я насчитал девять Вандиков самой блестящей, самой лучшей его манеры».

Много пишет Григорович и о Palazzo Doria-Pamfili (Palazzo del Principe), построенном в западной части Генуи в начале XVI в. для адмирала Андреа Дориа: «В архитектурном отношении он чуть ли не первое здание города и невольно останавливает внимание грандиозным фасадом из белого мрамора, боковыми своими аркадами самого изящного очертания и террасами, которые спускаются к заливу. Мимо заднего фасада дворца проходит улица. Под нею, вправо, по скалам разбросан великолепный сад; он соединяется с дворцом высокими арками, которые проходят над улицей; все это, соединенное вместе, представляет волшебную архитектурную декорацию. С передних террас открывается вид на залив и город, поднимающийся амфитеатром у подножия гор, усеянных красивыми виллами и садами; впереди, на одной из бесчисленных платформ, выложенных мозаикой из белых и серых камешков, возвышается монументальный фонтан с изображением Нептуна. Говорят, голова Нептуна представляет вернейший снимок с головы знаменитого морехода Андреа Дориа, родоначальника теперешней фамилии».

«В художественном отношении, – отмечает Григорович, – внутренность дворца еще интереснее»: «Лепные и писанные орнаменты портала и главного входа, большие фрески по стенам лестницы сочинены и писаны Перино дель Вага, одним из лучших учеников Рафаэля. Фреска его “Гораций Коклес и Муций Сцевола”, большой плафон, изображающий битву титанов и группы детей в виде медальонов и барельефов, уцелели каким-то чудом посреди всеобщего разрушения; они так еще свежи, как будто написаны в нынешнем столетии... Целость этих драгоценных образчиков решительно надо приписать чуду, потому что рядом с ними соседние комнаты представляют самую жалкую картину запущенности и разрушения; стены изъедены сыростью, живопись или осыпалась, или едва проглядывает сквозь пласт селитряной накипи; мозаические полы так растрескались, что во многих залах их заменяет грубая дощатая настилка».

По мнению Григоровича, «в художественном отношении Генуя весьма замечательный город», и «меньше говорят об ней потому, что сюда реже заглядывают путешественники»: «Она лежит в стороне от обычных, давно принятых сообщений между Европой и Италией: путешественники, отправляющиеся сухим путем, едут обыкновенно прямо на Францию и оттуда в Рим; пароходы также минуют ее; Ливорно и Чивита-Веккия служат главными пристанями, а если иногда и заходят в Геную, так разве на несколько часов, едва достаточных, что-

бы составить себе даже общее понятие о физиономии города».

Как и другие внимательные русские путешественники, пожившие в Генуе хотя бы некоторое время, Д.В. Григорович мягко, но убедительно оспаривает предубеждения, сложившиеся в обывательском сознании относительно Генуи и генуэзцев: «Старинная поговорка о море без рыбы, горах без лесу, мужчинах без совести, женщинах без стыда не имеет теперь никакого смысла, по крайней мере, насколько могли мы судить в короткое время нашего пребывания. Каждый день за обедом и завтраком нам подавали превосходную рыбу, пойманную утром в самом заливе; нижняя часть гор, окружающих Геную, покрыта самою роскошной растительностью: из-за решеток садов, над террасами дворцов и над стенами вилл тесно группируются лимонные, апельсиновые, оливковые и фиговые деревья; к ним припутываются розовые лавры и южная акация. Местами поднимаются темные пирамиды кипарисов; все это обвито тучными фестонами винограда и разных южных плющей. Часто в этой роскошной лиственной чаще - или одиноко на стенах, или в глиняных огромных вазах – рисуются синеватые неподвижные листья алоэ. Что ж касается нравов, мы встретили самую радужную приветливость, соединенную с необыкновенною простотою обращения; в гостиницах с нас брали немного и, конечно, меньше обсчитывали, чем в других городах Италии. Еще менее причин думать, чтобы старая поговорка нашла свое оправ-

дание в нравах женщин! Основываясь на всем этом, можно вывести заключение, что восклицание Данте: “О генуэзцы, люди, лишенные всякого приличия и полные хитрости, отчего до сих пор вас не разнесло по свету!” – находит только объяснение в той ненависти, которая в средние века разделяла друг от друга города Италии и которая, к сожалению, быть может, и теперь еще не совсем прекратилась!»

Если что и печалит по-настоящему Григоровича в Генуе, так это виды «запустения и чего-то отжившего», которые на каждом шагу бросаются в глаза: «Грустное впечатление сглаживается разве только после солнечного заката. Мрак, потопляющий дворцы и улицы, скрывая их обветшалость, возвращает им как будто прежнее их величие. Местами громадный полукруглый портал открывает в глубине пространный двор, обставленный рядами арок; смутно обозначаются галереи и лестницы, идущие перехватами; одинокий фонарь вычурного очертания висит на цепи над темным входом: бледный свет его, едва скользя по ближайшим колоннам, ветхому мозаическому полу и зацепляя кое-где часть ступеней, обманывает глаз и воображение; все кажется тогда великолепным! К этому обману способствует также многолюдье и шум толпы; к сумеркам весь город начинает обыкновенно высыпать на улицу. В общем сумрачном тоне мелькают сотни цветных бумажных фонарей, которые берут с собою гуляющие; повсюду мелькают белые покрывала или пестрые *pezotto* на головах

и плечах женщин. То тут, то там, посреди роя цветных фонарей, выступает раззолоченный, украшенный гербами и резными украшениями аристократический портшез, несомый ливрейными лакеями. Говор идет неумолкаемый; на каждом шагу в звуках языка, в восклицаниях, хохоте и самом говоре уловляешь новые, неведомые до того оттенки; так, например, беспрестанно слышишь слово «*adieu*», которое употребляют здесь не при расставании, но при встрече с знакомыми. В эти часы Генуя совершенно перерождается. Человек, которому бы случилось провести здесь только несколько часов ночи, мог бы вернее сказать, что видел старую, великолепную Геную, чем тот, который прожил здесь несколько суток».

Для многих русских путешественников, и до, и после Григоровича, любимым местом в Генуе оказывалась площадка на колокольне церкви Санта Мария де Кариньяно, откуда открывается редкий по красоте панорамный вид. Вот и Григорович оказался здесь же в свой последний день в Генуе: «В день нашего отъезда условились мы подняться на самую высокую точку города с тем, чтобы хоть сколько-нибудь получить понятие об общей панораме. С такую целью пустились мы в дорогу; но на пути попалась нам церковь *Santa Maria de Carignano*, и мы не пошли далее... Трудно представить себе что-нибудь поэтичнее этого места! Природа Италии выразилась здесь во всей своей пышности; померанцевые и лимонные деревья смешиваются с миртами, лаврами и олеандрами;

громадные кипарисы бросают длинные голубые тени через массы зелени. В конце темной аллеи возвышаются, как колонны разрушенного храма, две пальмы, первые пальмы, которые мне случилось видеть на вольном воздухе. Хотя точка эта не слишком высока, – отсюда открывается, однако ж, отличный вид; под ногами дугообразно разворачивается часть города с живописными массами своих пестрых мраморных зданий, с своими куполами, зеленеющими террасами и белыми воздушными аркадами, установленными вазами с алоэ и окруженными сквозными балюстрадами; далее, внизу, темнеет лес мачт, оживленных пестрыми флагами всех наций; еще далее разворачивается великолепный голубой залив, окаймленный горами, которые постепенно пропадают и затушевываются голубоватой сияющей далью».

В начале декабря 1858 г. эскадра русских кораблей (уже во главе с Великим князем Константином Николаевичем на флагмане – «Громобое») покинула Геную и отправилась сначала снова в Виллафранку, а потом в дальнейшее путешествие – к берегам Сицилии. Там, в Палермо, Великий князь и команды «Громобоя» и «Ретвизана» встретили новый, 1859-й год.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Чехов Антон Павлович (17.01.1860, Таганрог – 2.07.1904, Баденвайлер, земля Баден-Вюртенберг, Германия) – писатель, драматург. Почетный академик Императорской Академии наук (1900). Учился в таганрогской классической гимназии, затем на медицинском факультете Московского университета.

Литературную деятельность начинал в юмористических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Осколки», писал короткие фельетоны для «Петербургской газеты», «Нового времени», «Русских ведомостей». Весной 1886 г. получил письмо от литератора Д.В. Григоровича, где тот укорял Чехова в растрате большого таланта «на мелочишки»: «Голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите ваши впечатления для труда обдуманного». Выход «Степи» и «Скучной истории» в толстом журнале «Северный вестник» сделали Чехова по-настоящему известным публике: в октябре 1888 г. за свой сборник «В сумерках» он получил Пушкинскую литературную премию.

Всю свою жизнь А.П. Чехов испытывал тягу к дальним путешествиям – с самого детства его кумирами были Стэнли, Камерон, Пржевальский. Как известно, после поездки на Сахалин 30-летний Чехов вернулся в Россию сложным кружным путем – через Японию, Китай, Филиппины, Сингапур, Индию, Цейлон, Египет и Турцию. Но мало кто знает, что по возвращении он почти сразу начал пла-

нирывать поездки в Америку, в Японию и Индию – причем надолго. Несколько раз порывался ехать в Австралию и Африку. Ну и, разумеется, неоднократно бывал в Европе. Чехов трижды путешествовал по Италии, и все эти три поездки так или иначе коснулись Генуи – правда, затронули ее в разной степени.

Первое путешествие в Италию было предпринято Чеховым в марте-апреле 1891 г., всего лишь через несколько месяцев после поездки на Сахалин. Эти два путешествия в сознании Чехова остались неразрывно связанными друг с другом: чуткий с юности к мотивам «Божественной комедии» Данте, он считал Сахалин и Италию своего рода «метафизической парой»: «Ад – Рай». Спутником Чехова в том путешествии был его старший друг и издатель Алексей Сергеевич Суворин. Маршрут: поездом через Варшаву и Вену в Венецию; затем – Болонья, Флоренция, Рим, Неаполь (с посещением Помпей и восхождением на Везувий), опять Рим, потом – Ницца, Монте-Карло, Париж.

Впечатление от Генуи осталось у Чехова тогда более чем мимолетное. Когда уже в конце поездки они с Сувориным ехали из Рима поездом в Ниццу, Чехов 12 апреля 1891 г. отправил письмо родным из Финальмарины (Финале Лигуре) – станции между Генуей и Аллассио: «Я еду в Ниццу по берегу моря. Только что миновал Геную. Виды великолепные, но все удовольствие портит скверная погода. Лупит дождь, небо пасмурно, земля грязная... Заграничные вагоны и железнодорожные порядки хуже рус-

ских. У нас вагоны удобнее, а люди благодушнее. Здесь на станциях нет буфетов. Ваш *Antonio*».

Пожить в Генуе, хотя и недолго, Чехову довелось во время второго путешествия с Сувориным в Европу в сентябре-октябре 1894 г. Они тогда выехали из Одессы поездом на Вену, побывали на Адриатике – в Аббации, Триесте, Фиуме. В Венеции, катаясь вечерами на гондоле, Чехов подхватил крапивную лихорадку, которая затем сильно тревожила его («для меня теперь нет выше наслаждения, как почесаться о косяк», – писал он тогда близкому другу Н.М. Линтваревой). В Милане Суворин показал ему поразившее его самого годом раньше (во время путешествия с Григоровичем) миланское кладбище с крематорием. Чехов, разделявший странные пристрастия Суворина к кладбищам, полуиронически написал тогда из Милана сестре Марии Павловне: «В Милане я осматривал крематорию, т.е. кладбище, где сжигают покойников; пожалел, что не жгут здесь и живых, например еретиков, кушающих по средам скоромное... Ничего больше не остается, как ехать в Геную, где много кораблей и великолепное кладбище».

29 апреля 1894 г. путешественники приехали в Геную, где на две ночи остановились в «Grand Hotel de Genes» рядом с оперным театром «Carlo Felice». Из Генуи Чехов написал письмо Линтваревой, свидетельствующее, что и там они с Сувориным не изменили своим привычкам и первым делом посетили знаменитое генуэзское кладбище Staglieno:

«Теперь я в Генуе. Тут тьма кораблей и знаменитое кладбище, богатое статуями. Статуй, в самом деле, очень много. Изображены в натуральную величину и во весь рост не только покойники, но даже и их неутешные вдовы, тещи и дети. Есть статуя одной старушки-помещицы, которая держит в руке два сдобных хохлацких бублика...»

Надо добавить, что в последней строке Чехов упомянул действительно замечательное в своем роде надгробие, по своей известности соперничающее на Staglieno разве что с пантеоном Джузеппе Маццини. Правда, «старушка-помещица» – это, на самом деле, Катерина Камподонико, простая генуэзская торговка. А в руках она держит не «хохлацкие бублики», а предмет своей торговли – *ciambelle*, популярную лигурийскую выпечку, действительно напоминающую крендель. Продавала Катерина и печенье, и каштаны, и орешки фундук, нанизанные на ниточки, и приносящие, как считали, удачу – всё это тоже отражено в памятнике. За долгие годы Камподонико стала легендарной в Генуе персоной: отказывая себе в самом необходимом, она накопила большую сумму, которой распорядилась по-своему: на все деньги заказала собственное надгробие у знаменитого скульптора Лоренцо Ореньо. Она была еще жива, когда в 1881 г. ее памятник появился на Staglieno, оброс мифологией и стал местом паломничества. Когда же в июне 1882 г. Катерина Камподонико умерла, огромная процессия генуэзцев проводила ее от церкви San Stefano на городское кладбище.

Впечатления от посещения Генуи в 1894 г. отразились в чеховской «Чайке» (которую он, кстати, обдумывал в дни путешествия, но все время откладывал начало писания). Вспомним разговор Медведенко, Треплева и Дорна из последнего, четвертого действия.

Медведенко. Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился?

Дорн. Генуя.

Треплев. Почему Генуя?

Дорн. Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что, в самом деле, возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная.

Образ Генуи, которую Чехов посетил весной 1894 г., в развязке «Чайки» возвращает к ее завязке – пьесе-мышеловке, когда Нина Заречная говорит словами «мировой души». Многолюдная Генуя, ее «превосходная толпа» – это и есть воплощенная «мировая душа»; тема эта, по-видимому, одно время очень увлекала Чехова, но прошла пунктиром – в его жизни наступал новый период.

В январе 1901 г., когда Чехов лечился в Ницце, у него созрели планы нового далекого путешествия: на корабле вдоль Тирренского побережья Италии и далее – в Северную Африку. Кампанию ему согласились составить русские ученые, живущие тогда в Ницце: социолог Максим Максимович Ковалев-

ский и зоолог, много путешествовавший раньше по островам Индийского и Тихого океана, Алексей Алексеевич Коротнев. (Кстати, в мемуарах Ковалевского, опубликованных в «Биржевых новостях» в 1915 г., есть беглое указание на то, что зимой 1900–1901 г. Чехов, Ковалевский и Коротнев не раз совершали втроем «странствования» из Ниццы на Итальянскую Ривьеру – «редко когда длившиеся более недели». Не исключено, что дружная троица могла тогда добраться и до Генуи – А.К.)

11 января Чехов писал из Ниццы О.Л. Книппер: «На сих днях, если море не будет так бурно, как теперь, я уезжаю в Африку... В Африке пробуду недолго, недели две». 26 января он писал ей уже более конкретно: «Ну, дуся моя хорошая, сегодня, по всей вероятности, я уезжаю в Алжир... По слухам, идущим от моих спутников, пробуду я в Алжире недели две, включая сюда и время, которое я потрачу на поездку в Сахару. Из Сахары вернусь я тропически знойным, пыльным адски...» Правда в том же письме возникает и другой вариант путешествия: «Если, мамуся моя, вечером начнется на море волнение, тогда, повинувшись спутникам своим, поеду не в Алжир, а в Италию, в Неаполь... Но, однако, у меня воспрянул дух мой, люблю я путешествовать. Моя мечта последних дней – поездка на Шпицберген летом или в Соловки».

Реализовался именно второй вариант: Чехов, Ковалевский и Коротнев отправились поездом через Геную в Ливорно, потом посетили Пизу, Флоренцию и Рим. До Неаполя Чехов не доехал: взвол-

нованный противоречивыми известиями о постановке «Трех сестер» в Московском Художественном театре, он внезапно прекратил вояж и уехал из Рима в Россию.

Сохранились воспоминания М.М. Ковалевского о той, последней поездке Чехова в Италию. Ночью, в поезде, им обоим не спалось, и они разговорились: ««Мне трудно, – сказал Чехов, – задаться мыслью о какой-нибудь продолжительной работе. Как врач, я знаю, что жизнь моя будет коротка». Чехов, в молодости столь жизнерадостный, заражавший своим смехом читателей «Русского курьера», в котором печатались его мелкие рассказы, под влиянием болезни становился все более и более сосредоточенным, но не мрачным. Он без страха смотрел в будущее и не жаловался на свою судьбу, считая ее неотвратимой».

Несмотря на точное знание о собственном состоянии, в своих последних письмах родственникам и друзьям смертельно больной Чехов десятки раз упоминал о том, что хочет отправиться на лечение в Италию, в городок Нерви, совсем рядом с Генуей. Спасительное путешествие в Нерви в последние месяцы жизни буквально стала его «*idée fixe*» – совсем как поездка в Москву для придуманных им «трех сестер».

В 2004 г., во время международной конференции «Душа мира и мир Чехова», посвященной 100-летию его кончины, лицеисты Генуи, в память о Чехове, посадили вишневые деревца в Садах Нерви.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БЕНУА

Бенуа Александр Николаевич (21.04.1870, Санкт-Петербург – 9.11.1960, Париж) – живописец, график, театральный художник, искусствовед. Родился в семье архитектора Николая Леонтьевича Бенуа и Камиллы Альбертовны Кавос – дочери архитектора Альберто Кавоса и внучки композитора и дирижера Катарино Кавоса, уроженца Венеции. Обучался в Императорской Академии художеств; в 1894 г. начал карьеру теоретика и историка искусства, написав главу о русских художниках для немецкого сборника «История живописи XIX века». В июне того же года женился на Анне Карловне Кинд, дочери концертмейстера придворного оркестра.

Впервые посетил Италию осенью 1894 г.: врачи настоятельно рекомендовали Анне Карловне («Ате») пройти курс «виноградного лечения» на берегах Средиземного моря – «лучше всего в окрестностях Генуи». Для лечения был выбран курорт в западном пригороде Генуи – Pegli, где Бенуа забронировали номера в пансионе с видом на море. Ехали поездом через Германию и Швейцарию; на последней станции перед Сен-Готардским перевалом переночевали в придорожной гостинице: «Наконец, мы в Италии! Положим, еще не в настоящей Италии, ибо это все еще Швейцария, но живут здесь люди, родной язык которых итальянский, и дома у них совсем иные, нежели те, в которых

мы только что побывали, и совсем другие церкви. Чтоб особенно осознать, восчувствовать, что мы в Италии, мы заказали себе макароны с пармезаном, которые мы с особенным умилением запивали темно-красным вином, наливая его из заделанной в солому круглой бутылки. Тут подоспел наш поезд».

Начиная с Беллинцоны («напоминавшей своими замками романтические гравюры»), Бенуа ощутили, что они – «в другой стране, что хоть это и швейцарский кантон, но все же это несомненная Италия»: «Поезд уже несется по берегам Луганского озера и пересекает его по длинному мосту... Уже вечер. На фоне розоватого неба силуэтом выделяется тонкая длинная колокольня, и оттуда льется своеобразный, не похожий ни на русский, ни на немецкий благовест. Такие же, вероятно, переливы слушали герои одного из наших любимых исторических романов – «Promessi sposi» <Обрученные> Манцони... Этот первый вечер в Италии запал нам глубоко в души».

Бенуа на три дня остановились в Милане (потом они бывали там неоднократно), где узнали новость о кончине российского императора Александра III: «И тут вдруг стал я различать среди всяких других выкриков один повторявшийся и показавшийся мне зловещим крик: «*Le morte del tzar, le morte del tsar*» (смерть царя, смерть царя. – *итал.*). Купив газету, я удостоверился, что действительно нашего Александра III не стало. И это известие огорчило меня, точно я потерял очень близкого человека.

В своих сокровенных мечтах мне думалось, что я когда-нибудь послужу этому государю, к которому за последние годы я стал чувствовать род благоговения».

Из Милана путешественники направились в Геную; приехав, по выражению Александра Бенуа, «в этот прекрасный царственный город», они тут же отправились на берег: «Уж очень захотелось увидеть море – Средиземное море, то самое, по которому плавали и Одиссей, и Эней, и крестоносцы, и левантийские пираты, и, пожалуй, кое-какие мои дедушки – “венецийские гости”... Атя уже была знакома с этим морем и даже чуть было не погибла в нем, увлекшись в Марселе купаньем, я же видел его в первый раз! Однако увидел я его не райски-лазуревым, как его всегда описывают, а в эти октябрьские сумерки оно показалось неприветливым, хмурым, зеленовато-серого оттенка под пеленой низко нависших туч. Зато воздух был того, которого мы жаждали, – т.е. насыщенный влагой, особыми морскими запахами. И чудесен был весь этот простор, которому особую ноту придавал высоко вытянувшийся старинный маяк, совсем такой фантастический, каким его видишь на гравюрах и на картинах». «Пленила нас Генуя в общем, – пишет в мемуарах А. Бенуа, – вся в целом – своим гордым великолепием. Такого собрания прекрасных дворцов, какие здесь стоят сплошным рядом на главной улице (Via Garibaldi. – А.К.), нигде не найти. И именно благодаря тому, что улица эта такая узкая и тесная, все эти дома и кажутся еще более

грандиозными и царственными. Это обиталище королей и государей, а не разбогатевших купцов».

Две недели Бенуа прожили в пансионе в Пельи: «От некогда процветавшего здесь когда-то рыбацкого селения осталось всего несколько лишенных всякой живописности домишек; среди них втерлось совершенно банальное здание нашего отеля... Впрочем, наша комната, просторная и светлая, с видом на море, пришлось нам по вкусу, да и ко всему отелю мы за две недели нашего пребывания так привыкли, что не без огорчения его затем покинули». Совершали супруги Бенуа и прогулки по горам в окрестностях Генуи; Александр Николаевич брал с собой мольберт и делал этюды с натуры.

В своей книге «Мои воспоминания» А.Н. Бенуа сделал любопытные зарисовки жизни отдыхающих на генуэзском курорте: «Табльдот происходил за двумя общими длиннейшими столами. Сидело за ними человек шестьдесят, и все вперемешку: молодежь, старики, дети. Кормили хорошо и обильно. В качестве же вечернего развлечения, кроме картежной игры (для нас чуждая область), можно было слушать механический орган необычайной величины, чудесное дудение, шипение и звяканье которого довольно удачно имитировали оркестр. К этому музыкальному чудищу мы после обеда вместе с другими невзыскательными меломанами подсаживались, а немец-оберкельнер заводил машину и ставил ее на разные номера. Репертуар состоял из двух десятков пьес, и все это было са-

мое избитое (но все же милое), старое: увертюры или поппури из «Фра Дьяволо», «Цампы», «Белой дамы», «Марты», «Сороки-воровки», «Вильгельма Телля» и т.д.»

После Генуи супруги Бенуа посетили Пизу, Флоренцию, Падую и Венецию. Большой художественный талант, вложенный в «Воспоминания» А.Н. Бенуа, поставил эту книгу в ряд лучших русских мемуаров об Италии.

МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН

Волошин Максимилиан Александрович (настоящая фамилия – Кириенко-Волошин; 28.05.1877, Киев – 11.08.1932, Коктебель) – поэт, эссеист, переводчик, художник. Отец – Александр Максимович, из запорожских казаков, коллежский советник. Мать – Елена Оттобальдовна (урожденная Глазер), из обрусевших немцев. Учился на юридическом факультете Московского университета, но был отчислен «за участие в беспорядках».

Волошин впервые посетил Италию (Венецию, Верону, Милан) вместе с матерью во время европейского путешествия осенью 1899 г. Зимой 1900 гг. задумал новое путешествие по Италии – в одном из дневниковых набросков писал о своем тогдашнем настроении:

В Италию – громко звенело ушах,
В Италию! – птицы мне пели,
В Италию – тихо шуршали кругом
Мохнатые старые ели...

Волошин начал учить итальянский язык, занялся историей искусств, проштудировал «Путешествие по Италии» Гёте. В письме А.М. Петровой от 9 января 1900 г. из Берлина писал: «Я мечтал, что с первыми лучами весеннего солнца я пойду странствовать по Германии и проберусь на юг Италии...

А пока я накопил себе путеводителей по Италии и усердно изучаю их. Теоретически я уж исходил всю Италию вдоль и поперек, с Сицилией включительно».

В начале июня 1900 г. Волошин выехал за границу. Его компаньонами по путешествию стали друзья-студенты: Леонид Васильевич Кандауров, воспитанник семьи художника В.Д. Поленова (побывавший с ним в Палестине, Египте и Сирии), и князь Василий Петрович Ишеев.

Сначала собирались пройти Италию пешком, но, поняв неосуществимость этого плана, решили часть пути путешествовать поездом. Маршрут был расширен: «Задача нелегкая: пройти через Тироль, озера, всю Италию, прожить в Риме, в Неаполе и вернуться через Афины и Константинополь, и в три месяца!» Выделенные на путешествие деньги были скромны – каждый вносил по 150 рублей. Волошин писал матери: «Все это можно сделать на 150 р., считая на переезды 80 р. (я высчитал по путеводителям), а остальные деньги распределив на 3 месяца, остается по 2 франка в день на остановки и питание; останавливаясь на постоянных дворах и в ночлежных домах и питаясь преимущественно хлебом, молоком и другой примитивной пищей, – этого хватить может свободно».

Пройдя через южную Баварию и австрийский Тироль, путешественники достигли итальянской границы. 12 июня Волошин записал в «Дневнике путешествия», который друзья вели по очереди: «От разреженного воздуха слегка кружилась го-

лова. Наконец, мы очутились наверху, на границе трех государств – Австрии, Италии и Швейцарии и там в кабачке «Casa delle tre lingue» (Дом трех языков – *ит.*) выпили пол-литра вина и в 4 1/2 часа пополудни вступили на итальянскую территорию. Исполнить наше намерение, чтобы стать на четвереньки таким образом, чтобы различные части нашего тела находились в различных государствах, нам не удалось, потому что было грязно, мокро и холодно. По итальянской территории ходили тучи, из долин тянул холодный ветер и хлестал дождик».

Первым итальянским городком на их пути был Бормио, описание которого оставил в «Дневнике» Л. Кандауров: «Резко бросаются в глаза особенности итальянской жизни по контрасту с немецкой. Бормио – маленький грязный городок на берегу не менее грязной Адды. Улицы узенькие, с отвратительной мостовой, движенья почти никакого. Поля возделаны плохо, всюду грязь, небрежность и бедность... На городском мосту следующая надпись: «Запрещается брать на топливо материал из этого моста, в особенности перила»». Трудно узнать в данном этом описании сегодняшний горнолыжный курорт Бормио с его фешенебельными отелями на берегах речки Адды – образца чистоты и ухоженности.

Далее Волошин решил несколько дней путешествовать в одиночестве и, получив из общей кассы оговоренную сумму, направился дилижансом по направлению к Милану, постоянно сравни-

вая свои впечатления с описаниями Генриха Гейне из третьей главы его «Путевых картин» о путешествии из Мюнхена до Генуи. Только приближаясь к Сондрио он почувствовал «настоящую Италию», виденную им год назад: «Местность была еще очень высокая и дикая, но с каждым поворотом дороги Италия сказывалась все сильнее. Она сказывалась в смуглых лицах и загорелых щеках, и в пушистых группах каштанов, и в живописной нищете деревушек, и в гирляндах винограда, свешивавшихся из-за каменных оград».

В Сондрио он приехал поздно вечером: «Когда я проезжал по темным улицам, местами освещенным электрическими лампочками, на меня пахло тем ярким и пестрым шумом итальянской толпы, который был мне так памятен после Венеции. Я долго ходило по улицам Сондрио, ища себе ночлега и пугая народ звоном своей большой палки и подкованных каблуков, нестерпимо гремевших и визжавших о каменные плиты улиц». На следующий день он уехал в Колико, а потом в Милан, где гулял в одиночестве либо в знаменитом Соборе, либо на поразившем его миланском кладбище Monumentale.

Наконец, на четвертый день, в отеле появились Ишеев и Кандаурова. Как и прежде, они вели «Дневник путешествия» по очереди, соревнуясь в наблюдательности и остроумии. Князь Ишеев оставил, например, любопытную зарисовку миланского отеля: «Наша гостиница в Милане “Савойя” – очень странная гостиница... В этой стран-

ной гостинице очень странный лакей – мальчишка весьма нелепых свойств. Первоначально он относился к нам очень неровно..., громко и тяжело вздыхал, когда мы приказывали принести воды для питья, и воду постоянно приносил в таких крошечных графинчиках, что выпивали их одним залпом. Перед отъездом мы дали ему 2 лиры. Эта щедрая награда за нелепости, им совершаемые, совершенно его ошеломила. Он окончательно утратил всякий смысл своих действий. Он принес Максу сразу 3 графина с водою, 2 чернильницы. Вбежал опрометью ко мне и, бросив на стол без всякого повода чайную ложку, стремительно убежал назад».

Тот же Ишеев описал и дорогу из Милана до Генуи: «Ломбардская равнина стала изменяться. Появились сначала на горизонте мягкие очертания отрогов Апеннин. Поезд стал нырять в темноту туннелей. Наступил мрак особенно продолжительный – очень длинного тоннеля. Мы подъезжали к Генуе. Всем страстно захотелось поскорее увидеть море. Макс высунул голову в окно и объявил, что уже пахнет морем. Поезд остановился на несколько минут на вокзале на окраине города. Потом перенесся по туннелю под улицами, и мы очутились на центральном вокзале».

В Генуе друзьям рекомендовали дешевый отель «Piccola Torina» (1 лира с человека в день): удивительно, но слуга отеля встретил путешественников на вокзале и потом долго вел их лабиринтами генуэзских улиц. Ишеев писал в «Дневнике»: «Дома

громадные, шести- и восьмиэтажные, все сплошь увешаны бельем, которое сушится на жарком солнце... Мы пошли в самый город и долго бродили по узким, пестрым улицам, то поднимающимся кверху, то спускающимся и тогда особенно красивым. Иногда эти улицы становились до того узкими, что можно было сразу коснуться обеими руками противоположных стен. Иногда они даже соединялись наверху домов в виде арки. Нас окружала веселая говорливая оживленная толпа... Макс (Волошин – А.К.) своей рубашкой навыпуск производил на генуэзцев ошеломляющее впечатление, служанки выскакивали из дверей, мальчишки смеялись и кричали что-то непонятное. Один господин старался обратить даже мое внимание на необычную фигуру неведомого иностранца».

Ишеев описал и первый обед троицы в Генуе: «Обедали мы опять неизменными макаронами и рисом. У меня явилась блестящая мысль выпить кофе с шартрезом. Максу эта мысль тоже пришла по вкусу. Один Леонид остался на неприступной высоте умеренности и экономии. Долго я убеждал его в законности позволить себе такую невинную роскошь. Наконец, взяв с меня торжественное обещание даже в случае крайней необходимости не покупать себе брюк, он, наконец, согласился. К нашему изумлению, именно местного ликера не оказалось, и нам дали бенедиктина».

После обеда пошли, наконец, к морю: «В прекрасном настроении отправились мы бродить по городу. Вышли на мол. Перед нами открылась

темно-синяя даль моря. Погода тихая, ветра почти нет. На море штиль. У берегов море зеленовато-серое, иногда пробегает красноватая полоса. Далее, точно отделенное какой-то волшебной чертой, море совершенно синее. Справа синева эта сливается с туманными, воздушными очертаниями Апеннин. Море чуть пенилось у берегов и вокруг выступающих утесов».

Следующий день в Генуе в «Дневнике» описал Волошин, взяв эпиграфом к своей записи известный любому культурному русскому (даже никогда в Генуе не бывавшему) диалог учителя Медведенко и недавно приехавшего из Европы доктора Дорна из чеховской «Чайки»: «А какой город Вам больше всего понравился в Европе? – Генуя. В ней великолепная уличная толпа». Волошин соглашается: «Уличная толпа в Генуе действительно великолепна. Генуя, как и Париж, живет на улице. На улице же она совершает все свои жизненные отправления – ест, пьет, спит, принимает поясные ванны под фонтанами».

Вообще Генуя понравилась путешественникам (запись того же Волошина): «Генуя – дикий город, нелепый и вместе с тем бесконечно прекрасный. Щелки в полтора аршина шириной между бесконечными каменными громадами здесь считаются улицами. Самые жалкие лачуги имеют здесь не менее восьми этажей росту. Грязное белье, развешанное на веревках на головокружительной высоте, считается самым подобающим украшением для мраморных дворцов и восьмиэтажных гряз-

ных домов, умилительно нелепо вытаращивших на море неисчислимое количество окон. Особенно хороши и красивы генуэзские дети... Но Генуя хороша только там, где она грязна, узка и высока; там, где она подделывается под Европу, она становится скучна и обыкновенна. Улицы ее пахнут тухлым мясом и цветами. Порт ее сер, подернут клубами дыма, заставлен бесконечными мачтами кораблей и посыпан угольной пылью».

Следующим утром, выпив, как обычно, молока в соседней «латтерии», друзья отправились смотреть, как они считали, главную достопримечательность Генуи – ее Campo Santo, кладбище Staglieno. Пешком дошли до Piazza Corvetto, где почти рядом стоят памятники республиканцу-карбонарию Джузеппе Маццини и королю Виктору-Эммануилу II), откуда далее поехали на недавно пущенном электрическом трамвае.

О всемирно знаменитом кладбище Волошин написал следующее: «Это грандиозное, но некрасивое сооружение. Бесконечные переплетающиеся коридоры переполнены невыразимо пошлыми мраморными изделиями, увековечивающими генуэзских банкиров и коммерсантов конца XIX в. На самом верху холма, вне здания лежит могила Маццини, украшенная тяжелой низкой дорической колоннадой. Есть в ней что-то несоответствующее. Таким людям подобает быть или непризнанными, или обоготворенными. Такое же уважительное полупризнание кажется какой-то недоговоренной фразой».

Сам Максимилиан Волошин, напомним, в юности тоже был почти «карбонарием», и генуэзец Джузеппе Маццини был, разумеется, одним из его кумиров. Поэтому Макс не без гордости отмечает в «Дневнике», например, такой «генуэзский случай»: «Вчера, когда я вечером ходил про улицам, ко мне подошел, слегка пошатываясь, седовласый старец, продававший газеты: “Вы француз? “ – “Нет – русский”. – “О! Все русские хорошие социалисты! Вашу руку!”. Обменявшись рукопожатиями, мы расстались».

Очень давно не видевшие моря, спутники по несколько раз в день купались, приобретая в Генуе купальные принадлежности. Особенно подолгу пребывал в воде выросший на море Волошин. В последний день в Генуе Кандауров отметил в «Дневнике»: «Купанье было превосходно. Макс надувал щеки, прыгал в волнах, изображая одного из Тритонов Бёклиновской «Игры волн»». Этот день оказался самым солнечным в Генуе: «Сегодня утром, когда мы уже назначили отъезд в Пизу, Генуя предстала нам во всей красе яркого солнечного дня. Море, синее вдали, и зеленое ближе, весело искрилось. На улицах двигалась оживленная толпа людей и, казалось, лица также играли улыбками, как море зыбью на солнце».

После Генуи друзья проделали путь через всю Италию до апулийского порта Бриндизи на итальянском «каблуке», откуда морем отправились в Грецию, где посетили Коринф и Афины, а затем отправились в Константинополь.

Летом 1902 г. М.А. Волошин совершил свое третье итальянское путешествие, посетив вместе с литератором А.И. Косоротовым как уже виденные им места (Геную, Милан, Венецию, Неаполь, Рим, Пизу), так и новые для себя (Корсику, Сардинию, о. Капри). Увы, об этом путешествии почти ничего не известно.

Между тем Генуя еще найдет свое место в литературном творчестве М.А. Волошина. Не будем забывать, что он провел многие годы в приморской Феодосии – а ведь этот город – ни что иное, как средневековая Кафа (*Caffa*) – в XII–XIV вв. главная генуэзская колония на Черном море. Волошин, можно сказать, вырос под сенью генуэзских стен и башен – главной историко-архитектурной достопримечательности Феодосии. Есть версия, что и еще более родной для него Коктебель – тоже был некогда греческой и генуэзской гаванью.

Поэтому «Генуя» для поэта Максимилиана Волошина – явление гораздо более глубокое, нежели увиденный им воочию в 1900 и 1902 гг. современный итало-европейский город. Закономерно, что именно в этом, гораздо более «историческом» контексте, упоминается «Генуя» в коктебельском, в известном смысле программном стихотворении М.А. Волошина «Дом поэта» (1926 г.):

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,

Полынный дух и жесткий треск цикад.
А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.

.....
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё – Европа и Россия.
Гражданских смут горячая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек.
Но небо и земля – извечно те же.

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА и НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ

Ахматова Анна Андреевна (настоящая фамилия – Горенко; 23.06.1889, Одесса – 5.03.1966, Домодедово под Москвой) – поэтесса, переводчик, литературовед. Своим предком по материнской линии считала ордынского хана Ахмата, от имени которого и образовала свой псевдоним.

Гумилев Николай Степанович Гумилев (3.04.1886, Кронштадт – 24.08.1921, Петроград) – поэт, драматург, путешественник-исследователь, кавалер двух солдатских Георгиевских крестов.

Николай Гумилев с детства испытывал тягу не только к поэзии, но и к дальним путешествиям: в 6 лет он сочинил стихотворение о Ниагарском водопаде, а за несколько лет до путешествия в Италию объездил Константинополь, Стамбул, Грецию, Египет. Создатель образа «поэта-конкистадора», он находился под сильным влиянием французского поэта-романтика Теофиля Готье. В № 9 журнала «Аполлон» за 1911 г. Гумилев напечатал большое художественное эссе, посвященное 40-летию со дня смерти своего кумира. Ведь великий француз тоже был не только поэтом, но и путешественником, объездившим всю Южную Европу, побывавшим в Константинополе и даже России. По собственному признанию Гумилева, книга Готье «Italia. Voyage en Italie» стала настольной книгой его соб-

ственного путешествия по Италии в 1912 г. с женой А.А. Ахматовой.

Судя по статье в «Аполлоне», Гумилеву было очень близко *credo* Готье – путешественника и литератора: «Как турецкий султан, по закону объявляющий себя повелителем той земли, на которую он вступил, Теофиль всюду входил завоевателем и чувствовал себя единственным обитателем страны, где находился в данную минуту. “Я отправился в Константинополь, чтобы быть мусульманином в свое удовольствие; в Грецию – для Парфенона и Фидия, в Россию – для снега, икры и византийского искусства, в Египет – для Нила и Клеопатры, в Неаполь – для Помпейского залива, в Венецию – для Сан-Марко и дворца Дожей. Ассимилироваться с нравами и обычаями страны, которую посещаешь, – мой принцип; и нет другого средства вас видеть и наслаждаться путешествием».

Путешествие в Италию планировалось с конца 1911 г., когда родственники Гумилева, Кузьмины-Караваевы, уезжали в городок Оспедалетти на Генуэзской Ривьере для лечения от туберкулеза юной Марии Александровны (она скончалась там в самом конце 1911 г.).

3 апреля 1912 г. Гумилев и находившаяся на четвертом месяце беременности Ахматова выехали из Санкт-Петербурга поездом. В Вержболово пересекли границу; далее – через Германию и Швейцарию – они приехали на генуэзскую Riviera di Ponente. В Оспедалетти (совсем рядом с Сан-Ремо) они провели около недели в домике

Кузьминых-Караваевых. Именно в те дни в Ospedaletti Ахматова сочинила поэтические строки:

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобожденье близко. Всё прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

Сохранилось несколько фотографий, сделанных в Ospedaletti: Анна Андреевна снята вместе с Ольгой Александровной Кузьминой-Караваевой. Увидев одну из этих фотографий, Б.А. Ахмадулина в 1973 г. написала стихотворение «Снимок». Она потом вспоминала: «У меня много посвящений Анне Андреевне... Однажды в Петербурге мне подарили фотографическую карточку, сделанную в Италии, с ее автографом. Там было написано: «Апрель (через «ять») 12-го года. Анна Ахматова» – и точка в конце поставлена. На ней она была молода, прекрасна... Потом я не выдержала и подарила эту фотографию Дому Пастернака... Так вот, стихотворение называется «Снимок». Сначала я дума-

ла, что фотографию подарила и больше ее нет, но потом в каком-то, по-моему, нерусском журнале увидела схожие снимки – там просто профиль несколько раз повернут».

Улыбкой юности и славы
чуть припугнув, но не отторгнув,
от лени или для забавы
так села, как велел фотограф.

Лишь в благоденствии и лете,
при вечном детстве небосвода,
клянется ей в Ospedaletti
апрель двенадцатого года.

Сложила на коленях руки,
глядит из кружевного нимба.
И тень ее грядущей муки
защелкнута ловушкой снимка.

С тем – через «ять» – сырым и нежным
апрелем слившись воедино,
как в янтаре окаменевшем,
она пребудет невредима.

И запоздалый соглядатай
застанет на исходе века
тот профиль нежно-угловатый,
вовек сохранный в сгустке света.

Какой покой в нарядной даме,
в чьем четком облике и лице
прочтешь известие о даре
так просто, как название книги.

Кто эту горестную мету,
оттиснутую без помарок,
и этот лоб, и челку эту
себе выпрашивал в подарок?

Что ей самой в ее портрете?
Пожмет плечами: как угодно!
и выведет: «Оспедалетти.
Апрель двенадцатого года».

Как на земле свежо и рано!
Грядущий день, дай ей отсрочку!
Пускай она допишет: «Анна
Ахматова» – и капнет точку.

После Оспедалетти Ахматова и Гумилев отплыли на яхте Кузьминых-Караваевых из Сан-Ремо в Геную, где провели несколько дней. Именно там Н.С. Гумилев написал свою «Геную» – первое стихотворение ставшего знаменитым «итальянского цикла», опубликованного впервые в седьмом номере журнала «Русская мысль» за 1912 г.:

В Генуе, в палаццо дожей
Есть старинные картины,
На которых странно схожи
С лебедями бригантини.

Возле них, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры
Все ведут между собою
Вековые разговоры.

С блеском глаз, с усмешкой важной,
Как живые, неживые...
От залива ветер влажный
Спутал бороды седые.

Миг один, и будет чудо;
Вот один из них, смелея,
Спросит: «Вы, синьор, откуда,
Из Ливорно иль Пирея?»

Если будете в Брабанте,
Там мой брат торгует летом,
Отвезите бочку кьянти
От меня ему с приветом».

Далее Ахматова и Гумилев побывали во Флоренции, откуда Гумилев один ездил в Рим и Неаполь. Из Флоренции они уже вместе ездили в Болонью, Падую, Венецию. Затем – через Вену и Краков – вернулись в Россию.

«Итальянское путешествие» Ахматовой и Гумилева 1912 г. сопровождалось многочисленными размолвками, но – главное – было отмечено удивительным «поэтическим поединком», давшим русской поэзии целый букет шедевров. Близкая подруга Ахматовой Валерия Срезневская (в девичестве Тюльпанова) в своих мемуарных очерках «Дафнис и Хлоя» попыталась объяснить сложные взаимоотношения Ахматовой и Гумилева: «Конечно, они были слишком свободными и большими людьми, чтобы стать парой воркующих «сизых голубков». Их отношения были скорее тайным еди-

ноборством. С ее стороны – для самоутверждения как свободной от оков женщины; с его стороны – желание не поддаться никаким колдовским чарам, остаться самим собой, независимым и властным над этой вечно, увы, ускользящей от него женщиной, многообразной и не подчиняющейся никому».

1 октября 1912 г. в родильном приюте императрицы Александры Федоровны на 18-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге у Гумилева и Ахматовой родился сын – Лев, будущий знаменитый историк и этнолог.

В своей автобиографии «Коротко о себе» А.А. Ахматова позднее напишет: «В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатления от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помню всю жизнь».

Для заметок

Алексей Алексеевич Кара-Мурза

Знаменитые русские в Гене

Научно-популярное издание

Печатается в авторской редакции

Издательство ООО «ПКЦ Альтекс»
Издательская лицензия ЛР №065802 от 09.04.98

Подписано в печать 06.09.2013.
Формат 60x90 1/16. П.л. 11,75. Гарнитура «PragmaticaС».
Печать офсетная. Тираж 000 экз. Заказ № 532.

Отпечатано в типографии ООО «Мультипринт»
121357, г. Москва, ул. Вере́йская, д. 29
тел.: 585-79-64, 998-71-71,
e-mail: multiprint@mail.ru